

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*Ветер
подскажет
Юлия*

Annotation

Когда Катя Щербакова получает приглашение на закрытый аукцион, жизнь ее полностью меняется. Сделав всего один шаг к неизвестности, девушка позволила таинственному прошлому выйти из тени, и теперь придется быть очень внимательной, чтобы не перепутать: где друг, а где враг. И еще Катя не знает, что с этого дня ответственность за ее счастье будет нести далеко не самый лучший мужчина на свете.

- [Юлия Владимировна Климова](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
-

Юлия Владимировна Климова

Ветер подскажет имя

*Неприкрытая
постоянством, не
утратившая огня,
Шла Любовь
босиком по пятнам
и обрывкам чужого
сна.*

*Но не липли к ногам
болезни, пыль дорог
не смела взлететь,
Шла Любовь, и
склоняли колени те,
чьи взгляды дарили
смерть.*

*Мир боялся
вздохнуть,
шелохнуться, а
секунды стучали в
такт.*

*«Обернись! Позволь
мне проснуться!
Дай мне право и
дай мне знак!*

*Я уже никогда не
обижу, я не струшу
и не предам.*

*Я дождем поползу
по крышам, жизнь
за слово твое
отдам!*

*Обернись! Возьми
мою душу...»*

*Птицы пели, и
трава пробивалась
там, где след
светил на песке.
«Я – Любовь. Я –
Великая Малость, я
навек теперь в
тебе...»*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Климова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“»,
2018

Пролог

Давным-давно...

Жизнь в Москве и Петербурге была куда интереснее местных зловонных болот, раздолбанных глинистых дорог, сбора урожая с последующей продажей пшеницы, споров с приказчиком и вынужденных чаепитий с соседями. Павел не был готов расстаться с именем матери, но и не испытывал никакого удовольствия от сельской жизни, пропитанной стойкими ароматами коровника. Раньше этим богатством заведовал старший брат, но полгода назад Алексея дернула нелегкая отправиться в путешествие, где он подцепил неизвестную желудочную болезнь и довольно быстро сгорел, прометавшись в беспамятстве чуть больше недели. Павел пил с перерывами полтора месяца, а затем, вспомнив далекое предсмертное благословение матери, собрался и приехал в Семеновское выполнять свой долг. Долг имел весьма обширные территории и сложное хозяйство.

Павел Андреевич Воронцов – младший сын покойного графа Андрея Григорьевича Воронцова, последние пять лет в основном блистал в Петербурге. Шумные друзья, прекрасные женщины, никаких обязательств, скачки, премьеры... Что может быть лучше? Павла вполне устраивали те необременительные дела в городе, которые требовались для управления отцовским наследством. Повезло, старшего брата, наоборот, интересовала земля и все, что с нею связано. Но теперь весну, конец лета и осень точно придется проводить здесь. «Не стоит доверять хозяйство кому бы то ни было, пока сам не научишься доить коров», – любил говаривать Алексей, и, если учесть, что имение процветало долгие годы, он был прав.

Зима затягивалась, конец февраля выдался на редкость снежным, что сбивало по срокам планы Павла. Определенные договоренности по продаже леса ждали лучшей погоды, и это несколько выбивало из колеи. Но нынче март, и пора бы уже солнцу заявить о своих правах и наконец-то согреть Семеновское.

Оставив лошадь около древнего дуба, сразу за поворотом, он немного прошелся по дороге и углубился в сосны, желая посмотреть, насколько растаял снег за последние десять дней. Если поля уже начали освобождаться от белых одеяний, то в лесных чащах ситуация оставляла желать лучшего.

Вернувшись на дорогу, Павел распахнул полушубок и так стоял с минуту, давая возможность холоду пробраться к телу. Отлично. Упрямство зимы пошло на спад.

Со стороны дальнего поля двигался экипаж, а желания вступать в светскую беседу сейчас не было. Павел направился к лошади, заранее зная, что пролетка все же нагонит его, и хорошо, если не придется разговаривать с какой-нибудь напудренной мамашей, мечтающей поскорее выдать замуж одну из своих дочерей. На него уже давно объявлена охота: знатные семейства почти ежедневно зовут на бесконечные обеды и ужины. У Павла в зависимости от настроения подобные приглашения вызывали либо едкую усмешку, либо колючую злость. Как можно желать такого зятя, как он? Да, обеспечен, к тому же граф, но вряд ли он способен даровать хоть кому-нибудь счастье и постоянство. «Я готов переспать с вашей очаровательной дочерью, и даже два раза, но на большее не рассчитывайте».

Зная все минусы сельской жизни (слухи здесь разлетались быстро), Павел держался подальше от юных красавиц из почтенных семей. Его вполне устраивали сельские девушки, да и не так много времени было на развлечения. В январе Павел позволил себе короткий роман с молодой вдовой Елизаветой Ковальской, но холод и капризы быстро наскучили. Он без сожаления бросил ее, получив напоследок типичный женский скандал и вдохновенный шепот сплетниц за спиной. «Радуйтесь, курицы, – весело думал он тогда, – вам будет о чем поговорить холодными зимними вечерами».

Пролетка чуть обогнала и резко притормозила, отбросив в стороны комья грязи, облепленные коричневой кашей снега. Вороная дернулась, фыркнула и замерла, не смея перечить хозяину ни одним движением. На месте извозчика сидел Яков Петрович Стрыгин, лицо его отражало недовольство, впрочем, подобное настроение было ему свойственно.

– Я слышал, Павел Андреевич, вы хотите сбить цену на лес... Не советую вам этого делать, – вместо приветствия произнес Стрыгин и

выпрямился, демонстрируя мощь своей внушительной фигуры. – Я лесом торгую уже десять лет и не позволю, чтобы кто-то вмешивался в мои дела.

– Поезжайте с богом, у каждого своя дорога, – ледяным тоном ответил Павел, бросив короткий взгляд на девушку, сидевшую за спиной Стрыгина. Обыкновенная. Бледная. Наверняка боится отца до смерти. Собственно, правильно делает, однажды он ее сожрет и не подавится: или продаст замуж подороже, или превратит в пожизненную прислугу, или отправит в монастырь, если надоест и не оправдает надежд на перспективный брак. А она не оправдает. Простенькая, без лоска и шика, глаза, пожалуй, красивые, и смотрит внимательно, точно книгу читает. Не пустышка, наверное, но тем хуже для нее.

– Последнее слово будет за мной! – рявкнул Стрыгин, хлестнул вороную и понесся вперед, не слишком беспокоясь о том, как трясет сзади его дочь.

Павел скривил губы, тихо произнес: «Посмотрим», и продолжил путь к лошади. Встреча не оставила следа в душе, в делах он всегда поступал так, как считал нужным, и чужие проблемы ничуть не волновали. Но, кажется, он где-то встречал эту девчонку, сейчас ее темно-русые волосы были собраны на затылке, а тогда распущены по плечам... Нет, не встречал. А если и было, то в какой-то другой жизни, о которой помнить не обязательно и глупо. Вскочив на лошадь, Павел уже через минуту обогнал пролетку Стрыгина, но, размышляя уже о другом, он не удостоил экипаж даже мимолетным взглядом.

Глава 1

Пару дней назад мозг, душу и, возможно, печень победил коньяк. Глеб сутки провалялся в номере, а потом выполз на улицу с устойчивым желанием посетить первую попавшуюся японскую забегаловку и опрокинуть в себя острый том-ям.

«Желательно сразу две порции. Креветки-и, креветулечки-и-и...»

Настроение балансировало между «да гори оно все огнем» и «а жизнь-то налаживается», и совершенно не хотелось думать о том, что свобода имеет четкий временной предел. Почему-то никогда не получается насладиться ею сполна, вот еще бы денек или два...

До лета оставалось меньше недели, и Глеб потратил уйму денег на дорогую качественную одежду. Он понятия не имел, где оседают его шмотки. Некоторые вещи, конечно, кочевали вместе с ним с небес на землю и обратно, но большая часть обычно оставалась забытой и брошенной то в отеле, то на какой-нибудь квартире, то в баре. По городам и селам гораздо приятнее гулять налегке.

– Деньги – это же пыль, верно? – насмешливо произнес Глеб, дырявя взглядом вытянутые перистые облака.

Злоупотребив в кинотеатре попкорном, он выпил две бутылки минералки и почувствовал острую потребность в физических нагрузках, да таких, чтоб спина взмокла и со лба пот капал. «Нет, и не уговаривайте, не уговаривайте, – мысленно протянул Глеб с усмешкой, потирая заросшую щеку. – Тренажерный зал мне совершенно не нужен, есть и другие способы хорошенько попотеть. – Его взгляд остановился на аккуратной груди стильной брюнетки, доедающей мороженое на летней веранде кондитерской, и улыбка стала тоньше и многозначительнее. – Да, я знаю один приятный способ расслабиться и одновременно получить неплохую физическую нагрузку...»

Глебу нравилось слоняться по улицам Москвы, заводить короткие необременительные знакомства, искушать, соблазнять и испытывать чувство глубокого удовлетворения от каждого вдоха и выдоха. Иногда, правда, не хватало остроты ощущений, но всегда же можно

самостоятельно повысить уровень адреналина в крови (было бы желание и свободное время, а уж и того, и другого хватало с избытком).

Размышляя над тем, где бы провести вечер, Глеб свернул к первой попавшейся кафешке и заказал двойной американо с шоколадным эклером. Пирожное тянуло на слабенькую тройку, без вмешательства силы воли его и разжевать-то не получилось: сухое тесто, настойчивые привкусы маргарина и дешевого какао, каменная глазурь с белесым восковым налетом.

– Дрянная кухня.

Недовольно поморщившись, Глеб вытянул ноги, почесал затылок и обвел взглядом небольшой плотно заставленный круглыми столиками зал, и беззлобно, с легкой иронией подумал: «Да что ж вы, сволочи, эклеры губите... Какую хрень вы в них пихаете, а?»

Отодвинув тарелку, Глеб сделал большой глоток кофе и лениво посмотрел на стойку с прессой: газеты, журналы и наверняка полно всякого рекламного хлама... Около весьма скромного винного шкафа, уткнувшись в мобильник, сидела «юная Ассоль» в синей толстовке и потертых джинсах, левее неторопливо доедал салат маловыразительный мужчина лет сорока, задумчивая блондинка смотрела в окно, ожидая заказ, тощий парень большими глотками пил чай и с явным аппетитом ел... шоколадный эклер. Не может быть.

«Тебе его черной икрой обмазали, что ли?»

Несколько секунд Глеб следил за действиями паренька, а затем, усмехнувшись, отвернулся и с сомнением посмотрел на старомодную потрепанную папку меню. Нет, рисковать с обедом не стоило, лучше отправиться в более подходящее место, где любая закуска – это праздник вкуса, а телятина сравнима с песней и является гордостью шеф-повара. А еще не помешал бы бокальчик незаурядного красного...

Представляя на белоснежной тарелке отличный кусок мяса с прожаркой медиум, Глеб мысленно отрезал небольшой кусок, повертел его на вилке и задумался над тем, а какой соус порадовал бы сейчас особенно. Но мечты, пропитанные свежемолотым черным перцем и ароматами трав, задрожали и предательски оборвались, оставив после себя раздражительный привкус недосказанности. «Здрате,

приехали... – протянул Глеб, чувствуя нарастающее тепло в ногах, мгновенно распространяющееся по всему телу. – Можно подумать, я оказываю сопротивление. Да, между прочим, я спокоен и бледен, как ангел в предрассветный час, так что могли бы обойтись и без спецэффектов...»

Тихо засмеявшись, Глеб расслабил мышцы, нарочно демонстрируя полнейшую покорность судьбе. Но в груди уже поднималась волна протеста: интуиция подсказывала, что следующая задачка будет не из привычных, а точно такая же, как в Утятино^[1]. Его же не вызывают спешно наверх, не инструктируют и не желают удачи на дальнюю дорожку. Если задание повторится, то впереди как минимум десять дней позора...

«Нет».

Однако надежда на избавление все же заерзала в душе, отчего медленно, но верно адреналин пополз вверх, азарт дернулся под ребрами и затянул с хрипотцой: «Еще не вечер, еще не вечер...»

Поддаваясь тяжести в затылке, Глеб против воли повернул голову и вновь посмотрел на парня, еще пару минут назад поглощавшего с аппетитом шоколадный эклер. Молодой человек протянул руку, взял салфетку, вытер губы, глянул на часы и положил деньги в папку-счет. Поднявшись, он подхватил рюкзак и уверенно зашагал к выходу, будто несколько секунд назад вспомнил о том, что он самый занятой человек на свете. По сути – ничего примечательного, банальная сцена из рядовой жизни, но...

Парень.

Не девушка.

«Уже хорошо. Ну и кто ты у нас?» Глеб мысленно прикинул, хватит ли у него наличных, чтобы расплатиться быстро, и принял решение занять пока выжидательную позицию. Рановато предъявлять претензии, вдруг обойдется...

Неторопливо вынув из кармана пару сотен, он небрежно бросил их на стол и, продолжая надеяться на лучшее («Больше никакой гребаной романтики»), качнулся на стуле, демонстрируя наивысшую степень равнодушия и спокойствия. Собственно, далее можно не шевелиться, сейчас до боли «родная» сила поставит его на ноги и

придаст ускорения в нужную сторону. Последние секунды отдыха и покоя.

– Ладно, посмотрим, что вы мне приготовили, – тихо с улыбкой произнес Глеб, глядя, как за парнем медленно закрывается стеклянная дверь. – Мы же всегда сможем договориться, правда?

Ответом был легкий толчок в спину и напряжение в коленях, будто уже пробежал километр и теперь нужно немного пройти, давая возможность уставшим мышцам расслабиться. Глеб резко встал, подарил лучезарный взгляд молоденькой официантке и, направляемый невидимой силой, быстрым шагом устремился следом за парнем. Сейчас даже нравилось плыть по течению. Да, наворотил немного дел, но искупил же, так давайте вернемся к старым добрым отношениям: на планете Земля наверняка найдутся доблестно-рискованные подвиги для первоклассного охотника. Что там у паренька в рюкзаке? Священная реликвия? Один точный удар по макушке и...

– Шучу, шучу, – весело произнес Глеб и почувствовал, что к нему вернулся контроль над телом, а вместе с ним и легкость в душе.

Парень шагал довольно уверенно, его явно не интересовал общественный транспорт. Видимо, цель близка и оставалось пройти не так уж и много, чтобы достичь желаемого. Новый Арбат, Поварская улица... Свернув во дворы, оставив позади свежеекрашенное здание школы, парень достал из кармана мобильник, остановился, понажимал кнопки и, обнаружив необходимую информацию, пошел к подъезду жилого дома.

«Похоже, любитель мертвых шоколадных эклеров – обыкновенный курьер», – мысленно предположил Глеб и ускорился, гадая, какая преграда ждет впереди: кодовый замок или консьержка. При первом варианте всегда меньше возни, неодушевленные предметы послушно отдают истории своего прошлого или дарят нужные ощущения, на основе которых не сложно сделать правильные выводы. Люди же... Вообще-то тоже не проблема, но на них приходится тратить гораздо больше особой силы, что, конечно, бесспорный минус. Жди потом, когда восстановится. Небесная канцелярия четко ограничивает способности своих сотрудников, чтобы некоторые из них не пускались во все тяжкие и не слишком-то вмешивались в земную жизнь.

Усмехнувшись, Глеб спокойно зашел в подъезд (дверь за любителем эклеров закрывалась медленно, тут бы и слон успел) и, притормозив около лифта, сделал вид, будто нажимает кнопку вызова. Цепкий взгляд прицельно метнулся в сторону парня, стараясь не пропустить ничего важного и интересного.

«Давай, порадуй меня чем-нибудь хорошим. Меньше всего мне хочется таскаться за тобой целый день».

Молния рюкзака издала резкое и долгожданное «вжик», интуиция кольнула в носу, Глеб замер, уже догадываясь, что увидит в следующую секунду. Вынырнув из темных недр, белый узкий конверт очертил полукруглую траекторию и бесшумно отправился в один из почтовых ящичков. Парень подхватил рюкзак и с чувством выполненного долга под скрип дверной пружины покинул подъезд. Кодовый замок оказался сломан, не пришлось даже кнопку нажимать.

– Курьер, что и требовалось доказать.

Третий ящик справа. Глеб, оттягивая момент истины, медленно спустился по лестнице, качнулся на пятках, провел пятерней по волосам, протянул руку, сунул пальцы в узкую щель и резко дернул на себя дверцу ящика. Старенькая дверца хрипнула, расшатанный замок сделал одну достойную попытку сопротивления и все же сдался, отдавая желаемое врагу.

«Щербаковой Екатерине Алексеевне» – значилось на конверте, и Глеб, сжав зубы, со всей силы врезал кулаком по почтовым ящикам – бамц!

– Какого черта! – рявкнул он, зная, что за последнее слово получит сполна. И долго ждать не пришлось: бок обожгла предупредительная боль и мгновенно пересохло во рту. Глеб попытался втянуть в легкие побольше воздуха, сморщился, сделал короткий шаг и врезал по ящикам второй раз. Надежда рухнула, теперь можно дать волю чувствам, хуже уже не будет. – А не хотите ли поговорить о старой доброй справедливости? На чем там у нас держится мир? На любви и доброте к ближнему? Да, признаю, накосячил самую малость, но за это уже отпахал! – Глеб стоял, задрал голову, и ждал ответа, будто он и вправду мог появиться на старом

пожелтевшем и потрескавшемся потолке подъезда, но ничто не нарушило тишину. Злость предательски пошла на спад, а хотелось, чтобы она, наоборот, росла и крепла, подбрасывая дрова в огонь. – Сколько их будет? – сухо спросил Глеб, бросая резкий взгляд в сторону лифта. Нет, показалось, никто не едет. – Так сколько их будет?

Он знал, что случайности теперь исключены и чутье или действие определенной силы всегда укажет нужный путь.

Лифт.

Не показалось.

Глеб быстро поднялся по ступенькам, и взгляд сразу остановился на серой полоске с нумерацией этажей. Та цифра, которая призывно горела, и являлась ответом на его животрепещущий вопрос.

– Пять? Что? Пять?! Нет... Слышите? Я сказал – нет. Пусть две. Ладно, пусть две. Но не больше! И я даже готов починить этот гребаный почтовый ящик, но только две! – Глеб подождал немного, неотрывно глядя на неизменно светящуюся цифру, затем издал протяжный стон и быстро добавил: – Но мы еще поговорим об этом, да? Позже поговорим!

Сдержав порыв смять конверт, он положил его на ладонь, сосредоточился и закрыл глаза, стараясь мысленно проникнуть под плотную бумагу, чтобы не увидеть, а скорее прочувствовать написанное. Задача оказалась не из сложных, письмо «чистое», без каких-либо помех, наслоения событий, времени, лишних вибраций и слов – ничто не мешает узнать содержание всего нескольких строк.

«Похоже, Екатерина Алексеевна, я знаю, где мы с тобой завтра встретимся. Пожалуйста, надень короткую юбку, это меня немного утешит. Надеюсь, ноги у тебя не кривые, не осложняй мою жизнь».

Отправив конверт обратно в почтовый ящик, Глеб немного выровнял дверцу, кое-как прикрыл ее и вышел на улицу.

Пять... Как такое возможно?

– Что-то не пойму, вы вроде должны регулировать справедливость на этой земле. А где в данном случае ваша хваленая многовековая справедливость, а? – зло спросил Глеб, глядя на облака. – Потерялась в

многочисленных бумагах и папках? Так поищите, время есть. Целая вечность!

* * *

В конце статьи напрашивалось троеточие, но Катя сделала последний абзац решительным, жизнеутверждающим, стойким и короновала его уверенной точкой. Наверное, на нее сейчас влияло приближающееся лето: хотелось встрепенуться, встряхнуться и отправиться в дальнее путешествие, где шум прибоя растеребит душу, ветер перемешает мысли, улыбка перестанет быть вежливой и обязательно сбудется какая-нибудь тайная мечта. А уж мечтать Катя всегда умела и любила, особенно уютно устроившись на диване с чашкой кофе, книгой и пледом. Много лет назад она сбежала из Питера в Москву и сейчас уже не смогла бы вспомнить, что тогда больше подтолкнуло к переменам: несчастная любовь или желание начать самостоятельную жизнь. Скорее всего, и то и другое.

Трехкомнатная квартира на Поварской улице досталась от дедушки и бабушки. Катя часто прилетала и приезжала к ним в гости и всегда радовалась нарочито ворчливому, но бесконечно доброму приветствию: «Явилась не запыхалась. Мой руки, бабка наша уже вся извелась, третий раз картошку разогревает». «Ой, не ври, ой, не ври, – неслось нараспев с кухни в ответ, – у меня все просчитано до минуты. Позволь напомнить, что я сорок пять лет прожила с юристом, а это, знаешь ли, даром не проходит».

По мужской линии с давних пор в семье все так или иначе имели отношение к правоведческим и юридическим наукам. И Катю, за неимением другого претендента продолжить семейную традицию, родители тоже благословляли на этот проторенный путь, но она любила точки, запятые, троеточия и однажды окончательно и бесповоротно поставила в этом вопросе восклицательный знак. Сразу за уверенным «нет».

После смерти мужа бабушка – Капитолина Андреевна, прожила лишь два года, тоска и горе слишком сильно сжали ее немолодое сердце. Иногда, заваривая чай, Катя слышала далекое: «Не ленись, добавь мяты и лимона, аромат будет божественный», в такие моменты

она чуть опускала голову, улыбалась с долей грусти и запрещала себе лениться.

– Пора домой, – выключив ноутбук, быстро прибравшись на столе, Катя подхватила с вешалки вязаный кардиган, взяла сумку, попрощалась традиционным «Всем пока!» и покинула редакцию. Нужно заскочить в магазин, купить молоко, мюсли с изюмом и лесными орехами, немного овощей, сыр и маслины. Не забыть бы пену для ванны, крем для рук и... «Пожалуй, маленький пакетик фруктового мармелада». Хотя поход в магазин можно перенести и на завтра, кажется, в холодильнике есть чем поживиться.

Катя не была привязана к офису, она могла работать и дома, причем сколько пожелает, но ей нравилось погружаться в разноцветную суету редакции и плыть к изведанным и новым берегам. Потрескивание принтеров, редко цветущие орхидеи на подоконниках, стопки журналов и газет, обсуждение, смех, вкусные обеды в столовой на первом этаже, аромат кофе практически везде... Ради этого стоило каждое утро спускаться в метро, заходить в вагон и ехать на «Алексеевскую». А вечерний путь домой почти всегда хотелось немного растянуть, будто до конца дня еще куча времени, гуляя сколько хочешь. Катя то застревала в кинотеатре, то в книжном, то в кофейне, где продавали свежесдобленную выпечку и ароматный черносмородиновый чай. Маленькие столики для желающих быстро перекусить и вечная надпись мелом на черной доске: «Еще один вкусный день».

Родители остались в Питере, несколько раз в год Катя устремлялась к ним, накупив гору подарков. Праздники, конечно, только вместе. Около лифта ее традиционно встречал аромат медово-яблочного кекса, а уж затем теплая улыбка мамы и сдержанная отца. Скучание на два города, но так получилось и иначе уже не представлялось возможным.

А еще в Питере остался осколок разбившейся вдребезги любви, длившейся три непростых года и закончившейся сухим: «Извини, я встретил другую». Честно, и то хорошо, могло быть хуже. Сейчас Катя не понимала, отчего так страдала, то есть чуть-чуть, самую малость, больно и теперь, но тогда казалось, будто сердце обложили хорошо высушенными дровами и подожгли. Как же ярко и губительно оно горело, как неистово билось и просило пощады... Нет, любовь больше

не нужна. Зачем? Может, через сто лет, если закроют любимую кофейню с миндальными круассанами и черносмородиновым чаем или государство введет катастрофический налог на одиночество. Катя улыбнулась, открыла дверь подъезда, прошла мимо почтовых ящиков, привычным движением убрала волосы от лица и, угадывая в душе пока еще непонятное предчувствие, остановилась. Голова медленно повернулась влево – именно там, за спиной, осталось нечто важное и пока незамеченное. Стена, трещина... Взгляд почти сразу выхватил помятую, покосившуюся дверцу почтового ящика, которая будто говорила: «Я тут совершенно ни при чем. Висела, никого не трогала, но... Помогите, спасите, теперь меня нужно чинить!»

«И кто это сделал? – Катя поправила ремешок сумки, устало вздохнула и пошла обратно. – Я не храню здесь деньги, ценные бумаги, карты с указанием, где зарыты сокровища древности, драгоценности... Так зачем? Делать кому-то нечего...»

Осмотрев причиненный ущерб, она немного приподняла дверцу и легко, без особых усилий и ключа, открыла ее. Увы, завтра придется звонить в диспетчерскую и просить исправить акт вандализма. Интересно, сколько это будет стоить?

Катя заглянула в ящик, достала узкий конверт, повертела его в руках и небрежно отправила в сумку. Конверт без почтовых отметок, наверное, очередная реклама пластиковых окон или ремонтных услуг.

«Дорогие жильцы, у вас не бывает такого ощущения, будто реклама размножается в темноте, пока мы спим? Последнее время я думаю именно так. Представляю, какой шорох стоит в подъездах в полночь, когда флаеры, брошюры и визитки оживают и устремляются друг к другу со всех сторон...»

Прикрыв дверцу, Катя поднялась по ступенькам, нажала кнопку лифта и позволила себе второй вздох. День не должен заканчиваться на огорчительной ноте, пожалуй, нужно утешить себя вкусным ужином и, быть может, бокалом вина. Зеленый салат с брынзой и курица вполне подойдут. А самый простой и быстрый способ приготовления куриной грудки – это обмазать ее дижонской горчицей,

той, что с семенами-зернышками, и пожарить на растительном масле. Соль не нужна. Раз, два, три, и ты начинаешь чувствовать себя немножко шеф-поваром, потому что без усилий получаешь вкусное и оригинальное блюдо.

Прогоняя мысли о сломанном почтовом ящике прочь, Катя специально углубилась в процесс приготовления ужина и, уже перешагивая порог квартиры, почти не чувствовала огорчения. Бабушка всегда говорила: «А ты не раскисай, подумаешь, судьба выкинула фортель! Руки, ноги, голова есть? Вот и пользуйся». В таких случаях Катя в основном пользовалась головой и литературным талантом. Сбежать в вымышленный, но весьма стойкий мир очень просто, если ты в минуту можешь выстроить его именно таким, как требуется. Вплоть до мельчайших подробностей, до тактильных ощущений и запахов, до шорохов, скрипов и отдаленных, но настойчиво зовущих мелодий.

О письме Катя вспомнила после ужина, когда села за ноутбук проверить почту.

– Ах, да, – тихо произнесла она, подхватила чашку с кофе и направилась в коридор, делая по пути несколько маленьких глотков.

Конверт оказался довольно плотным, в подъезде Катя не обратила на это внимания. «Что там?» Она вынула глянцевую карточку бежевого цвета с витиеватым узором в правом нижнем углу и быстро пробежалась взглядом по ровным строчкам.

*«Аукционный дом „Ампир“ и галерея „Витроль“ приглашают Вас на закрытый аукцион.
Лоты: карманные мужские часы из коллекций Демаре и Леграна.
Ведущий аукциона – Марк Гутман.
Приглашение на одно лицо. Пятый зал, место №28».*

Дата. Время. Адрес.

Если бы не имя Марка Гутмана, Катя бы выбросила приглашение сразу: слишком много хитрой рекламы развелось в последнее время. Но этот человек был хорошо известен в определенных кругах, и, конечно, никогда бы не согласился провести дешевое или

сомнительное мероприятие. Звездная болезнь давно держала его за руку и не отпускала.

Катя знала о Гутмане предостаточно и, в отличие от многих, не испытывала к нему симпатии. Высокий, склонный к полноте, холерный мужчина лет пятидесяти. Он то говорил быстро, будто боялся, что его остановят, то слишком медленно, давая возможность присутствующим оценить его ум и в нужном месте разразиться овациями. Лет двадцать назад Гутман был посредственным актером, потом увлекся журналистикой, а уж затем его потянуло в мир моды и искусства. Несколько удачных шуток, представительная внешность, умение расположить к себе собеседника, нужные связи... Марка Гутмана довольно часто стали приглашать на различные мероприятия и в качестве гостя, высказывающего свое мнение, и как ведущего. Его фотографии несколько раз мелькали на страницах журнала, в редакции которого работала Катя.

Закрытый аукцион.

Но почему пригласили?

Быть может, на одной из недавних презентаций она оставила визитку?..

Наверняка оставила, только какое отношение имеют к ней карманные мужские часы из коллекций Демаре и Леграна? Подобного редакторского задания не было, да и чаще приходится писать в разделы «Стиль жизни» и «Культура», о коллекционерах же, ювелирных изделиях, ретроисториях, антиквариате сочиняют другие.

Закрытый аукцион.

Да на него и не попадешь так просто! А тут приглашение...

Вернувшись к ноутбуку, Катя зашла на сайт галереи «Витроль» и убедилась в том, что аукцион состоится завтра, как и указано на карточке, и ведущим действительно будет Марк Гутман.

«В феврале вышла моя статья о международной денежной ярмарке в Берлине, а в марте я подготовила неплохой очерк о редких австралийских опалах... Но все же это не поводы приглашать меня в круг избранных. Надеюсь, организаторы не думают, что я смогу купить коллекционные мужские часы на свою зарплату. И

не просто купить, а хорошенько поторговаться и вырвать желаемый артефакт из рук скучающего миллионера и тем самым создать интригу и поддержать аукционную суету».

Улыбнувшись, Катя небрежно отправила приглашение в верхний ящик стола, сварила кофе в турке и сделала попытку немного поработать, но мысли все тянулись и тянулись в галерею «Витроль»...

Скорее всего, это ошибка.

Но почему бы не воспользоваться и не посмотреть, как проходят подобные аукционы, какая собирается публика, идут ли бои за лоты или действие напоминает скучную игру уставших зрителей? И, кстати, об этом можно написать статью и предложить ее для печати... Катя представила, как Горин поправляет очки, смотрит на нее минуту (длиною в жизнь) и многозначительно произносит: «Екатерина Алексеевна, мы с вами договаривались, что в первую очередь вы будете выполнять свою непосредственную работу, а уж потом... – Откинувшись на спинку начальственного кресла, он побарабанит пальцами по столу и добавит гораздо легче и проще: – Мне сейчас некогда, давай поговорим об этом в другой раз, и, если не трудно, принеси кофе».

Выдвинув ящик, Катя протянула руку и коснулась приглашения кончиками пальцев. Глянцевая поверхность мгновенно подарила прохладу, но по руке почему-то волной побежало тепло. В душе вспыхнуло любопытство и что-то еще неуловимое...

– Я поеду, – прошептала Катя, перечеркивая оставшиеся сомнения.

Глава 2

Пять женщин...

Глеб расхаживал по гостиничному номеру как зверь в клетке, дымил сигаретой и то смотрел на часы, то в окно, то бросал весьма выразительные взгляды на потолок. «Хорошо устроились... Вы там, значит, бумажки перебирать будете, а я тут гибнуть на передовой? Предлагаю – три. Это же отличная цифра, не находите? А если учесть, что одну красавицу я уже пристроил в хорошие руки, то остается не так уж и много. Екатерина Алексеевна Щербакова. Ладно. Пусть. Потом еще какая-нибудь Марья Ивановна, и все. Точка!»

Он резко сел в кресло, положил ногу на ногу и скрестил руки на груди. Но ответа традиционно не последовало, Глеб не имел права диктовать условия или торговаться. Вернее, попробовать мог, но еще ни разу подобные разговоры не закончились в его пользу. Собственно, они всегда заканчивались самой обыкновенной тишиной.

Просидев неподвижно около трех минут, Глеб медленно поднялся, достал из холодильника пиво, открыл бутылку, сделал два больших глотка и театрально-торжественно произнес:

– Дамы и господа, леди и джентльмены, перед вами лучший Амур всех времен и народов. А что это значит? – Он усмехнулся и прищурился, точно уже начал искать, в кого бы прицелиться отточенной стрелой. – А это значит, что хотите вы того или нет, но однажды я постучусь в вашу унылую дверь, чтобы сделать вашу жизнь... Ну, скажем, невыносимо прекрасной. Вы готовы стать счастливыми? Нет? А кого это волнует? Уж точно не меня. – Стукнув бутылкой по столу, Глеб сунул руки в карманы спортивных брюк, поднял голову и спросил: – Многоуважаемая Небесная канцелярия, я сейчас все правильно объяснил? Замечаний и поправок не будет? Отлично... – Глеб помолчал немного, раскачиваясь на пятках, затем вразвалочку направился обратно к креслу. – Ладно, будь по-вашему, но потом я получу свободу. И не какую-то жалкую – на неделю, а нормальную! Слышите?! Хотя бы на месяц. – Он улыбнулся и произнес тихо, растягивая слова: – Катя Щербакова... Катя... Хорошее имя, между прочим.

У Глеба была своя Катюшка, но эта история насчитывала больше десяти лет.

Когда-то он довольно весело жил, ни в чем себя не ущемлял, в темное время суток частенько бодрствовал, а днем отсыпался. Ночные клубы имеют свойство затягивать в свои сети, а легкие деньги дарят те удовольствия, к которым быстро привыкаешь и от которых потом и не думаешь отказываться. Алкоголь, женщины, «бравые» приятели – все краски лихой жизни. Кто-то, проходя мимо, хлопнет по плечу, мол, как дела, пойдём посидим, выпьем, а кого-то зацепишь взглядом ты: «Эй, давай сюда! Мы тут нормально сидим, присоединяйся!» Необременительная дружба без обязательств, начинающаяся и заканчивающаяся почти всегда или за барной стойкой, или за карточным столом. Но однажды на твою обманчиво пеструю жизнь по непонятной причине проливается свет, и нежное, трогательное создание каждый вечер, засыпая, с мольбою начинает шептать: «Господи, сбереги его, не меня». И вроде не заслужил, а все равно шепчет. Откуда взялась такая?..

С Катюшкой Бероевой Глеб познакомился в любимом ночном клубе. Странная картина: среди прыгающих пятен цветомузыки и сигаретного дыма – хрупкая девушка в инвалидной коляске. Легкое белое платье, летние рукава-крылышки, светлые волнистые волосы и большие голубые глаза. «Люди добрые, да что ж это делается. Ангелы шляются по ночным забегаловкам!» – с иронией тогда подумал Глеб. А она влюбилась в него, вот в такого, и никто не смог бы ей запретить мечтать о невозможном счастье. «Как вас зовут? Вы уходите? Спешите? Жаль...» – в ее голосе не было кокетства или игры. Инвалид, семнадцать лет, негде ей было грязи нахвататься. Катюшка... Она уговорила отца пригласить Глеба на работу в их дом. «Обидишь ее... убью», – предупредил Бероев и устранился, не мешая дочери общаться с тем, с кем она считала нужным. Он знал, ей остались считанные дни, так чего уж теперь...

Катюшка не умела скрывать чувств, и Глебу нравилось ее поддевать: выполнит обязанности няньки и уезжает туда, где много красивых женщин, а коньяк и виски льются рекой. «Я скоро умру, – произнесла она однажды. – Ты только папе не говори, что мне это известно, а то он расстроится. Хочешь, скажу правду? Я много думаю о тебе... И знаешь, о чем я теперь прошу Небеса? Я говорю так:

„Господи, сбереги его, не меня“. Глеб, ты неправильно живешь, а я не хочу, чтобы ты потом мучился».

Ангелы, они такие. Не за себя молятся.

Как же Глебу нравилось дразнить Катюшку, смешить, заглядывать в ее голубые глаза и читать в них так много... Но она умерла, и в черно-серой жизни не осталось ничего хорошего. Будто ему дали шанс понять, прочувствовать, попробовать, как может быть, если заслужить и пойти другой дорогой. «Господи, сбереги его, не меня». Глеб тогда не знал, что Катюшка этими простыми словами, произнесенными много раз тихо и искренне, действительно спасала его.

Полгода он мотался по разным городам, работал на звезд шоу-бизнеса, устраивал рекламную шумиху, когда требовалось – прикрывал вверенных ему певичек, традиционно пил и гулял, получая привычные удовольствия. Но теперь тянуло на подвиги, чтоб адреналин зашкаливал, мысли путались, и воспоминания не давили на душу и совесть. «Да пошли вы все...» – Глеб все чаще произносил эту фразу и неся дальше. Туда, куда влекло течение беспутной жизни.

Вернувшись в Москву, он первым делом направился в ночной клуб. Почему бы не отдохнуть со старыми добрыми приятелями, наверняка соскучились, да и есть о чем рассказать, наколесил по стране немало. Вот там-то Глеб в пылу беседы и поспорил с тощим скрягой Павлом Демченко, что выпьет полбутылки водки и бодро пройдет по краю крыши. Четвертый этаж, это ж не пятнадцатый, лететь недолго. Алкоголь так часто дарует ощущение бессмертия...

Глеб прошел не много: нога подвернулась, картинка задрожала, сердце дрогнуло, и он устремился вниз, где холодный асфальт терпеливо ждал свою жертву. Смерть была глупой, быстрой и безболезненной, а затем: долгая, тягучая темнота, ватная невесомость, пот по спине ручьем, притупившиеся чувства, слабость во всем теле...

Куда? Зачем? С возрастающей скоростью Глеба тащило вперед, в черноту, туда, откуда веяло гарью и смрадом, с каждой секундой воздух становился горячее, и можно было не сомневаться: главное пекло уже близко, буквально рукой подать. Но невидимая дорога оборвалась, Глеба развернуло и потянуло в другую сторону. Тошнотворные запахи остались далеко позади, короткая вспышка на мгновение ослепила, ноги коснулись пола, и удушающее одиночество подкатило к горлу. Невозможно чувствовать себя спокойно после

такого путешествия, да еще в голове настойчивый молоточек: «Я умер? Я умер? Здесь кто-нибудь есть?..»

Да, умер.

Упал с крыши.

Раз – и все.

Навсегда.

Оказавшись в большом белоснежном помещении, рядом со столом, за которым сидел мужчина в белом костюме и белой рубашке, Глеб не мог отыскать в душе уверенность. Не каждый день приходится прощаться с жизнью и отправляться на тот свет. Шершавый страх полз по спине, а интуиция подсказывала, что он здесь такой один... «простой смертный». Самое время задавать вопросы и получать на них ответы.

Незнакомец занимался бумажной работой и не обращал внимания на гостя. Или... делал вид, что не обращает.

«– Где я?»

– В Небесной канцелярии.

– И что я здесь делаю?»

– Стоите, мнетесь, любопытствуете и мешаете мне работать».

Глеб угадывал иронию в каждом слове, но лицо незнакомца не выражало никаких эмоций. Как же хотелось перечеркнуть непонятную реальность, изменить настоящее и опять оказаться в клубе с друзьями-приятелями. Уж он бы теперь не полез на крышу, да и, возможно, пересмотрел бы количество потребляемого спиртного на ближайшую неделю.

«– Объясните, что происходит? Я все же скончался, и мне нужна срочная психологическая помощь. Как тут у вас с милосердием, а?»

– Не стоит повышать голос. Все просто. Вы, как бесспорный грешник, должны были попасть в ад, но за вас просила добрая и чистая душа, мы не можем ей отказать.

– Какая душа?»

– Добрая и чистая. У нас долг перед этой душой, поэтому мы вынуждены выполнить просьбу».

Катюшка... Значит, не зря она молилась и верила, что спасет. Маленький ангел с большими голубыми глазами, крошка, победившая в игре «Кто сильнее?». Глеб бы многое отдал, чтобы увидеть ее хотя бы раз, но перед грешниками двери рая не открываются.

«– Отлично, в ад мне нельзя, в рай не пускают. И где я должен торчать, по-вашему?»

Сначала ответом была тишина, а затем незнакомец протянул Глебу обыкновенную анкету и спокойно произнес: *«Добро пожаловать в Небесную канцелярию».*

На Земле, как оказалось, предостаточно дел для «бессмертных охотников». А если постараться и выполнить задание на пять с плюсом, то можно получить заслуженный отдых с весомой порцией свободы.

Теперь Глеб мотался по городам и селам, чему был несказанно рад (хорошо хоть за бумажную работу не посадили, есть ли что-то хуже этого?), и за десять лет вполне привык к новой жизни. То где-то гибли в огне исторические архивы, то любители легкой наживы намеревались обчистить церковь, то археологи взялись за раскопки не там, где нужно, то тайное могло стать явным намного раньше положенного срока... Для решения поставленных задач Глеб получал определенный объем «волшебной» силы, которую не следовало транжирить направо и налево (восполнялась-то она медленно), и это здорово помогало в некоторых ситуациях. И все шло бы отлично, но что делать с горячо любимыми вредными привычками, наглостью, цинизмом и, главное, со скукой? Глеб и не собирался становиться другим, наоборот, в тот день, когда он впервые поступил на службу, и начались его особые отношения с Небесной канцелярией. Душа требовала хотя бы иллюзию свободы, не отказывать же ей в такой малости. «Ладно уж, пойду спасу мир в сто первый раз. А вы тут ждите меня, скоро вернусь».

Иногда Глеб пускался во все тяжкие и явно перебарщивал. Поутру, выползая из своей белоснежной комнаты с чугунной от похмелья головой, он разводил руками, улыбался, наливал воду в большой стакан, говорил: «У меня был тяжелый день, надеюсь на понимание, сочувствие и поддержку», – и вразвалочку удалялся к себе, отсыпаться. Но чуть больше двух недель назад Глеб переборщил: не стоило тащить в Канцелярию бутылку виски и, размахивая руками, с трудом удерживая равновесие, петь и отбивать чечетку на белом столе. Потом даже не получилось вспомнить: рухнул ли он в пылу ритма со стола на пол или ему помогли слезть... Очнулся Глеб в лесу, и чуть позже ему дали понять, что терпение лопнуло и за содеянное придется отвечать. Нет, он больше не первоклассный охотник за артефактами, не спаситель пыльных библиотек, не добытчик и не ловец, у него появились новые обязанности, цели и задачи: он должен помогать одиноким женщинам в поисках любви. То есть теперь он... «Долбаный Амур!»

Глеб надеялся, что речь идет только об одной девушке и, смирившись с неизбежным, отправился в Утятино, где помог Лесе Сотниковой стать счастливой. «Практически сказочного принца ей подогнал, не мешало бы и поблагодарить меня за это». Но оказывается, это была лишь малая доля наказания... Пять женщин. Пять!

– Катя Щербакова, – повторил Глеб, вспоминая поломанный почтовый ящик и узкий белый конверт. *«Аукционный дом „Ампир“ и галерея „Витроль“ приглашают Вас на закрытый аукцион...»* – Значит, свидимся завтра.

Та сила, которую Глеб получал на выполнение какого-либо задания, позволяла многое. Например, прочувствовать предметы и извлечь информацию об их прошлом или настоящем, если, конечно, ничего не мешает сосредоточиться и пробраться под слои времени. Частенько получалось управлять людьми, исключения составляли слишком сильные, умные, независимые личности. Бывало, Глеб чувствовал запрет Небесной канцелярии: «На судьбу не влиять», такого человека он и не трогал.

– Станешь ли ты меня слушаться, Катя? Сомневаюсь... Наверняка тоже окажешься крепким орешком...

Скорее всего, завтра включится внутренний навигатор, и Глеб всегда будет знать, где приблизительно находится его новая

подопечная. Это удобно, особенно в большом городе, но дома, стены, замки и двери не позволят подобраться к Екатерине Щербаковой близко...

– Может, по-быстренькому сменить пол с мужского на женский и стать ее лучшей подружкой? – усмехнулся Глеб, почесывая небритую щеку. – Ладно уж, не волнуйтесь, я на такие подвиги категорически не способен.

* * *

Давным-давно...

Платоновы имели обширные связи в торговой среде, и Павел нехотя принял приглашение на торжественный ужин, посвященный шестидесятипятилетию главы семьи. Буженина под луком, соленая и копченая рыба, запеченная утка, рулеты из индейки на гречневой каше, телятина с черносливом и изюмом, пироги и кулебяки, всевозможные закуски занимали большую часть стола и являлись гордостью Марьи Ильиничны Платоновой.

– Кушайте, милости просим, – мягко улыбаясь, говорила она и поглядывала на разомлевшего от клюквенной настойки мужа. – Василий Семенович буквально требовал подать ровно то, что готовила его матушка, никаких новшеств не жалует.

Но присутствующие ели скромно, их куда больше интересовали разговоры и предстоящие танцы, чем еда. Огромный дом Платоновых, раскинувшийся крестом неподалеку от церкви и речки, позволял принимать много гостей и устраивать те увеселения, которые были угодны хозяевам. Наблюдая за размеренным ходом вечера, Павел не мог не вспоминать званые ужины в Петербурге, где присутствовала легкость и интрига, где он получал столько удовольствий... В том числе и от устриц.

– Я все гадаю, когда у тебя закончится терпение и ты уедешь отсюда, – усмехнулся Гришка, осторожно разглядывая юную блондинку в бледно-розовом платье с атласным поясом и полупрозрачными цветами на груди.

– Не раньше июля, – ответил Павел и лениво проследил за взглядом приятеля. – Вечно тебя тянет на тощих.

– И я поеду. Отец обещал отпустить хотя бы на месяц, а если он узнает, что я с тобой, то и вовсе возражать не станет.

– Нашел твой родитель, кому доверять.

– Да, он тебя уважает и мне в пример всегда ставит. – Гришка улыбнулся и сморщил острый нос. Ему очень хотелось походить на Павла, но добродушный характер и простота никак не позволяли развиваться уверенности в себе, холодности и цинизму. – Смотри, Стрыгин приехал, сейчас напьется и прицепится к кому-нибудь, дела у него вроде с осени пошли хуже, поговаривают, всю зиму злой как собака проходил.

Несмотря обернувшись, Павел увидел нового гостя и презрительно скривил губы.

– Похоже, наши с ним дорожки пересекутся на торговле лесом.

– Как бы не было у тебя проблем, – ответил Гришка.

– Я сам кому хочешь проблемы устрою. Это дочка его?

– Нет, падчерица – Александра Образцова. Приятная, да? Стрыгин ее от себя ни на шаг не отпускает, поговаривают, что мать ей оставила большое наследство, вот только Александра может получить его лишь после замужества. Наверное, мать боялась, что иначе Стрыгин все отберет, да и хотела, чтобы дочка сама себе мужа выбирала. Деньги-то позволяют.

– Ее мать давно умерла?

– Года три уж. Подозреваю, Яков Петрович несчастную и извел. Я слышал, что прошлой весной он собак на своего работника спустил, а кто ему что сделает? Боятся, да и куплены все у него.

Павла не слишком интересовала персона Стрыгина, а вот Александра опять привлекла внимание. Просто одетая, худенькая, маленькая, она стояла рядом с широкоплечим громоподобным отчимом и, коротко улыбаясь, скромно отвечала на приветствия. Вокруг нее точно существовала невидимая стена, которую хотелось не только разрушить, но и растоптать. Павел не смог бы объяснить почему. Вероятно, от того, что эта стена была сильнее его и защищала Александру? «А я предпочитаю беззащитных».

– Сколько ей лет?

– Если не ошибаюсь, семнадцать. – Гришка уже терял интерес к Стрыгину, и, как назло, предмет его наблюдений – незнакомая худенькая блондинка – куда-то исчезла.

Мысленно Павел вернулся к встрече около поля, Александра тогда ехала домой в пролетке, и то смутное ускользящее ощущение давней встречи вновь обожгло сердце. Наклон головы, глубокий взгляд, тонкие руки, волосы по плечам и резкое солнце, от которого хочется отмахнуться...

«Вспомнил. Года четыре назад я навещал брата... начало лета... нескладная девчонка плела венки у реки...»

Он тогда забавы ради решил ее напугать: проплыл под водой и резко вынырнул близко к берегу. А она не испугалась, положила венок на край мостка, сказала: «Это вам», сверкнула зелеными глазами и убежала, оставив после себя невидимое облако пыльцы одуванчиков.

Павел широко улыбнулся, посмотрел на скучающего Гришку и, предчувствуя охоту, смешанную с удовольствием, уверенно произнес:

– Я хочу ее.

– Кого?

– Александру Образцову.

– Сдурел? Зачем она тебе нужна?

– Точно сказать не могу, – насмешливая улыбка скользнула по тонким губам Павла, – но меня это явно развлечет.

– Ты жениться, что ли, собрался? – на всякий случай уточнил Гришка.

– Нет, это, конечно, не для меня.

– Тогда как?

– Сейчас ты задал один из самых глупых вопросов.

– Пашка, жизнь ей испортишь, и не сомневайся.

– Выйдет потом замуж, как все.

– Не связывайся со Стрыгиным, помани мое слово, плохо дело закончится! – У Гришки от волнения на лбу выступил пот и покраснелись щеки.

Павел еще раз посмотрел на Александру, скользнул взглядом по ее аккуратной фигуре и тихо, но твердо произнес:

– Плевать на все.

Глава 3

Еще утром Катя внимательно изучила сайт галереи «Витроль». Задержавшись на странице с фотографиями интерьерера, она сделала первую попытку уловить атмосферу и подобрать одежду для аукциона. К счастью, залы не слепили золотом и хрусталем, по углам не стояли античные скульптуры и мраморные львы, не устремлялись вверх к потолку зеркала в тяжелых узорчатых рамах. Да, помещения большие, наверняка по ним любит гулять эхо, и обстановка, конечно, говорит о том, что галерея не из рядовых, но оформление сдержанное, в серо-бежевых тонах, и общая аура спокойная и приятная.

Сначала Катя выбрала длинную черную юбку и белую блузку с широкими рукавами и кружевными манжетами. С одной стороны, строго, с другой, есть определенный романтизм и претензия на душевную свободу. А свободы там явно будет не хватать, вряд ли получится чувствовать себя комфортно среди желающих купить коллекционные мужские часы.

«Я буду тайным агентом, подглядывающим и подслушивающим... – Катя коротко улыбнулась и прошла задумчивым взглядом по вешалкам. – Доверьте мне свои маленькие и большие секреты, я никому о них не скажу... Возможно».

Хорошее настроение и немного шаловливый настрой торопили время и заставляли фантазировать. Вдруг у нее что-нибудь спросят...

Какими судьбами?

Что бы хотели приобрести?

«Понимаете... Я не знаю, почему я здесь, и меньше всего на свете меня интересуют часы, – мысленно отвечала Катя и пожимала плечами. – Но мне очень интересно, что и как произойдет. Не волнуйтесь, я не стану мешать, лишь посижу тихонько на своем двадцать восьмом месте, а потом уйду, растворюсь в воздухе».

С одеждой она окончательно определилась к трем часам: все же платье. Светло-серое, по фигуре, не длинное и не короткое – чуть ниже колен. Несмотря на плотность, ткань дарила уют, элегантность и простота радовали глаз в отражении. Если захочется, то всегда можно слиться с окружающей средой, а если душа потребует решительный шаг вперед, то ничто не помешает сделать это.

С волосами Катя мудрить не стала. Каре заканчивалось чуть ниже подбородка, вариантов для укладки предостаточно, но лучше просто расчесать, немного взбить и с одной стороны убрать пряди за ухо. Идеальность в образе бывает скучна и часто добавляет возраст, Катя любила небрежность – легкую, почти неуловимую. Собственно, о возрасте ей можно и не беспокоиться, благодаря природной худобе, обаятельной улыбке, красоте выразительных серых глаз, ухоженности Катя выглядела гораздо младше своих двадцати девяти лет.

К вечеру похолодало, но не хотелось брать плащ, и эту проблему Катя решила иначе – вызвала такси. Удобно устроившись на заднем сиденье, она смотрела в окно, размышляла над тем, зачем ей все же прислали приглашение, и гадала, удастся написать интересную статью или нет. Не про весомые лоты и различные ценности, представленные в «Витроле», а про людей: как они ведут себя, как приглядывают друг за другом, ловят движения, взгляды, как бьются за желаемую добычу и как расстраиваются, если проиграли.

Дверь галереи – высокая, тяжелая – открылась и закрылась бесшумно, что совсем не подходило тому впечатлению, которое она производила. Катя ожидала услышать скрип и скрежет и даже почувствовала разочарование от того, что ее предчувствие не подтвердилось.

«Куда идти? Где пятый зал?»

Сайт не обманул, увиденное точно совпало с фотографиями: специально состаренная серая доска пола, светлые бежевые стены, редкие черные акценты, картины, стеклянные этажерки на высоких ножках, то слишком яркое, то приглушенное освещение, большие окна... Посетителей совсем мало, и эхо действительно скачет от стены к стене, от пола к потолку: шаги звучные, голоса одновременно приглушенные и яркие.

Третий зал... четвертый... А вот и пятый.

– Добрый день. Ваше приглашение? – бархатным голосом попросил высокий светловолосый мужчина в черном костюме.

– Одну минутку.

Вынув из сумочки конверт, Катя протянула приглашение и замерла, ожидая ответа. Последний рубеж, преодолев который, она

получит возможность тайно понаблюдать за чужими страстями.
– Пожалуйста, проходите, – мужчина кивнул и открыл дверь.

* * *

Глеб почувствовал ее, но не стал оборачиваться сразу, давая возможность обжигающему любопытству пробежаться по позвонкам и накалить нетерпение до предела. Еще секунда, еще одна, вот сейчас... Мышцы напряглись, голова медленно повернулась влево, улыбка скользнула по губам, глаза прищурились в попытке сразу выхватить из картинки «жертву» – Екатерину Щербакову.

«Что ж, спасибо, очень даже неплохо... Но буду честен, экземпляр на твердую пятерку не тянет. Это я о том, что грудь маловата. – Глеб усмехнулся и огляделся, будто выбирал, к какой подойти картине, затем сделал несколько шагов к яркому натюрморту и остановился, сунув руку в карман. – Метр семьдесят, пожалуй, есть... Притягательная, я бы даже сказал, нездешняя... В хорошем смысле этого слова. И слишком худая, на мой вкус. Возраст, возраст... – пропел он, гадая. – Та-а-ак... Давно перевалило за двадцать, но тридцатника еще нет. Двадцать пять? Двадцать семь? Да, приблизительно так. Хорошо, что не восемнадцать, хотя... Еще неизвестно, с кем больше возни. Ну, самое время подвести итог: счастьем быть, и есть шансы уложиться в рекордно короткие сроки. Осталось только принца дожидаться, но, как показывает практика, этого добра поблизости всегда хватает. Даже лишние остаются».

К великому сожалению Глеба, он не мог заставить двух людей полюбить друг друга (по-быстренькому), а это значительно бы ускорило дело: тяп-ляп – и готово, живите и радуйтесь. Любовь всегда игнорирует любые приказы и живет лишь по собственным законам, в этом Глеб лишний раз убедился в Утятينو. Концентрируй внимание, формулируй фразу, оттачивай стрелу сколько хочешь, прицеливайся... Бесполезно. Максимум, на что можно рассчитывать, – на симпатию, но сколько она продлится? Вряд ли долго, искусственные чувства претендовать на вечность не могут. Исключено.

«Скорее всего, ты мне тоже не подчинишься, – подумал Глеб, останавливая взгляд на макушке Кати. Чуть помедлив, он ровно и

четко без каких-либо эмоций добавил: – Подними правую руку и коснись щеки».

– Что и требовалось доказать, – тихо произнес Глеб, наблюдая за тем, как Катя открывает сумочку и достает конверт с приглашением. «И откуда же вы все такие пуленепробиваемые беретесь, а?»

Перед Катей распахнулась дверь, она вошла в зал и скрылась из виду, Глеб провел пятерней по волосам и вразвалочку направился вдоль стены, увешанной картинами. Кривая дорога и покосившийся забор, река, дерево и лодка, осенняя листва, скамейка и одинокая ворона... Глеб относился к живописи с прохладным равнодушием и меньше всего любил как раз пейзажи, но ему нужно было немного подождать и только затем пойти следом. Пусть усядется, устроится, увлечется аукционом.

«Кстати, почему ее пригласили? Может, назначена встреча? Кем она работает и где?.. Ничего, Катя-Катерина, скоро познакомимся поближе, и я узнаю все твои секреты. Они же у тебя есть, правда?»

Глеб приблизился к двери пятого зала и остановился, ожидая вопроса.

– Добрый день. Ваше приглашение?

– Честно говоря, забыл его дома, но, думаю, вы меня пропустите и так. Я, знаете ли, давно мечтаю прикупить знатные часы, да все некогда. – Глеб коротко улыбнулся, в его глазах полыхнул огонь. Той самой особой силы стало чуть меньше. – Сейчас я пройду, – тихо добавил он. – А ты будешь стоять и молчать. Все просто.

Мужчина в черном костюме еле заметно вздрогнул и, мгновенно потеряв интерес к стоящему напротив гостю, отвернулся. Глеб дернул изогнутую ручку двери на себя и зашел в зал. А вот теперь на сцену должны выйти уверенность и наглость, иначе не получится устроиться рядом с Екатериной Щербаковой, и что-то важное наверняка останется незамеченным. А сейчас, по сути, важно все. Да уж, порадуют любые подробности.

«Ну что, малышка, начнем игру?»

Глеб подошел к скучавшему в углу стулу, подхватил его и решительно зашагал к сцене, перед которой полукругом в несколько рядов стояли широкие кресла с низкими спинками.

Катя сидела в предпоследнем ряду ближе к краю, и это было очень удобно: не придется пробираться вглубь, все пройдет тихо, без привлечения чьего бы то ни было внимания.

«Кажется, мне следует поторопиться, – хмыкнул Глеб, заметив, что Катя разговаривает с двумя мужчинами. – Один справа, другой слева... Картина маслом! А я, пожалуй, скромно пристроюсь сзади, не против? Жди, уже иду».

Он хохотнул и ускорил шаг.

* * *

Пятый зал кардинально отличался от остальных: нет предметов искусства и старины, с небольшим подъемом сцена, темно-коричневая трибуна с двумя аккуратными микрофонами, широкий белый экран по центру противоположной стены, ряды мягких бордовых кресел. До начала аукциона оставалось полчаса, еще не все приглашенные собрались, и шум голосов пока не нарушал тишину.

Подойдя ближе к сцене, Катя попыталась отыскать свое место, но оказалось, что нумерация имеет странную логику: последовательность шла не по горизонтали, а скакала в шахматном порядке, а на некоторых креслах была указана не только цифра, но и буква. Создавалось впечатление, что расстановкой занимался или чудаковатый администратор, или слишком уж творческая личность. Катя, улавливая в душе ноты волнения и удовольствия, предпочла второй вариант. Происходящее нравилось, интрига захватывала, веселье щекотало нос, и приходилось сдерживать постоянную улыбку.

«Чувствую себя сказочной принцессой, заблудившейся в лесу».

Наконец, добравшись до двадцать шестого места, Катя вздохнула с облегчением, но предположительно на ее двадцать восьмом сидел молодой мужчина. Белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей,

черные брюки и начищенные до блеска ботинки. Почему-то сначала Катя оценила именно одежду, а лишь потом посмотрела на лицо и встретила спокойный вопросительный взгляд:

– Вы хотите пройти?

Мужчина встал, и Катя сразу увидела цифру на спинке кресла.

– Извините, кажется, это мое место...

Протянув приглашение в качестве доказательства, она чуть подняла голову и вновь заглянула в зеленые глаза незнакомца и не обнаружила в них ни удивления, ни раздражения. Он смотрел так, будто перед ним на травинке качалась бабочка, которая от резкого движения могла упорхнуть в любую секунду. Кате понравились и открытое лицо, и короткие волосы цвета горького шоколада, и ямочка на правой щеке. Внешность приятная, располагающая и при этом мужественная.

– Виноват, признаюсь. – Мужчина улыбнулся и указал на кресло. – Пожалуйста, присаживайтесь.

– Спасибо, – улыбнувшись в ответ, Катя заняла свое место.

В душе отчего-то остался настойчивый след недосказанности, разговор хотелось продолжить, но подходящие слова сразу не нашлись. Мужчина сел рядом, и это стало приятным моментом: он ошибся совсем немного, было бы жаль, если б он ушел.

– Честно говоря, я занял ваше место не по ошибке.

– А почему?

– Мы запоздало сообразили, что хотим попасть на аукцион, остались только эти места. Вам не кажется, что здесь очень странная нумерация? Первый раз встречаю такое.

– Согласна. – Катя кивнула и автоматически повернула голову вправо. Если она правильно поняла, именно с этой стороны сидел тот, с кем пришел ее собеседник. Вообще-то, она легко может уступить место, ей точно не важно, с какого кресла наблюдать за ходом аукциона. Особенно если учесть, что она здесь случайный гость и совсем уж не ценитель мужских часов, да и не поклонница Марка Гутмана.

Вторым соседом тоже был мужчина, но солиднее, старше, явно более сдержанный и, кажется, чем-то недовольный. На это намекали сжатые губы и глубокая морщина между тяжелыми бровями. Катя

опустила взгляд на руки и отметила, что они явно сильные и... жесткие. Интересно, так ли это?

– Добрый вечер, – произнес он.

– Добрый вечер, – ответила Катя, испытывая определенную неловкость.

– Давайте знакомиться, – с долей легкости предложил первый сосед и сразу представился: – Андрей Кравцов. А это мой начальник – Федор Дмитриевич...

– Не обязательно так официально. Федор.

– Очень приятно, я – Катя. Катя Щербакова. Может, вы все же сядете вместе? Вам наверняка будет что обсудить, а мне не важно...

– О, нет, – перебил Андрей. – Мы не станем причинять вам неудобство.

– Какое неудобство? По сути – это ерунда...

Катя сделала попытку встать, но рука Федора Дмитриевича легла на ее локоть осторожно и предупредительно.

– Прошу вас, оставьте все как есть. Не лишайте одного из нас возможности сидеть рядом с вами. Аукцион обещает быть скучным. Гутман наверняка сделает его еще и бесконечным, так что луч света в этом банальном темном царстве нам не помешает. Как видите, я эгоистичен в своей учтивости.

– Вы не планируете что-либо покупать? – спросила Катя.

– Нет, – категорично ответил Федор Дмитриевич.

– Тогда почему вы здесь? Извините, я, наверное, проявляю слишком много любопытства...

– Все просто. – Андрей сел более свободно и без интереса посмотрел на сцену. – Визит вежливости, мы пересекались с организаторами ранее и знаем, что для них приятно наше присутствие. А вы какими судьбами?

– Мне прислали приглашение по почте, – честно ответила Катя. – Не знаю почему. Это закрытый аукцион, и я полагала, что на подобных мероприятиях лишних людей не бывает.

– Не называйте себя так, – сухо возразил Федор Дмитриевич. – Всему найдется объяснение. Возможно, вы здесь главный персонаж, без которого не поднимут и не опустят занавес. Как известно, пути Господни неисповедимы.

– О, нет, только не я. – Катя с улыбкой замотала головой, отчего пряди волос запрыгали. – А не могли бы вы мне объяснить, зачем делать аукцион закрытым? Что это дает?

– В данном случае ровным счетом ничего, – с плохо скрываемой иронией ответил Федор Дмитриевич.

– Нагоняют таинственности и дают возможность новичкам клуба аукционного дома «Ампир» почувствовать свою избранность, – пояснил Андрей. – Сегодня не будет уникальных лотов, из-за которых действительно бились бы серьезные игроки. Поверьте, тогда бы присутствовала совсем иная публика и впереди не маячили бы несколько часов скуки. Катя, а с чем связан род вашей деятельности?

– Я журналист, тружусь в команде «Стиль М».

– Жизнь Москвы с разных ракурсов, так? – уточнил Андрей, наклонив голову набок. – Плюс мировая архитектура, мода, немного о путешествиях и значимых личностях... Я как-то листал этот журнал, очень качественные фотографии, да и глаз цеплялся за пару интересных статей.

– Спасибо, приятно слышать. А чем занимаетесь вы?

– Недвижимость, – коротко ответил Федор Дмитриевич и философски добавил: – А вот и Гутман, что ж, чем раньше он отыграет эту пьесу, тем лучше.

Марк Гутман поднялся на сцену под звуки частых аплодисментов, участники аукциона оживились. Но Кате стало жаль, что он так быстро пришел: душа еще не напиталась впечатлениями, не подкопила нетерпения, да и отчего-то хотелось побольше узнать о работе Андрея. И Федора Дмитриевича тоже. Катя поймала себя на мысли, что с трудом может назвать этого выдержанного человека, который старше ее лет на десять-пятнадцать, по имени-отчеству: застревают слова, не звучат. Но и коротко по имени тоже не слишком комфортно. Осторожно покосившись на Федора Дмитриевича, скользнув взглядом по его гладковыбритой щеке, Катя неожиданно для себя спросила:

– А если бы вы собирались что-то купить на аукционе, вы бились бы до конца? Если предположить, что...

– Да, я бы не уступил. И даже не нужно ничего предполагать. Обычно в таких случаях меня мало интересуют условия.

Катя не знала, как бы закончила вопрос (говорить о деньгах с малознакомыми людьми не слишком удобно и прилично), и была

благодарна Федору Дмитриевичу за то, что он ее перебил. «Зачем я спросила? Бьются, пока хватает финансовых возможностей. Хотя нет. Кто-то и при возможностях через некоторое время сходит с дистанции, а кто-то идет до победы из принципа, даже если вещь явно столько не стоит».

– Главное, сейчас не купить что-нибудь от скуки, – усмехнулся Андрей. – Четвертые часы мне уж точно не нужны.

– Дамы и господа, леди и джентльмены, – раздался громкий голос Марка Гутмана, – позвольте поприветствовать вас от себя лично и от аукционного дома «Ампир». Вы уже имели возможность ознакомиться с сегодняшними лотами – весьма авторитетными часами из коллекций Демаре и Леграна, и настало время...

Гутман сильно поправился, теперь его широкая улыбка казалась еще более неестественной, а движения слишком наигранными. Катя отвела от него взгляд и принялась изучать присутствующих, кажется, ожидания не оправдались, ничего интересного на этом мероприятии увидеть не получится. Наверняка приглашение прислали просто так, надо же как-то пристраивать свободные места.

«Нужно меньше раздавать визиток на встречах и презентациях, неизвестно в каком направлении они потом уплывают».

– Планируете написать статью на тему аукционов? – тихо спросил Андрей.

– Собиралась, но теперь не уверена, хватит ли материала на что-то интересное и стоящее.

– Мы уедем приблизительно через час. Уже поздоровались со всеми, с кем собирались. Если хотите, подброшу вас домой, или вы на машине?

– Спасибо, но я все же досижу до конца, быть может, повезет и я стану свидетелем хотя бы небольшой битвы.

На сцене уже начался «спектакль», и Кате, чтобы не мешать окружающим, пришлось придвинуться к Андрею ближе и отвечать шепотом. Она мгновенно уловила древесно-цитрусовые ноты дорогого мужского парфюма и тепло дыхания. Мысль: «Весна почти закончилась, скоро волшебное лето», – вспыхнула, зазвенела и погасла,

оставив в душе приятное волнение. Словно только что кто-то неведомый напомнил, что теперь дни будут наполнены яркими красками, ароматами цветов, поэтическим вдохновением, тайной надеждой, и пообещал особенное безоглядное счастье: без тягучих «если», без холодного «нет», с обязательным трепетным «да».

– Жаль, но, если передумаете, мое предложение остается в силе.

– Спасибо еще раз.

Катя не передумала, наоборот, расслабившись в уютном кресле, через час она уже ничуть не жалела о том, что пришла. Поддерживая неторопливую беседу с Андреем, слушая редкие замечания Федора Дмитриевича, она то оглядывалась по сторонам, то слушала Гутмана, то наблюдала за теми, кто искренне радовался приобретению. Иногда очень полезно выходить из зоны комфорта и знакомиться с новыми людьми: ты становишься чуть-чуть путешественником, чуть-чуть актером и плывешь в неизведанные дали, заранее зная, что конечная остановка скоро. И ты ничего не потеряешь, а, возможно, даже приобретешь, так почему бы и нет?

– Андрей, мы идем? – повернув голову, спросил Федор Дмитриевич. – Я хотел сегодня еще немного поработать и почитать. И от чашки крепкого кофе я бы сейчас не отказался.

– Да, пора. Катя, все же остаетесь? Жаль. Надеюсь, ваша статья не будет разгромной, прошу, пожалейте Гутмана, он привык к обожанию. – В зеленых глазах Андрея запрыгали заразительные искры веселья, немного помолчав, он добавил: – Я рад нашему знакомству.

– Я тоже, – Катя тепло улыбнулась и поднялась, пропуская Федора Дмитриевича. – До свидания, с вами было очень приятно общаться.

Она не стала смотреть им вслед, пусть знакомство останется коротким эпизодом немного странного вечера. Эпизодом, который обязательно вспомнится позже – например, завтра в кофейне за утренней чашкой черносмородинового чая или в понедельник по дороге в редакцию. Слова загремят вагончиками, и в голову начнут приходить совсем другие ответы, более развернутые, рассудительные и неспешные.

«Мне сейчас очень хорошо... непонятно, необъяснимо...»

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Катя обернулась, но никто на нее не смотрел. Наверное, показалось.

Глава 4

Давным-давно...

Даже в обществе, на званых приемах и простых чаепитиях, Саша чувствовала одиночество, в какой-то степени оно стало ее другом. Привычная к вспышкам гнева отчима, она закалила характер, хотя часто ощущала себя физически слабой, и это расстраивало. Надо быть сильной. Тем более что будущее не сулит ничего хорошего, Яков Петрович не даст ни одного шанса на счастье. «Ты слишком похожа на мать», – часто обвинительным тоном говорил он, не догадываясь, что слова ласкают слух Саши и волнуют душу. Как жаль, что память не сохранила образ отца, он умер слишком рано, и теперь на шее висит его крестик.

«Кто знает, быть может, вы с небес смотрите на меня и храните...»

Два раза в неделю Саше разрешалось общаться с дочками Алюшиных, и в эти долгожданные часы жизнь оживала вокруг. Потому что вздорная Ольга и смешливая Ирочка знали все новости и с нетерпением готовы были рассказывать и о моде на более высокий каблук, и о новом почтальоне, перепутавшем телеграммы, и о скорой свадьбе Машеньки Поливановой, и об утопленниках, всплывающих под старой ивой по весне, и о симпатичном Грише Салтыкове, попавшем под влияние Павла Андреевича Воронцова. Саша всегда слушала внимательно и редко задавала уточняющие вопросы, их попросту невозможно было вставить в несмолкаемый щебет Ольги и Ирочки.

Про Павла Воронцова последние недели приходилось слышать часто. Отчим, разговаривая с приказчиком, упоминал его имя и почти сразу же осыпал проклятиями. Зная крутой нрав Якова Петровича, Саша даже сочувствовала Воронцову. И, когда произошла случайная встреча на дороге, она с интересом разглядывала Павла. Да, это тот

молодой человек, которой однажды хотел ее испугать на реке. Но можно ли испугать ребенка, живущего с таким отчимом?

У Платоновых Саша кожей почувствовала на себе обжигающий взгляд Павла. Кругом было много очаровательных, хорошо одетых девушек, но он отчего-то смотрел на нее. Она лишь два раза повернула голову, желая убедиться в своих ощущениях, а затем проследовала за отчимом к столу, где немного поела холодной, тонко нарезанной буженины и поговорила с Машенькой Поливановой и ее матерью. Но мысли о Павле не отпускали некоторое время. Высокий, хорошо сложенный, уверенный молодой мужчина. Пожалуй, Саша охарактеризовала бы его именно так. «Очень красивый, и ямочка на подбородке. Не знаю, можно ли назвать его кудрявым, но волосы слегка вьются... А глаза?! В начале зимы я читала любовный роман, так главного героя представляла именно так!» – неожиданно вспомнилось, как про него рассказывала Ирочка.

Саше не разрешалось принимать участие в танцах, на приглашения она должна была отвечать вежливым отказом. Но ее скромной персоной и не интересовались, грозная фигура отчима всегда маячила рядом, а это не способствовало общению ни с кем.

После чая с яблочным пирогом Саша немного прошлась вдоль окон, поглядывая на потемневший двор, затем остановилась около зеленых бархатных стульев и отыскала взглядом отчима. Яков Петрович, покрасневший от выпитого вина, похрапывал в кресле в дальнем углу гостиной, ему не мешали ни музыка, ни шум голосов, ни звонкий смех.

«Как хорошо», – подумала Саша, наблюдая, как медленно поднимается и опускается живот отчима, скованный пуговицами темно-синего жилета.

– Нас не представляли друг другу, – раздался справа мужской голос, – я бы хотел забыть про условности и исправить это.

Повернувшись, Саша сразу увидела ямочку на подбородке, а уж потом заглянула в серые глаза Павла. Ее сердце билось ровно, на душе царил покой, и тем приятнее было начать разговор. «Да, он очень высокий, или я маленькая?.. Вернее, и то и другое».

– Александра Образцова, – произнесла она негромко.

– Павел Воронцов. – Он кивнул и сделал небольшой шаг вперед. – Извините, если помешал, но я не смог противиться острому желанию

поговорить с вами. А если совсем честно, то я хотел пригласить вас на танец. Вы позволите?

Саша так давно не танцевала, что при этих словах испытала тягучую боль в коленях, точно они умоляли не отказывать, вряд ли в ближайšie месяцы, а то и годы, выпадет еще шанс. Но что будет, если Яков Петрович проснется или узнает позже? Он как-то поднимал на нее руку, запирали надолго в кладовой, оставлял без еды и всегда гневно кричал, унижая и ее, и память о родителях.

– Да, – ответила Саша и первая направилась в смежный зал, где по кругу плавно двигались пары. Заняв последнее место в первом ряду, она протянула вперед руку и сразу почувствовала прикосновение теплых пальцев Павла. Душу захлестнули новые приятные разноцветные чувства, и показалось, что музыка зазвучала ярче и громче.

– Вы редко бываете в гостях, я не встречал вас ранее.

– Да, редко, – согласилась она, не озвучивая причины.

– Жаль, я бы хотел видеть вас чаще.

Саша промолчала в ответ, сменила руку, сделала положенный полукруг и вернулась на исходную позицию. Она встречала раньше Алексея Воронцова, старшего брата Павла, и теперь сравнивала их, отмечая внешнюю схожесть и внутреннее расхождение. Отчего-то в голову полезли сплетни, рассказанные Ирочкой, и Саша торопливо переключила мысли: «Я танцую, как много в этом счастья». Улыбнувшись, она бросила взгляд на Павла и почувствовала в душе искреннюю благодарность за приглашение. И даже если отчим, проснувшись, придет в ярость и разорвет ее на части, никакого сожаления не будет, отказаться – это все равно что лишить себя воздуха и света.

Павел не проронил больше ни слова. А когда музыка стихла и хозяйка дома пригласила всех попробовать десерт, он проводил Сашу к столу, поклонился и отошел к окну, где продолжил разговор с Гришей Салтыковым.

Ирочка приехала без сестры спустя полчаса, по ее лицу было видно, что значительное опоздание имеет причину, о которой непременно нужно рассказать в самых мельчайших подробностях.

– Можешь ли ты себе представить... – задыхаясь от волнения, начала она. – Мы уже выходили из дома, когда Оля вдруг

почувствовала себя дурно и упала в обморок. Десять минут она не приходила в себя, хотя мы обмахивали ее веерами и поливали лоб холодной водой. Конечно, прическа оказалась испорчена... Мама охала, папа ругался и размахивал руками, а я молилась, надеясь, что она не умрет прямо сейчас и мы все же поедим к Платоновым. Но потом Оля открыла глаза, и мы вздохнули с облегчением. Оказалось, она два дня не ела, чтобы выглядеть тоньше, и вот результат: Оля с головокружением лежит в постели с грелкой и рыдает, а я здесь. Немедленно скажи, пропустила ли я что-нибудь интересное?

Самым интересным Саша посчитала танец с Павлом, но говорить об этом не стала.

– Нет, вечер довольно обычный.

– Как же хорошо, как хорошо, – с облегчением выпалила Ирочка и принялась оглядываться по сторонам, отмечая, кто приехал к Платоновым, а кто нет. – Гриша Салтыков... Давно хотела тебе сказать, что он мне определенно нравится.

Саша была вынуждена повернуть голову в его сторону и сразу встретила взгляд Павла. Внутренняя уверенность в том, что он больше не подойдет и не пригласит ее на танец, была, как ни странно, приятна. Он точно понимал ее положение. Впрочем, не удивительно. Кому как не Павлу Андреевичу Воронцову знать, что Якову Петровичу может понравиться, а что нет. И это была не жалкая трусость, а аккуратная здравая предусмотрительность: пригласить можно, если хочется, но расплываться потом Саше.

– ...интересно, ему нравятся брюнетки? – продолжала тараторить Ирочка. – Уверена, мама бы одобрила наш брак с Салтыковым. И отчего лет пять назад я могла запросто назвать его Гришкой, подойти и толкнуть, а теперь он – Григорий, и нужно ждать, когда его величество соизволит посмотреть в мою сторону. Это очень несправедливо.

Когда вечер близился к концу и многие уже засобирались по домам, Павел прошел мимо Саши, чуть сбавив шаг, и спокойно, будто его слова не являлись чем-то недопустимым, произнес:

– Мне нужно поговорить с вами. Завтра поздно вечером я буду в вашем саду, приходите, как сможете.

Саша заснула лишь под утро, ей было о чем подумать. До этого дня никто не позволял себе оказывать ей серьезные знаки внимания, писать письма, назначать тайные или явные свидания. Признавая

неопытность, она пыталась отдалиться от случившегося и посмотреть на ситуацию со стороны. Что может быть нужно Павлу Андреевичу Воронцову от нее? От бесправной маленькой птички, каждый взмах крыла которой контролирует отчим. А может, встреча связана именно с Яковом Петровичем? У них схожие хозяйственные дела, а еще торговля...

Эпизоды вечера проносились перед глазами, воспоминание о прикосновении во время танца заставляло сжимать и разжимать пальцы, вопросы начинали требовать правдивых ответов, а голос все повторял и повторял: *«Завтра поздно вечером я буду в вашем саду...»*

Павел не назвал точное время, а значит, готов ждать долго. Столько, сколько потребуется. На Сашу он произвел впечатление сдержанного, умного, серьезного человека, и ему хотелось доверять. Тяжело жить, когда знаешь, что никто не протянет руку, не поддержит и не защитит.

А если Павел не равнодушен к ее судьбе, да и к ней самой?

Помнится, Ирочка рассказывала о скандале с вдовой Елизаветой Ковальской, но, во-первых, сплетня может оказаться пустой, во-вторых, невозможно понять чужие отношения: кто прав, кто виноват... В-третьих, Павел взрослый мужчина, кажется, ему около двадцати пяти лет и... Саша пыталась сформулировать оправдание, но оно, по сути, сводилось к тому, что жизнь до брака у женщин и мужчин разная и не стоит никого судить, не разобравшись.

Тряхнув головой, Саша прогнала от себя сплетни и сконцентрировалась на принятии решения: идти или нет? Она была уверена, что сможет осторожно пробраться в сад и остаться невидимой для Якова Петровича, но сам поступок волновал, душа отзывалась дрожью на мысль о том, что предстоит остаться наедине с Павлом Воронцовым. Под покровом ночи.

Ответ пришел к обеду, когда Саша прошла мимо большого зеркала, украшавшего стену гостиной, и, взглянув на отражение, остановилась. В ней многое изменилось за первую половину дня, и почему-то это не вызвало удивления. Кожа стала еще бледнее, губы, наоборот, алели, глаза то тускнели, то поблескивали, подбородок заострился. Пришлось согласиться с тем, что она заболела, и у этой пока непонятной болезни есть имя. Павел.

Если в подобном положении Ирочка придумала бы и саму встречу, и вдохновенные слова, и даже запретные поцелуи, то Саша нуждалась лишь в простом разговоре, и именно его считала для себя нужным и важным. Хотелось по-настоящему узнать Павла, прочувствовать его, понять, чтобы потом ни одна сплетня не коснулась сердца. Его серьезный взгляд давал ощущение защищенности и добавлял силы, а еще... Саша не могла забыть то счастье, которое испытала во время танца.

Яков Петрович обычно ложился спать ближе к одиннадцати. Последнее время его мучили головные боли, и он спасался двумя стопками чего-нибудь крепкого и усыпляющего. Дождавшись двенадцати, Саша надела простое темно-серое платье, поправила прическу и вышла из комнаты. Тишина давала надежду, но не стоило торопиться, в доме жила прислуга, а выйти следовало через кухню. Из комнаты отчима доносился прерывистый храп. Саша быстро миновала кабинет, одну из гостевых спален, голубой и зеленый залы и замерла, прислушиваясь к дому. По-прежнему тихо.

На улице ее встретил легкий ветерок, короткая накидка не слишком защищала от холода, но Саша не замечала этого, ее согревало ожидание встречи.

Яков Петрович не терпел цветы и «бессмысленные кустарники», поблизости располагался только один сад – яблоневый. Деревья, потерявшие на зиму листву, тянулись в несколько рядов и сейчас в темноте выглядели устрашающе. Саша ступила на дорожку и медленно пошла, тихо молясь. Хорошо, что гончие отчима далеко, им не учуять ее дыхания.

– Александра... – раздался голос справа.

Увидев Павла, Саша испытала облегчение. Сдержав порыв быстро подойти к нему и коснуться руки (вот оно – спасительное чувство защищенности), она огляделась и спросила:

– А где ваша лошадь?

– Там, – он махнул рукой, указывая направление, – мы можем прогуляться к ней.

Саша внимательно посмотрела на Павла, будто пыталась убедиться в том, что это тот же человек, который назначил встречу на вечеру у Платоновых. Глаза привыкли к темноте, но света все же не

хватало. «Волосы вьются, а кудрявыми их назвать нельзя», – будто продолжая разговор с Ирочкой, подумала Саша.

– Вы давно здесь? – спросила она.

– Поверьте, это не важно.

Ответ сразу перечеркнул часть предполагаемых тем для предстоящего разговора: хозяйство Якова Петровича, да и сам отчим растворились в ночи без следа. Теплая улыбка Павла предназначалась ей: как, оказывается, быстро и просто может измениться жизнь. Измениться в лучшую сторону.

– Я бы не хотела далеко отходить от дома. Надеюсь, вы понимаете меня.

– Да, конечно. Я ни в коем случае не желал бы причинить вам неудобства или доставить проблемы.

– Спасибо.

– За что?

– За эти слова.

Павел улыбнулся, и Саше понравилось, как изменилось его лицо. Именно таким беззаботным, веселым оно было на речке, когда она сидела на мостке и плела венок из одуванчиков.

– А помните, я вас напугал однажды, – будто прочитал ее мысли Павел. – Вы были младше...

– Да, я плела венок, а вы бессовестно проплыли под водой и...

– Сейчас мне стыдно, поверьте, стыдно. Надеюсь, вы не слишком...

– Испугалась? – продолжила Саша, ответно улыбаясь. – Нет, ни капельки. Я тогда думала о чем-то хорошем, и, пожалуй, это отвлекло и спасло меня.

Они замолчали. Ветер, воспользовавшись паузой, зашумел ветвями яблонь, взметнулся вверх, а затем опустился вниз и исчез. Выбившаяся из прически прядь скользнула по лицу Саши, пришлось убрать волосы за ухо, чтобы не мешали.

«Должна ли я спросить, о чем он хотел поговорить со мной? Стало бы легче, если бы он объяснил. Почему, почему я кажусь такой маленькой и несерьезной рядом с ним...»

Павел неожиданно шагнул вперед, коснулся ладонью щеки Саши, затем наклонился и быстро обжигаяще поцеловал в губы. Сердце мгновенно сжалось до боли, вспыхнуло и застучало отчаянно и оглушающе громко. Отшатнувшись, Саша прижала руку к груди и попыталась успокоить дыхание, но сделать это сразу не получилось. Губы Павла показались грубыми и жесткими, поцелуй не принес ничего кроме отчаяния, обиды и разочарования. Будто хозяин пришел и заявил права на свою вещь, а именно так теперь Саша себя и чувствовала.

– Зачем?.. – наконец произнесла она и замотала головой. – Зачем?..

– А что вас удивляет, Александра? Разве вы пришли сюда не за этим?

– Нет. Вы хотели поговорить со мной!

– А разве мы не поговорили? – Павел холодно улыбнулся и вновь подошел ближе. – Мы даже вспомнили старые добрые времена. Александра, вы мне очень нравитесь. – Он взял ее за локоть, проигнорировав взгляд сопротивления, и продолжил: – Очень. Поверьте. Имея такого отчима, вы вряд ли...

– Зачем, зачем же так... – в который раз повторила Саша и добавила, делая слабую, бессильную попытку освободить руку: – Я полагала, вы совсем другой человек.

Павел не успел ответить, раздался сухой треск веток, и яростный рык Стрыгина разорвал тишину ночи:

– Кто бы ты ни был, я убью тебя! Стоять, скотина!

Мрак мешал разглядеть наглеца, Яков Петрович не мог определить, кто держит за локоть его падчерицу. И это, похоже, наполняло его широкую грудь еще большим гневом. Размахивая руками, рыча, он приближался, и оставалось меньше минуты, чтобы принять какое-либо решение.

– Выбирайте, – резко сказал Павел. – Или вы уезжаете со мной и получаете защиту, или остаетесь с этим опустившимся животным и вымаливаете у него прощение. Если не ошибаюсь, ваш отчим чертовски пьян.

Нет, выбора не существовало, потому что в яблоневоm саду рядом с ней сейчас находились два животных. И если одно убьет сразу, то другое будет долго мучить, лишая ее души.

– Уезжайте, – твердо ответила Саша, хотя во рту пересохло, а к горлу уже подступал ком страха.

– Вы хорошо подумали?

– Прощайте.

– Как хотите.

Павел больше не стал тратить времени на уговоры, развернувшись, он не слишком торопливо направился в противоположную от Стрыгина сторону. Саша услышала, как заржала лошадь, а затем раздался отдаленный топот копыт.

Последний взгляд Павла говорил о том, что он не любит проигрывать и все, что она теперь получит, – заслуженная кара.

* * *

Три дня не прошли даром, теперь благодаря внутреннему навигатору Глеб всегда знал, где можно найти Екатерину Щербакову. «Малышка, я готов благодарить тебя вечно за равнодушие к магазинам и шмоткам, если бы мне пришлось таскаться за тобой по торговым центрам и прятаться за шторками примерочных, я бы...» Цензурные выражения на этом заканчивались.

Устроившись за круглым столиком любимой кофейни, Катя звонила родителям в Питер, и Глеб, попивая поблизости эспрессо, ловил долетающие фразы и небрежно отправлял их на полки памяти. Неизвестно, что и когда пригодится.

Он узнал, где Катя работает, во сколько уходит из дома, когда возвращается. К сожалению, мешали стены, все же следить за городом намного удобнее: поля, леса, ветер... Декорации и слышимость на пять с плюсом. Хотя, у городов свои преимущества – например, легко затеряться в толпе, никто не обратит внимания на неброско одетого бородатого мужчину тридцати девяти лет. Вот он сидит за соседнем столом, подперев щеку кулаком, и с удовольствием слушает, как его подопечная обещает завтра утром зайти к шефу. «Кстати, а какой у нее шеф? Может, сгодится на роль принца на белом коне? Эй, крошка, песок из твоего начальника еще не сыплется?»

Глеб уже понимал, что не просто так его приставили к Кате именно сейчас, бегать по улицам и искать мужа не придется. Схема

будет точно такой же, как и в Утятино: подходящий мужчина где-то близко, их судьбы уже пересеклись или пересекутся в самое ближайшее время, нужно только дождаться встречи и чуток помочь...

«А то несчастные сами же не справятся, помощника им подавай! Куда вообще катится мир? Мужики не могут затащить понравившуюся женщину в постель... – Глеб нарочно осекся, насмешливо улыбнулся и возвел глаза к потолку: – Конечно, я не прав, речь же идет о великой настоящей любви. Прошу прощения, увлекся, погорячился, выдал желаемое за действительное».

Глава 5

В обществе Сергея Юрьевича Горина Катя всегда чувствовала определенную неловкость. Да, он главный редактор, начальство, но дело не только в этом. Когда находишься рядом с высоченной горой и она на тебя внимательно смотрит, то... В голове начинают спотыкаться мысли, дрожь торопливо пересчитывает ребра, и холодок скользит по спине, вызывая острую потребность немедленно выпить горячий кофе. И даже не из желания согреться, а чтобы отвлечься, уткнувшись в любимую чашку.

Но, занимая привычное место на планерках, Катя часто украдкой наблюдала за Гориним. Ей нравилось, как он слушает, говорит, поправляет очки или морщит крючковатый нос. «Только не смотрите на меня, пожалуйста», – с улыбкой думала она, предпочитая роль невидимки.

До пятидесяти Горину оставалось два года, но седина почти не окрасила его виски, морщины появлялись на лбу лишь вместе с недовольством. Благодаря высокому росту, спортивной фигуре, качественной одежде (обычно светлых тонов), ухоженности Сергей Юрьевич выглядел моложе своих лет. Но легкость отсутствовала в его характере. Горин был из тех руководителей, которые четко знают, чего хотят, и не слишком терпеливо относятся к возможным промедлениям. Кате нравилось, что требовательность Горина всегда соседствует со справедливостью, подобная гармония встречается не часто.

– ...и с тебя, Илья, точно такой же масштабный материал, как в феврале, передохнул на музеях и театрах, а теперь давай в бой... Так, далее... Маргарет Кин и «Ее большие глаза» – отлично. Ирина Григорьевна, вы, как всегда, на высоте. Что у нас на культурном фронте?..

Взгляд Горина остановился на вечно витающей в облаках Ольге Воробьевой, и Катя мысленно произнесла ту фразу, которая сейчас непременно прозвучит: «Ой! Я подготовилась, сейчас, сейчас...» Потом зашелестят страницы толстого ежедневника, и Ольга вдохновенно расскажет о своих планах не только на ближайшую неделю, но, возможно, и на год. Горин редко перебивал Воробьеву, хотя явно ее не слушал. Катя подозревала, что Сергею Юрьевичу

хорошо думается о чем-то своем под журчащую речь маленькой рыженькой доброй Ольги.

– Ой! Я сейчас... Одну минуточку... Я же подготовилась!

Улыбнувшись, Катя посмотрела по сторонам и подумала о том, что она любит свою работу, но, пожалуй, сейчас не помешала бы профессиональная встряска: поездка на край света за новыми впечатлениями или исследование тайного подвала какой-нибудь древней библиотеки. Причем второе отчего-то манило больше. Замкнутое пространство, низкий потолок, пыль, свеча, щекочущий нервы страх и возрастающий азарт. «Хотя почему свеча? В наше время обычно дарует свет банальный фонарь. Но, признаться, он все испортит, загадки должны появляться на свет постепенно, иначе они довольно быстро станут полупрозрачными и начнут медленно исчезать...»

– Катя, – раздался голос Горина, – для тебя есть работа.

Вздвогнув от неожиданности, Катя вопросительно приподняла брови и с интересом встретила задумчивый взгляд Сергея Юрьевича. Пожалуй, раньше он так на нее не смотрел. Или было однажды? Когда литературная академия «Город» присудила Кате премию за рассказ о древних развалинах, рассказывающих ветру свою историю и все еще надеющихся на долгую жизнь. Всегда же есть шанс на возрождение, и даже если деревянные балки давно сгнили, а фундамент точат не пойми откуда взявшиеся грунтовые воды.

– Сергей Юрьевич, какая?

– Я бы сказал, особенная. – Горин немного помолчал, будто размышлял, как лучше преподнести суть дела, затем еле заметно усмехнулся и покачал головой. Он явно был доволен, но не хотел показывать этого. – Мелихов решил нарушить молчание, он готов дать интервью. И что самое любопытное, Катя, он хочет, чтобы именно ты приехала к нему и задала вопросы. Вроде знаком с твоими публикациями. Честно говоря, я предлагал ему встретиться и с Поливановым, и с Лией Лисоковской – они у нас матерые акулы пера, но Мелихов настаивает на твоей персоне. Нужно поторопиться, чтобы он не передумал. Останешься после планерки, проинструктирую тебя.

Катя услышала за спиной шепот: «Ничего себе... Повезло...», – и кивнула в ответ. Про Мелихова она знала немного: коллекционер антиквариата, богат, построил свою империю на покупке и продаже

недвижимости, мало с кем общается, а в быту предпочитает роль затворника. Пожалуй, его можно назвать загадочной персоной, и, наверное, определенные круги общества с обжигающим любопытством заглянули бы в замочную скважину его таинственной жизни. Однако коллекционеры никогда не являлись темой Кати, и ее знакомство с миром Мелихова ограничивалось обрывками разговоров в редакции и сухой информацией в каких-либо сводках. Но, безусловно, приятно, когда кто-то совсем незнакомый высоко оценивает твою работу и желает встретиться и рассказать о себе.

«Он лет десять не давал интервью, и не очень понятно, почему решил нарушить молчание. Хотя подобное поведение свойственно таким людям: им то хочется спрятать накопленные сокровища, то, наоборот, продемонстрировать их миру... Будь внимательна, подготовь вопросы, после обеда их обсудим. Статья обещает стать громкой... надо постараться вытянуть из Мелихова как можно больше... Он ждет тебя завтра в десять утра. Желаю удачи. И... я знаю, ты не подведешь».

Выслушав все наставления Горина, Катя торопливо направилась к своему столу, но на полпути притормозила и пошла медленнее. Нужно немного отодвинуть тот момент, когда она отыщет в недрах Интернета фотографию Мелихова и внимательно изучит его внешность. Сейчас душа слишком волнуется, а лучше бы сохранять спокойствие, чтобы черновой план интервью получился весомым и продуманным и не напоминал словесный винегрет.

«Винегрет Горина разочарует». Улыбнувшись мыслям, Катя села за стол, чуть придвинула к себе ноутбук и быстро набрала в строке поиска «коллекционер антиквариата Мелихов».

– Как его зовут? Не помню... – тихо произнесла она и вопросительно приподняла бровь.

Экран моргнул, и пестрые фотографии выстроились в ряд, охотно предлагая цветную и черно-белую правду. Не веря глазам, Катя замерла, а затем медленно передвинула стрелку мыши вправо, выбирая довольно крупный портрет. Щелк – и портрет занял почти весь экран.

Она хорошо помнила этот открытый лоб, тяжелые брови, сосредоточенный и немного едкий взгляд карих глаз, крупный нос, волевой подбородок... И хорошо помнилась аура этого непростого человека – весомая, выразительная и, пожалуй, загадочная. Необременительная встреча: слова, взгляды, движения... Все стало тяжелее, четче, будто вдруг неведомый художник обвел контуры и добавил штрихи. Не тогда, на аукционе, а сейчас Катя сложила все пазлы знакомства и получила пусть пока еще недорисованную картину, но уже рассказывающую о многом.

«Всему найдется объяснение, Катя. Возможно, вы здесь главный персонаж, без которого не поднимут и не опустят занавес. Как известно, пути Господни неисповедимы».

– Неисповедимы, – согласилась Катя и добавила: – Федор Дмитриевич, здравствуйте.

* * *

День и вечер ушли на поиски информации. Ее оказалось не так уж и много: в основном общие слова, хроника участия в выставках, перечень предметов различных коллекций, немного о путешествиях Мелихова, чуть-чуть о его привычках и совсем ничего о семье. Он даже жил не в квартире или собственном доме, а занимал этаж в одном из своих отелей на «Парке культуры». В отеле «Тасман». На некоторых фотографиях рядом с Федором Дмитриевичем Катя видела Андрея, это было приятно и вызывало улыбку. В его взгляде присутствовала легкость, и в глазах читалось: «Не волнуйся, это всего лишь интервью, и ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь».

Времени на подготовку было совсем мало, Горин, конечно, помог, но к таким интервью лучше готовиться за неделю. Как мало она знает о Мелихове, а это огромный минус.

«Эх, дня три бы еще...» Катя распахнула дверцы шкафа и сразу приняла решение надеть простую и удобную одежду. Подойдут брюки из мягкой ткани, удлиненная рубашка... Каблук? Средний. Проведя

рукой по вешалкам, Катя замерла, пытаясь вспомнить каждое слово Мелихова, сказанное на аукционе. Если б она тогда знала... Интересно, в какой момент Федор Дмитриевич принял решение довериться именно ей?.. «Я задам ему этот вопрос, если будет подходящий момент».

Поднимаясь по ступенькам отеля «Гасман», Катя еле сдерживала улыбку, приятное волнение и любопытство подталкивали вперед, обещая то самое долгожданное приключение. Особо представляться не пришлось, стройная девушка, одетая парадно (белый верх, темный низ), попросила следовать за ней и сразу направилась к лифту. Катя торопливо изучала обстановку, фокусируя взгляд то на глубоких кожаных креслах, то на огромном аквариуме с нарисованными пучеглазыми рыбами, то на узких ярких витражах, излучающих теплый зеленый свет, то на небольшой галерее маленьких глиняных статуэток, в которых не сразу угадывались фигуры людей, то на люстрах, напоминающих огромные артишоки... Только очень талантливый человек мог соединить все детали интерьера так, чтобы получилась подобная красота – густая, точно карамель, затягивающая в свою почти гипнотическую воронку.

«Безусловно, помогал дизайнер, но последнее слово было за Федором Дмитриевичем», – подумала Катя, собираясь шагнуть в мир загадочного коллекционера.

Мелихов жил на последнем этаже, и, чтобы здесь открылись дверцы лифта, нужно было воспользоваться специальной картой-ключом, что и сделала сопровождающая девушка. Далее следовала стеклянная матовая черно-фиолетовая дверь, которая, как предположила Катя, заблокирована намертво, если Мелихов не встречает гостей. Такого толстого стекла она, пожалуй, никогда не видела. Сколько весит эта конструкция?

– Федор Дмитриевич ожидает вас в кабинете, пожалуйста, пройдите прямо по коридору, затем сверните направо. Вторая дверь, – с вежливой улыбкой произнесла девушка и кивнула, прощаясь. Она не собиралась провожать гостю до нужной двери, и, похоже, ей сказали поступить именно так. Катя не сомневалась, что в этих стенах, как в хорошем театре, все происходит только по воле главного режиссера.

Торопиться не хотелось, наоборот, шаг замедлялся, а взгляд продолжал скользить то вправо, то влево. Уловив в душе

поддрагивающее беспокойство, Катя даже обрадовалась: оно обострило, усилило чувства. «Значит, здесь он живет... Многокомнатная квартира, занимающая целый этаж... Сколько комнат? Двадцать? Тридцать? Большие, маленькие, темные, светлые...» Но пока получалось только гадать, правда, возможно, всплывет позже, если удастся прогуляться по этажу.

На личной территории Мелихова царил иная атмосфера, более сдержанная и строгая. Ничего лишнего, кругом темное дерево, серые с черными прожилками полы и стандартный белый потолок, никаких побрякушек, вдоль стен – одинокие диваны и кресла, напоминающие огромных сторожевых псов породы английский мастиф. Около кабинета Катя остановилась, вдохнула, выдохнула, автоматически убрала съехавшую на глаза прядь, задалась вопросом: стучаться или нет, и решительно нажала на ручку двери.

– Добрый день, – ровно произнесла она, глядя в спину Федору Дмитриевичу Мелихову. Он стоял около окна, и, к сожалению, увидеть выражение его лица не получилось.

Резко обернувшись, Мелихов быстро посмотрел на настенные часы и ответил спокойно, без тени каких-либо эмоций:

– Добрый день. Вы не опоздали ни на минуту, а я люблю и ценю точность во всем. Прошу, присаживайтесь, – он указал на кресло и, не дожидаясь реакции Кати, устроился за письменным столом. – Как добрались?

– На метро, – просто ответила она, понимая, что дежурный вопрос был о другом. Все в порядке, доехала без происшествий, погода прекрасная... С чего еще принято начинать разговор? Катя попыталась уловить настроение Мелихова и поняла: ничто не тревожит душу этого человека, всего лишь еще одна деловая встреча, вот и все. На пару секунд она даже почувствовала себя пешкой на клетчатом поле чужой игры, но доверяют ли пешкам свои сокровища и тайны известные коллекционеры?

«Пожалуй, нет, – мысленно подчеркнула Катя и села в предложенное кресло. – Федор Дмитриевич, я готова шагнуть в вашу жизнь. Давайте приступим к делу».

И все же хотелось, чтобы Мелихов повел себя иначе, сделал чуть тише деловой тон и рассказал, почему выбрал именно ее. Потому что адекватная журналистка оказалась под рукой в нужное время? Но

неужели у столь известного человека нет знакомых представителей прессы, да еще рангом повыше? Наклонив голову набок, Катя попыталась быстро перечислить свои плюсы, но сбилась и сдержала улыбку. Какой в этом смысл? Такие люди, как Мелихов, не всегда действуют по общепринятой логике, у них свои «тоннели» в голове.

– Отлично, – подытожил Федор Дмитриевич, чтобы закончить вежливую часть разговора. На его лице появилась задумчивость, которая немного добавила возраста (теперь Катя знала, что Мелихову сорок три года). – Наверное, вас несколько удивило мое приглашение, признаться, я принял решение в считанные секунды. Знаете почему? – Он сдержанно улыбнулся. – Чтобы не передумать. Не люблю навязчивых представителей прессы, но иногда нужно давать многостраничные интервью, и к тому же я готовлю осеннюю выставку. Пусть журналисты поменьше ко мне пристают и занимаются перепечаткой вашей статьи. Считаю, мы удачно встретились на аукционе. Вы приятный человек, Катя, и, пожалуй, будет не сложно поведать вам некоторые эпизоды моей жизни.

– Спасибо за доверие.

– В вашем голосе не чувствуется иронии, а в подобной ситуации вы вполне имеете на нее право. Нам с вами приходится знакомиться второй раз.

– Федор Дмитриевич, я бы хотела сразу задать организационные вопросы, – нарочно сменила тему Катя, лишая Мелихова возможности подчеркнуть свою значимость. Он же понимает, насколько важно для нее это интервью, он слишком весомая персона. – Как много вы готовы рассказать? Хотите ли вы обозначить темы заранее: о чем можно спрашивать, а о чем лучше не стоит? И главное – сколько у меня времени? Если вы намерены дать большое интервью, то за один день мы не управимся.

«Согласитесь хотя бы на два...»

– Один день? Нет. – Федор Дмитриевич покачал головой и внимательно посмотрел на Катю, будто желал уловить все оттенки ее последующей реакции. – Неделя минимум, и вы должны сегодня же переехать в этот отель. Совершенно не нужно тратить драгоценные часы на дорогу, и к тому же вам необходимо вдохновение. А в этих

стенах его предостаточно, лежит практически на каждой полке. Катя, у меня к вам большая просьба – называйте меня просто по имени, ни к чему добавлять нашему общению подчеркнутой официальности, этого добра мне и так хватает. Договорились?

Слова Мелихов произнес без пауз, с определенной долей небрежности, но показалось, будто от каждой фразы отскочило гулкое дребезжащее эхо. Неделя минимум... Неделя! Переехать в отель?.. Жить здесь? «Пожалуй, я смогу называть вас по имени. Конечно, придется привыкать, но это не трагедия...» Мысли смешались, и Катя нарочно отодвинула подальше предложение о переезде, еще минуту назад она даже не предполагала, что такое возможно. Да, нужно дать ответ, но сначала желательно сделать вдох и выдох, чтобы впитать разом все новости и ответить спокойно и правильно. Жаль, здесь нет Андрея, было бы намного проще общаться: его фразы легки, а в глазах – внимание и добрый свет. Впрочем, Мелихов сейчас тоже очень внимателен.

– Хорошо, я буду обращаться к вам по имени.

– Отлично. Во сколько прислать водителя?

«Кажется, мое согласие не требуется, все решено... – Катя смело встретила взгляд Мелихова и не отвела глаз, когда пауза слишком затянулась. – Помнится, я мечтала о приключении. Вот оно – бери и пользуйся, получай самые разные впечатления... Осталось только решить, какой дать ответ. Стоит ли отказываться?»

Но как же не хотелось сдаваться и подчиняться, Катя и не знала, что дух противоречия может быть настолько сильным и въедливым. Зачем переезжать и чувствовать себя неловко здесь, когда можно каждый вечер ложиться в свою постель и тихо засыпать, думая о чем-то теплом, уютном? Или попросту перебирать события дня, важные и ничего не значащие фразы.

«Вот и оправдание отказу нашлось. Только, если честно, я не могу делать все, что вы пожелаете, Федор... Дмитриевич... Именно для успеха статьи мне необходимо свободное пространство, расстояние вытянутой руки между нами. И... я должна остаться собой».

– На мой взгляд, переезд необязателен, до отеля я добралась довольно быстро. Спасибо за приглашение, но...

– Если передумаете, звоните. – Не дожидаясь окончания ответа, Мелихов встал, подошел к Кате и протянул визитку. С одной стороны, он явно не терпел возражений, с другой – не собирался никого уговаривать. – Вы напрасно отказываетесь, жизнь здесь весьма комфортна, а для вас могла бы быть еще и интересной, уверен, вы поймете это чуть позже. Мне очень хорошо работается в этих стенах, в отеле отличная шумоизоляция, иногда кажется, будто жизнь за окном давно остановилась, и у меня есть огромное количество времени, чтобы все успеть и даже прожить две или три жизни. Знаете, есть такая детская игра «замри-отомри»?

– Да, – Катя с улыбкой кивнула. – Вам кажется, что после вашего «замри», перестают ездить автобусы и трамваи...

– ...и люди лишаются движения тоже, – с ответной улыбкой продолжил фразу Мелихов. – Кто-то остается сидеть на скамейке, кто-то замирает рядом с остановкой, а кто-то рядом с витринными окнами магазина. Но я не хотел бы, чтобы это случилось с вами, Катя. Во всяком случае не сейчас. – Он прошелся по кабинету, притормозил около высокой тумбы с папками и добавил: – Вы наверняка подготовили вопросы, но я планировал начать наше второе знакомство иначе. Давайте сегодня просто пообщаемся, устрою вам небольшую экскурсию по своему жилью, лицемерить и называть его скромным я не стану. – Мелихов прищурился и немного помолчал. – В два, к сожалению, у меня назначена встреча, но завтра я абсолютно свободен, предлагаю вместе пообедать и поужинать, а если приедете рано утром, то и позавтракать. Какую кухню вы предпочитаете, Катя?

– Простую, – честно ответила она.

– Не верю. Наверняка творческая составляющая вашей души требует гораздо большего.

– Признаюсь, это случается иногда.

– И что вы делаете в таких случаях?

– Жарю курицу с дижонской горчицей. – Катя вновь улыбнулась и отметила, что разговор начинает приобретать ту самую невесомость, которая сглаживает углы и позволяет расслабиться. Конечно, они знакомы совсем немного, но уже сейчас хотелось понять, какой Мелихов на самом деле, где у него правда, где ложь, где игра. А игра в

его исполнении всегда будет неторопливой и мастерской, в этом можно не сомневаться.

– Предлагаю начать экскурсию. Я не храню здесь весомую часть своих коллекций, для этого существуют различные галереи и специальные хранилища с определенным температурным режимом, но все же мне есть что вам показать. И поверьте, это будут интересные экземпляры далекого прошлого. Обычно я держу под рукой или очень давние приобретения или то, что купил на днях. Признаюсь, я не из тех коллекционеров, которые трясутся над каждой вещицей или оценивают экспонаты с точки зрения финансовых вложений, но и мне не чужды слабости. Бывает, я часами разглядываю какую-нибудь маловыразительную статуэтку, пытаюсь угадать, кому она принадлежала и какой прошла жизненный путь. Порой история гораздо важнее, чем сам артефакт. Бывали у меня и великие разочарования, но об этом в другой раз, иначе вам станет скучно.

– Наоборот, вы очень интересно рассказываете. – Катя поднялась из кресла и подошла к Мелихову ближе. В его карих глазах появились золотистые искры, наверное, они вспыхивали всегда, когда речь заходила о любимых коллекциях. «Являюсь ли я таким же увлеченным человеком? Захватывает ли меня журналистика столь сильно?.. Да», – быстро пришел ответ, и Катя чуть расправила плечи, будто только что получила медаль всеобщего одобрения. Поймав себя на этой нелепице, она еле сдержала смех и посмотрела на Мелихова с долей благодарности. – Сколько лет вы живете в отеле?

– Больше семи.

– Пожалуй, в этом есть что-то увлекательное.

– Вы хотели сказать – странное? Пойдемте, я познакомлю вас со многими странностями своей жизни, и поверьте, я не хотел бы их изменить или утратить.

Жилых комнат на этаже оказалось только восемь: кабинет и смежная с ним библиотека, просторная гостиная, две разные спальни – сдержанная серая и более бодрая фисташковая, довольно уютная столовая с двумя столами (маленьким круглым ближе к окну и вытянутым овальным по центру), домашний кинотеатр с мягкой кожаной мебелью оливкового цвета и зеркальный тренажерный зал. Кате хотелось рассмотреть интерьер в деталях, но Федор Дмитриевич к этой части своих апартаментов относился с явным равнодушием и не

задерживался ни на минуту. Зато, когда они перешли невидимую черту, отделяющую быт от искусства и истории, темп экскурсии резко изменился.

– Конференц-зал. Я редко им пользуюсь по назначению, но это хорошее место для размышлений, планирования и принятия решений. – Мелихов широко распахнул дверь и пропустил Катю вперед. – Я вовремя это понял и именно в конференц-зале стал собирать произведения японского декоративно-прикладного искусства, а уж потом на стенах появились и картины японских художников. В основном это современные работы, необремененные деталями и красками, но есть несколько пейзажей с потрясающей цветовой палитрой. Именно в такой атмосфере мне лучше думается, и при этом Японией я вовсе не увлечен. – Федор Дмитриевич усмехнулся и развел руками, мол, вот странности и начинаются. – Я возлагаю на вас большие надежды, Катя. Будет лучше, если вы напишете объемную статью о моей жизни, а уж затем последует интервью. Это позволит мне еще лет пять держаться подальше от журналистов.

– Да, мне бы хотелось подготовить и статью тоже.

– Вот и договорились.

Кате показалось, что Мелихов хочет добавить: «Именно поэтому вам все же лучше переехать в отель». Его взгляд стал настойчивее, губы сжались, будто Федор Дмитриевич вспомнил отказ, но слова так и не прозвучали.

– Кажется, это нэцке?

– Нет. Окимоно. Резные фигурки из дерева и слоновой кости. Для изготовления используются и другие материалы, например медь, серебро, но мне нравятся именно эти.

– Потому что от них исходит тепло? – Катя с улыбкой посмотрела на Мелихова.

– Романтичная гипотеза. Пожалуй, я оставлю ваш вопрос без ответа. Кто знает, может, вы и правы.

Миниатюрные фигурки находились в стеклянных колпаках, которые тянулись вдоль стен от двери к окну. Окимоно уверенно стояли на черном бархате, а рядом лежали плотные белые карточки, рассказывающие об их происхождении. Крестьяне, рыбаки, музыканты, актеры, герои японских легенд и сказок смотрели на Катю внимательно, будто желали о чем-то предупредить.

– Они довольно древние, – тихо произнесла она, будто могла потревожить фигурки громким голосом.

– Лишь некоторые из них. Сто лет – не такая уж и древность.

– Какие лица, взгляды...

– Поверьте, окимоно очень умные, и выражение их лиц меняется в зависимости от мыслей и настроения.

– Их мыслей или ваших?

– Трудно поверить, что неодушевленный предмет может думать, но кто вам сказал, что у этих фигурок нет души? – Мелихов вопросительно приподнял правую бровь и улыбнулся, однако на этот раз улыбка показалась холодной.

– Пожалуй, я бы побоялась зайти в эту комнату ночью, – засмеялась Катя.

– А я и не захожу.

Она успела осмотреть еще три небольших зала, и не получилось бы сказать, что интереснее: изучать экспонаты домашней коллекции или наблюдать за Мелиховым. Он то замолкал, точно боялся нарушить чей-то покой, то начинал рассказывать историю картины или вещи, то долго и цепко смотрел на Катю, и в такие минуты она начинала чувствовать себя одним из коллекционных предметов. Пока не разгаданным и не помещенным на бархатную подушку под стеклянный колпак. Федор. Отчество постепенно отдалялось, а имя становилось более тяжелым и емким, оно идеально подходило Мелихову и тоже имело определенный налет времени.

– К сожалению, я не успею сегодня закончить нашу маленькую экскурсию, еще нужно подготовиться к встрече, но я бы хотел повторно пригласить вас в библиотеку. Думаю, вам будет интересно познакомиться с книгами поближе, здесь всего лишь часть моего литературного богатства, но зато она самая любимая. Некоторые экземпляры мне даже жаль реставрировать, и я старательно оттягиваю этот момент. Есть особое удовольствие читать книгу, страницы которой не только дышат историей, но и полностью зависят от нее. Быть может, вы не поймете меня, но я дорожу даже пятнами на обложках.

– Я соглашусь с вами, старые книги завораживают, у них особенный запах, и страницы похожи на перепончатые крылья давно вымерших не то птиц, не то животных.

– Отлично, значит, наши взгляды совпадают.

Библиотека походила на лабиринт-тетрис: стеллажи тянулись во все стороны, резко заворачивали, обрывались, открывая новые проходы, затем вновь встречали прямыми углами, ровными колоннами и низкими широкими тумбами с тяжелыми полками. Глаза разбегались, хотелось взять первую попавшуюся книгу, сесть в кресло около окна и жадно читать, осторожно переворачивая пожелтевшие страницы. Но где окно? Похоже, до него еще нужно добраться...

Стеллажи частично перекрывали дневной свет, и кругом горели матерчатые бра, освещая небольшие пространства густым желтым светом. Но лабиринт закончился, полки расступились, и Катя оказалась в довольно просторной части библиотеки, где окно бесспорно играло свою роль: оно не только щедро дарило свет, но и возвращало к реальности.

– Замечательно, – выдохнула Катя, испытывая необъяснимый восторг, будто в этом неожиданно солнечном круге и была сконцентрирована атмосфера всего отеля «Гасман». – Я бы на вашем месте жила именно здесь.

– Это небезопасно, – ответил Мелихов.

– В каком смысле? – Катя резко повернула голову и встретила насмешливый взгляд карих глаз.

– Сначала вы перестаете есть, потом пить, душа потребует лишь одного: сидеть на этом диване часами и читать, читать, читать... Вы и не вспомните, какое нынче число, перепутаете вечер с рассветом и однажды попросту превратитесь в книгу, которую во время уборки добросовестная женщина в униформе поставит на одну из полок. Кто знает, сколько жертв нашли здесь последний приют, обернитесь, мне кажется, зеленый шкаф был наполнен именно таким образом.

Автоматически обернувшись, Катя сразу увидела широкий открытый шкаф цвета темного изумруда, на его полках выстроились хорошо сохранившиеся книги, некоторые из них выглядели как новые, но внимание привлекло совсем другое... На столе около окна на простой коричневой подставке стояла модель военного корабля. Мачты демонстрировали плотные паруса, корма притягивала взгляд мелкими симметричными деталями, луч солнца золотил полированный борт, четыре разных флага, казалось, развеваются на ветру.

Острое желание узнать название корабля толкнуло Катю в спину, и она сделала несколько шагов вперед, буквы на мгновение слились, а затем вытянулись в грозное и грохочущее слово «Полтава». Вздвогнув, Катя качнулась и замерла, не в силах отвести взгляд от горделивого красавца. Послышались шум моря и крики чаек, сердце забилось сильнее, и не так-то просто было его успокоить...

– Не правда ли он прекрасен? – спросил Мелихов, подходя ближе. – Знаменитый русский линейный корабль четвертого ранга. Пятьдесят четыре пушки. Принимал участие в шести морских кампаниях, детище Петра Первого и корабельного мастера Федосея Моисеевича Склеяева. К сожалению, перед вами лишь копия работы художника и мастера XIX века – Матвея Глинникова. Подлинник я ищу многие годы, но пока тщетно, я даже не знаю, сохранился ли он до наших дней или время и люди оказались к нему беспощадны. Увы, последнее упоминание о «Полтаве» было очень давно, но, как говорится, надежда умирает последней...

– Русский линейный корабль, – тихо повторила Катя и добавила уже громче: – Мне пора, не хочу вас задерживать. Федор, большое спасибо за экскурсию, я не успела все осмотреть, но, может, это и к лучшему: возвращаться к вам я буду с нетерпением и любопытством.

– Буду рад новой встрече, приезжайте завтра к десяти – это хорошее время для начала продуктивного дня.

«Пятьдесят четыре пушки, пятьдесят четыре пушки...» – отстукивали в висках болезненные молоточки, пока Катя спускалась на первый этаж.

Глава 6

Давным-давно...

Дикая ярость не дала Якову Петровичу возможности сразу приступить к расправе. Грязно выругавшись, он вцепился в плечи Саши и затряс ее, рыча и выплевывая проклятия. Стрыгин сделал все, чтобы падчерица даже не думала о флирте и замужестве, он вовсе не собирался расставаться с деньгами покойной жены, но девчонка обманула его и опозорила. Если бы не глупый сон, разбудивший среди ночи, и желание проветриться, тайное не стало бы явным.

– Дряннь!

Яков Петрович размахнулся и ударил Сашу. Она инстинктивно увернулась, кулак, проскользнув мимо лица, врезался в плечо.

– А! – вскрикнула она, делая бессмысленную попытку вырваться.

– Говори, кто он?! Говори!

Отчим тряс ее снова и снова, перекошенное лицо устрашало, смесь запахов водки и щей вызывала приступ тошноты. Но Саша молчала, даже под пытками она не назвала бы имя Павла Воронцова. Да, пусть он погубил ее, но это не значит, что и она должна бросить его жизнь в огонь.

Теря равновесие, Яков Петрович ударил Сашу еще раз, а затем, свирепо прошипев: «Я убью тебя, немедленно убью...», потащил к дому. Тело предательски онемело, голова гудела, во рту появился сладковатый привкус крови, и Саша не сопротивлялась, молясь лишь о том, чтобы кошмар закончился как можно быстрее. Очень хотелось дотронуться до крестика на шее и увидеть не ночное мрачное небо, а чистое голубое, и пусть даже будут облака, но главное – свет и надежда.

Саша не сразу поняла, что дом остался позади, а они движутся к лесу. Ботинки промокли, ноги начинали мерзнуть, и душу коснулся особенный страх – ледяной. Неужели отчим действительно способен на убийство? И кто найдет ее потом, мертвую, среди деревьев?..

– Беги! – Отчим толкнул Сашу, и она, споткнувшись, полетела вперед на снег, больно ударившись коленом. – Я сказал – беги! У тебя есть несколько минут, чтобы спасти свою ничтожную, никому не нужную жизнь! Я спущу собак, и поверь, они будут знать, кого им следует догнать, разорвать на части и сожрать. Отличная экономия на мясе! – Яков Петрович захохотал, но потом резко замолчал и хищно прищурился. – Будет даже лучше, если ты подохнешь в каком-нибудь болоте, я устал нянькаться с тобой! А дня через три я обязательно начну поиски твоего тела, чтоб уж ни у кого не случилось сомнения: заблудилась бедняжка, да волки загрызли. Беги, дрянь, и дело с концом!

И она побежала.

Сначала медленно, борясь с негнушимися ногами и мешающей юбкой, а затем быстрее.

Теперь страха не было. Вперед толкала безумная жажда жизни, такая сильная, что Саша не успевала обернуться. Маленькие ножки в бархатных ботинках утопали в снегу, ледяные брызги разлетались в стороны, деревья приближались, скакали перед глазами, обещая одновременно смерть и спасение.

Саша упала, лицо коснулось островка снега, корка обрезала щеку, но некогда было себя жалеть. Некогда. Упираясь ладонями в жидкую холодную землю, она резко поднялась и побежала дальше, слыша за спиной скрипучий хохот отчима. Хохот гораздо лучше лая собак, надо торопиться... Ручей... В лесу есть ручей... Она должна добраться до него раньше, чем ее увидят гончие.

Интуиция загнанного зверя уже рождалась в трясущейся душе Саши и ветками, запахами, поваленными деревьями, почти невидимыми тропинками указывала путь.

«Нельзя останавливаться. Я смогу...» – вспыхивали мысли, а тело через короткий промежуток времени предательски умоляло сдаться, лечь на землю и ждать неминуемой гибели.

Лес становился гуще, юбка все липла и липла к ногам, руки и шею пронизывал колючий холод, силы заканчивались, и Саша помогала себе тем, что отталкивалась от деревьев. И вот ветер принес нетерпеливый лай гончих, а значит, собаки спущены, и нужно бежать еще быстрее. Но через мгновение Саша увидела то, к чему стремилась, – ручей!

«Я смогу, я смогу, я смогу...»

Снег на берегу ручья почти растаял, но вода местами была еще спрятана под прозрачным стеклом льда. Не раздумывая ни секунды, перечеркивая слабость, Саша шагнула в ледяную воду. Теперь собаки собьются со следа, потому что вместо дороги у нее под ногами будет быстрое течение, уносящее прочь любые запахи.

Вдох, выдох, и Саша вновь побежала. Снег, набившийся в ботинки, теперь был пропитан чистой водой ручья, до того холодной, что немели пальцы. Лай собак то отчетливо слышался, то стихал, то казалось, что опасность совсем рядом, то чувствовалось полное спасение, то приходило равнодушие, настойчиво тянущее к земле. Саша не смогла бы сказать, сколько бежала, сколько шла, сколько падала и вставала, повторяя: «Я смогу». В какой-то момент звуки леса исчезли, темень сгустилась, и из груди вырвался сдавленный стон...

Саша очнулась на краю большого поля. Уже рассвело, и хорошая видимость неожиданно удивила, будто не верилось, что существует утро с голубым небом, перистыми облаками и пением птиц. Ноги ныли, боль медленно поднималась выше к животу, хотелось немедленно снять ботинки и тереть, тереть кожу, пока под ней не забурлит кровь и не появится хоть капля тепла.

«Просто надо идти не спеша, по чуть-чуть...
Все получится».

Посмотрев вверх, Саша зажмурилась, солнце обожгло израненное лицо, но губы вдруг растянулись в улыбку, и слезы радости скользнули по щекам.

Она жива и свободна.

Свободна!

Местность была незнакомой и неприглядной, и приходилось выбирать направление, куда двигаться дальше. Саша рассудила, что рядом с полем всегда есть дорога и какое-нибудь поселение и нужно хорошенько осмотреться, чтобы отыскать людей. Сил немного прибавилось, но мешал озноб. Чашка горячего чая явилась бы восхитительным лекарством, но сейчас о такой роскоши оставалось только мечтать.

Если в лесу деревья не давали снегу таять, закрывая солнце плотной сеткой голых веток, то здесь уже царствовала весна. Коричневая земля, пучки прошлогодней травы, лужи... Идти было гораздо легче, но Саша понимала: слабость и холод не позволят ей совершить длинный путь. Двигаясь вдоль борозды, заполненной водой, она всматривалась в даль, останавливалась, куталась в мокрую накидку и вновь шла.

Возле сосен показалась крыша дома. Впрочем, эту лачугу назвать домом можно было с большим трудом. Покосившиеся стены, чердачная дыра, приставленные бревна, играющие роль опор, крыша, напоминающая разворошенное гнездо огромной птицы... Но эта старая нелепая постройка показалась Саше самым замечательным чудом, которое только могло быть на свете. Чувствуя приближение слез, она закусил губу и поправила волосы. Даже если окажется, что в лачуге давно никто не живет, – не беда, можно передохнуть, высушить одежду, чтобы потом отправиться дальше. Куда? Ответ уже начинал обретать очертания.

Подойдя ближе, Саша поняла, что жилище вовсе не брошено: рядом с дверью стояла лохань, наполненная скрученным бельем, на потрескавшейся, изъеденной лишайником скамейке лениво лежала дымчатая кошка, на солнце сушились глиняные темно-коричневые горшки, раскрашенные мелкими трещинами. Но дворик нельзя было назвать радостным, казалось, жизнь здесь давно замерла, и это не реальные предметы вокруг, а мазки масляной краски, давно потерявшей изначальный цвет.

– Есть кто-нибудь?! – остановившись возле горки наколотых дров, спросила Саша.

Внутри дома раздался продолжительный скрип, лязгнули петли, дверь медленно отворилась, и на пороге появилась старая сгорбленная женщина в зеленой вязаной кофте и длинной бордовой юбке с замызганной бахромой по подолу. Из-под платка торчали жесткие седые волосы, лоб избороздили глубокие морщины, крючковатый нос делал выражение лица злым, и с первого взгляда было понятно, что старуха – цыганка.

– Чего надо? – недовольно спросила она, цепко изучая Сашу с головы до ног.

– Доброе утро... Извините... Можно ли у вас умыться и обогреться?

– Ты кто такая?

– Меня зовут Александра. Я ненадолго...

Это все, что она могла сказать.

На губах старухи появилась тонкая усмешка, сильно хромяя на правую ногу, она подошла к Саше и заглянула в ее глаза, точно хотела прочитать прошлое незваной гостьи. От такого взгляда по спине поползли мурашки и заволновалась душа, но, наверное, хозяйка имела право знать, кого предстоит впустить в дом. Бесцеремонно схватив Сашу за руку, цыганка поднесла ладонь девушки к носу и почти сразу оттолкнула ее. Голова старухи затряслась, сухие морщинистые щеки задергались, и стало ясно, что она беззвучно смеется.

– Заходи, – наконец разрешила старуха и без подробностей добавила: – А смеялась я не над тобой. Есть над кем смеяться.

Саша много слышала о цыганах, особенно в детстве. Их часто обвиняли в краже лошадей и детей. Хотя не получилось бы вспомнить ни про одного похищенного в округе ребенка, наверное, это был тот случай, когда деревенским нравилось верить в страшные истории. Кочевая жизнь, простота быта, непонятные традиции, загадочное гадание и предсказание судеб – все это вызывало опасения, и далеко не каждое село готово было принять табор на постой. Но Саше не приходилось выбирать, и после пережитого ночью требовалась хотя бы небольшая передышка.

– Раздевайся, – скомандовала цыганка, когда за спиной закрылась дверь.

– Что?

– Снимай с себя все, если не хочешь умереть.

В маленькой тесной комнате с низким потолком горела только одна свеча, и разглядеть лицо старухи не получилось. Саша медленно сняла накидку и замерла, не в силах задать хоть какой-нибудь вопрос.

– Я только согреться...

– Ручей может превратиться в дорогу, но за это придется расплачиваться ногам, – усмехнулась цыганка.

– Откуда вы знаете?

– Зови меня Гедой. Вижу, ты из знатных... – Она недовольно фыркнула. – Чтоб разговаривала со мной по-простому. Останешься до

утра, а потом уйдешь. Не та собака, что в спину лает, а та, что чужой гибели ждет. Снимай платье, чего стоишь?! Разотру тебя перцовой настойкой. И на вот, выпей, кровь с огнем надо перемешать, иначе не согреть твое слабое тощее тело.

Взяв из рук Геды отчего-то очень легкую, почти невесомую плоскую, Саша поднесла ее к губам и, чуть помедлив, быстро выпила горькую обжигающую жидкость. В горле запершило, в груди вспыхнул пожар, а в голове запульсировала настойчивая мысль: «Если я не умру сейчас, то проживу очень долго».

* * *

До Казанского вокзала она добралась на метро, повезло – электричку не пришлось долго ждать. Ехать в экспрессе вполне комфортно: мягкие кресла, кондиционер и можно купить кофе или чай, а еще шоколадку... Устроившись у окна, Катя несколько минут получала удовольствие от дороги, до Бронниц – час, она еще успеет вспомнить каждое слово и каждый взгляд Мелихова, а сейчас небольшая заслуженная передышка.

Допив кофе, Катя позвонила Горину и порадовала его объемом предстоящей работы: Федор дал согласие и на статью, и на интервью, и к тому же не торопит со сроками. «Выжми из него все соки, только делай это аккуратно и ласково», – порекомендовал Сергей Юрьевич и пожелал удачи. «Еще неизвестно, кто из кого выжмет», – подумала Катя.

От станции она шла чуть больше километра, привычно разглядывая знакомые с детства дачные домики. За последние три года поселок разросся, теперь строили крепкие, добротные дома, и даже встречались трехэтажные.

Около колонки Катя свернула, торопливо подошла к зеленому забору, давно требующему покраски, открыла калитку и шагнула на узкую дорожку. Калитку не было смысла запираť на замок: заросшие травой десять соток, длинный одноэтажный дом с протекающей крышей, построенный бабушкой и дедушкой более двадцати пяти лет назад, не могли заинтересовать воров. Как же хотелось оживить

участок, поселить здесь красоту и порядок, но на перестройку дома требовались приличные деньги, которых, увы, не было.

«Бабушка и дедушка, обещаю, когда-нибудь я все исправлю. И лет через тридцать я тоже буду проводить лето на нашей даче с внуками. Кстати, надо научиться печь пирожки или воздушные булочки с корицей... Как же они вкусно пахнут».

Думая то об одном, то о другом, Катя старалась отвлечься, но сердце уже билось чаще, колени пружинили, и по спине пробегал легкий холодок. Заглянув в сарай, вынув из жестянки связку ключей, она быстро зашла в дом, миновала серенькую, потрепанную временем кухню и устремилась в дальнюю комнату, где в окружении книг раньше любил отдыхать дедушка. Скрип половиц сопровождал каждый шаг, и хотелось идти быстрее, чтобы эти плачущие звуки не добавляли волнения.

Распахнув дверцы мрачного, темно-коричневого шкафа, Катя взобралась на табурет, подняла руки и коснулась того, зачем приехала.

– Ну, здравствуй, проклятие нашей семьи, – прошептала она, осторожно спустилась с табурета, подошла к окну и положила на стол, застеленный самой обыкновенной цветочной клеенкой, знаменитый русский линейный корабль четвертого ранга. – «Полтава», – произнесла Катя и задержала дыхание, пытаясь успокоить вихрь налетевших чувств. – Подлинник. Работа художника и мастера XIX века Матвея Глинникова.

Когда-то дедушка учил ее считать пушки, так и состоялось первое знакомство с математикой. Одна, две, три, четыре, пять... Пятьдесят четыре. На корме две симметричные конные фигурки Георгия Победоносца, пальмовые ветви, сирены, лавровые венки... Неторопливая, чуткая и тонкая работа, будто корабль украшен тончайшими кружевами. Паруса вот поникшие, один флаг отломан и примотан к мачте вощенной ниткой.

«Это я случайно сломала и боялась признаться дедушке несколько дней... Сколько мне тогда было? Лет десять...»

Катя обняла себя за плечи, закрыла глаза и простояла так минуты три, вспоминая далекое детство и голоса тех, кто уже никогда не будет рядом. Солёный привкус одиночества появился на губах, и Катя быстро прошлась по дому, фотографируя взглядом те предметы, которые были особенно дороги: самовар и глиняную турку, коробку с нитками и зеленую настольную лампу, древнюю печатную машинку и стопку атласов, да много чего... К столу она вернулась с палантином, связанным бабушкой. Он уже давно потерял яркость и стал похож на потрепанный ветром и морской водой парус. То, что нужно. Чуть помедлив, Катя нажала на третью верхнюю пушку, и мачты «Полтавы» сами легли на палубу. Обернув корабль палантином, прижав его к груди, точно ребенка, она вышла из дома и направилась к станции.

«Федор, я все же хотела бы переехать в отель. Возможно, сегодня. Вы правы, так будет удобнее и лучше. Катя», – написала она эсэмэс уже из электрички.

«Да, конечно. Буду ждать», – пришел ответ довольно скоро.

Глава 7

Не успев хорошенько позавтракать, приглушив голод лишь бутербродом с колбасой, Глеб отправился на Поварскую. Предчувствие перемен щекотало нос и вызывало острый приступ нетерпения, но пока приходилось таскаться за подопечной, подслушивать, подглядывать и довольствоваться этим. Нельзя пропустить ту важную точку отсчета, от которой и начнет свой путь... «Твоя великая любовь, крошка. А то, как бы я чего не напутал, практика показывает, что это может продлить и мои, и твои мучения на несколько дней или даже недель. Мы же с тобой предпочитаем короткий путь к счастью, правда?»

Катя зашла в отель «Гасман», и Глеб улыбнулся (дорога от дома до редакции и обратно порядком надоела). Он бы мог пойти следом, но все же решил пока остаться в тени, никто не знает, как будут развиваться события далее, лучше не торопиться.

Из отеля Катя вышла взволнованной, Глеб уловил дрожь в ее душе и прищурился, пытаюсь прочесть на лице как можно больше. У нее наверняка была с кем-то встреча, и этот человек ее расстроил. Нет. Екатерина Щербакова не огорчена... «Она нервничает». Глеб ускорил шаг, чтобы сократить расстояние между ними, провел пятерней по волосам, пересек проезжую часть и зашагал по противоположной стороне улицы.

Когда Катя оказалась на вокзале, а затем села в электричку, Глеб, помня Утятино, мысленно простонал: «Опять леса и поля? Давай-ка возвращайся в Москву, я не любитель удобств во дворе».

Из покосившегося дачного домика Катя вынесла небольшой продолговатый предмет, завернутый не то в шарф, не то в плед. Глеб прищурился, стараясь максимально включить воображение: «Ну и что там?» Но голод выдал только одну версию, которая изрядно развеселила: «Запеченная с яблоками утка или гусь».

Предмет Катя несла осторожно, и Глеб сделал вывод, что вещь хрупкая, не слишком тяжелая, и существовала большая вероятность того, что она имеет отношение к отелю «Гасман». Волнение ушло, на лице Кати теперь отражалась задумчивость, будто предстояло решить очень важный вопрос.

«Если ты принесешь эту штуку домой, то мне придется заглянуть к тебе в гости...»

На вокзале Глеб прихватил пару булок и бутылку минералки, но желудок продолжал требовать нормальной пищи, особенно мяса. Проследовав за Катей до ее дома, он позволил себе расслабиться и, едко напевая: «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь», вернулся к метро и устроился на летней веранде первого попавшегося кафе. Заказав «Цезарь», телятину на гриле с картошкой и овощами, Глеб вытянул ноги и огляделся, изучая рядом сидевших девушек. Ничего интересного. Душа и тело вроде бы и не требовали сейчас знакомств, но скука настойчиво просила хоть какого-нибудь мимолетного приключения, имеющего отношение к прекрасной половине человечества.

– А куда это ты собралась? – выдохнул Глеб, протягивая руку к уже второму бокалу вина. Теперь он был слишком сыт, чтобы подсакивать и продолжать унылую слезку, но, похоже, именно это ему и предстояло сделать. Метрах в пятнадцати от него по направлению к метро шла Катя, в левой руке она держала плоскую сумку с ноутбуком, вторая сумка – компактная дорожная, висела на правом плече.

«Сюда не могла поместиться та хрень, которую ты забрала на даче, значит, она осталась в квартире, – сразу отметил Глеб и подал знак официанту, прося счет. – Готов поспорить на миллион, ты едешь в отель „Тасман“... Чувствую, именно там все и закрутилось, именно там...»

Глебу катастрофически не хватало информации, чутье охотника подсказывало, что пазл уже можно начинать складывать.

«Но где взять детали?! Где детали, черт побери?!»

За упоминание рогатого и хвостатого он мгновенно получил обжигающую боль в боку, но сейчас не было времени устремлять в небо ответные пламенные взгляды. Прокряхтев что-то нечленораздельное, Глеб быстро расплатился и, хромя, вышел на

тротуар. Боль отступила, оставив после себя привычное в таких случаях раздражение.

Он не ошибся, Катя доехала до «Парка культуры» и скрылась за тяжелыми дверями отеля «Тасман». Но теперь Глеб не желал занимать выжидательную позицию, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки: «Неужели она собирается поселиться в этом отеле? А может, планирует взять у кого-то интервью?.. Если первое, то очень странно... Катя-Катерина, у тебя вроде собственная квартира в Москве имеется или ты ее снимала? Нет, не снимала, тогда бы ты не сумку несла, а три чемодана и баул как минимум».

Глеб зашел в отель, бросил короткий взгляд на Катю и устремился к стойке с прессой, изображая заинтересованность.

– Я по приглашению Федора Дмитриевича Мелихова, он звонил приблизительно час назад и сказал, что номер меня ждет.

– Вы – Екатерина Щербакова?

– Да.

– Рада приветствовать вас в отеле. Пожалуйста, поднимитесь на пятый этаж, ваш номер пятьсот двенадцатый.

Пользуясь тем, что он стоит спиной к присутствующим, Глеб нарочно округлил глаза, изображая крайнюю степень удивления, и с удовольствием отправил в потолок многозначительный взгляд. Фамилию – Мелихов – он обязательно запомнит. Если этот человек связан с работой Кати, то наверняка он известен в каких-либо кругах.

«Навести справки – плевое дело, – Глеб усмехнулся, дождался, когда стук каблуков станет тише, развернулся и, лучезарно улыбаясь, подплыл к высокой блондинке. – Дорогуша, на мне свежая клетчатая рубашка, я почти похож на тех белых воротничков, которые обтяпывают бизнес-делишки в этом отеле. Не похож? Ничего страшного, разберемся по ходу пьесы».

– Добрый вечер, – улыбнулась блондинка. – Что бы вы хотели?

– Один из лучших номеров. И, пожалуйста, подскажите, где поблизости можно купить ноутбук? Я, знаете ли, люблю почитать новости перед сном и желательно с большой чашкой обжигающего кофе.

* * *

В подобных номерах Кате не приходилось останавливаться, комфорт и красота, как оказалось, имеют свой цвет – сливочно-медовый. Цвет густой, убаюкивающий, располагающий к отдыху, а не к работе. Без сомнения, Мелихов внимателен к личным гостям, и наверняка сам решает, какой номер им предложить.

«Наверное, я у него ассоциируюсь или с пчелой, или с ребенком-сладкоежкой».

Катя засмеялась, прогоняя некоторую неловкость. Ее поселили в шикарном номере, и, с одной стороны, это было приятно, а с другой, вызывало определенную скованность. Не принцесса же она все-таки, зачем?

«Обязательно поблагодарю... А ведь он знал, что я удивлюсь».

Улыбаясь, Катя прошла к окну, коснулась полупрозрачных гардин, оформленных по краям плиссированными фонариками, подошла к кровати и автоматически погладила ее как огромного атласного зверя – доброго и домашнего, затем скинула туфли, раскинула руки и упала на покрывало цвета топленого молока. Прележав немного без движения, она перевернулась на спину и коротко вздохнула. Пора перестать бегать от настойчивых вопросов и хорошенько подумать о «Полтаве»... Корабль бросил якорь в ее квартире, а в душе объявлено штормовое предупреждение.

Знает ли Федор Мелихов, кого он пригласил для интервью? Или происходящее – простое совпадение? *«Подлинник я ищу многие годы, но пока тщетно, я даже не знаю, сохранился ли он до наших дней или время и люди оказались к нему беспощадны. Увы, последнее упоминание о „Полтаве“ было очень давно, но, как говорится, надежда умирает последней...»*

– Что-то мне подсказывает, Федор, что ваша надежда не умрет никогда... – тихо произнесла Катя, встала с кровати, вновь подошла к окну и, глядя на мимо проносящиеся машины, усмехнулась.

Последнее серьезное упоминание о «Полтаве» было еще при жизни мастера – Матвея Глинникова, какова вероятность того, что

Мелихов мог проложить путь из далекого прошлого к ней – журналистке Екатерине Щербаковой?

– Это невозможно... Он ничего не знает...

Но колкая заноза в душе предлагала отбросить эмоции и подумать еще, какой-то важный момент ускользал, и Катя это чувствовала. Мелихов никак не походил на человека, жизнью которого управляют случайности, и этот факт заставил закрыть глаза и прислушаться к себе.

Неожиданное приглашение на аукцион...

И места оказались рядом...

А потом таинственный коллекционер невероятным образом выбирает ее...

«Он знал. Тысячу раз знал! И это он прислал приглашение!»

Теперь уж точно Катя не могла стоять на месте, эмоции нахлынули, и они были настолько яркими и разноцветными, что не получилось бы сказать, что конкретно она чувствует. Быстро дойдя до двери и так же быстро вернувшись обратно, она скрестила руки на груди и сосредоточилась.

Статья, интервью – отличные поводы заманить ее в отель... «Вот и попалась мошка в сеть паука...» Но для чего? Если Мелихову известно, что корабль у нее, почему просто не предложить сделку?

– А если он подозревает, но не уверен?..

Сейчас Катя бы с удовольствием заглянула в глаза Федора и попыталась увидеть в них правду, но это ей предстоит только завтра. Странные ощущения: совершенно посторонний человек проложил маршрут ее судьбы, а она пошла по нему, четко совершая то, что требовалось. Да, на аукцион она попала не просто так...

Какое Мелихов имел право?

Никакого.

Что делать? Громко хлопнуть дверью и уйти?

Во-первых, это совершенно не в ее характере, во-вторых, она приехала в отель, чтобы разобраться в задачке по имени «Федор Дмитриевич Мелихов», в-третьих, нельзя отказываться от статьи и

интервью, в-четвертых, линейный корабль «Полтава» имеет свою историю, и пока не понятно, где его истинное место...

«Нет, немножко не так. Не пора ли выполнить волю мастера Матвея Глинникова?»

Взяв сумку, Катя принялась неторопливо вынимать и складывать на полку шкафа те вещи, которые прихватила с собой. Приключение начинается, и пусть оно немного не такое, как представлялось, но тем интереснее.

Несмотря на то что корабль никак не влиял на жизнь семьи Кати, его всегда называли проклятием рода. Он передавался из поколения в поколение и был вечным укором для деда, прадеда и прапрадеда, потому что каждый из них так или иначе посвятил себя юриспруденции. Давным-давно предок Щербаковых, нотариус Сергей Кузьмич, не выполнил все пункты распоряжения Матвея Глинникова, чем пошатнул основной закон своей профессии и понятие – дело чести. Умирая, он передал корабль с распоряжением сыну и велел исправить собственную ошибку, но история повторилась, да не один раз. И это был единственный случай более чем за сто пятьдесят лет, когда представители семьи Щербаковых изменили своим профессиональным принципам.

Катя помнила, как бабушка осторожно убирала с «Полтавы» пыль, приговаривая: «Проклятие ты наше родное, но что уж с тобой поделаться, живи». После смерти дедушки было решено отвезти корабль на дачу.

Катя не пошла по стопам предков, выбрав журналистику, и выполнять распоряжение мастера не планировала, да и не знала она толком, где лежит эта наверняка пожелтевшая от времени бумага. Скорее всего, хранится в одной из папок деда. Текст Катя никогда не читала, только знала, что Матвей Глинников оставил корабль какому-то конкретному человеку, и главное, если эта персона не придет до определенной даты, то нотариус Сергей Кузьмич должен был его... разбить, уничтожить. Но рука не поднялась. Ни у него, ни у следующих Щербаковых.

Раздался стук в дверь, и мысли, перемешанные с воспоминаниями, прервались. Быстро отправив сумку на нижнюю

полку шкафа, Катя подошла к двери и распахнула ее.

– Добрый вечер. Очень рад вас видеть у нас в гостях. – Андрей улыбался, в его глазах сияла добрая ирония, и от этого мгновенно стало легко и даже весело.

– Добрый вечер.

– Вы позволите?

– Конечно, заходите. – Катя улыбнулась в ответ и пропустила Андрея в номер. – Я, честно говоря, надеялась на нашу встречу, думаю, у меня получится выпытать у вас много интересного.

Совершенно не нужно было объяснять, что она делает в отеле, безусловно, Андрей знал и о статье, и об интервью. И Кате действительно требовался взгляд на Мелихова со стороны: ощущения важны, когда хочешь донести до читателей не только сухую суть, но и атмосферу, окружающую того или иного человека. Катя вовсе не надеялась, что Андрей будет с ней откровенным или расскажет чуть больше, чем положено в подобном случае, но она желала подметить черточки и детали, из которых как раз часто и вырисовывается образ.

– Я полностью в вашем распоряжении и готов отвечать на любые вопросы, – вновь улыбнулся Андрей и протянул толстый гляцевый журнал: – Возьмите, это последний перечень коллекций Федора. Фотографий маловато, но зато есть хорошие развернутые описания, думаю, могут пригодиться в вашей нелегкой работе.

– Спасибо. Почему вы считаете ее нелегкой? – специально спросила Катя, желая продолжить тему.

– Потому что общение с Федором может быть... м-м... трудным. Отправляя меня к вам, он пожелал терпения нам всем. – Андрей засмеялся. – Катя, давайте выпьем кофе. Согласны?

– Да, отлично.

– Тогда предлагаю встретиться через полчаса внизу в ресторане. А если вы голодны, то мы можем и поужинать. Вы даже не представляете, какую вкусную стерлядь с соусом из печеных овощей готовит наш легендарный шеф.

– Я еще не ужинала и с радостью приму ваше приглашение.

– Вот и договорились.

Получасовой перерыв был очень нужен, Кате требовалась передышка после встречи с Андреем. Вопросов стало еще больше, и

новые тоже нуждались в ответах. Было бы лучше, если бы загадки со временем уменьшались, но пока они увеличивались и не давали покоя.

Участвовал ли Андрей в спектакле с аукционом или Мелихов взял его просто для сопровождения?

Известно ли ему про «Полтаву»?..

«Сейчас вряд ли я узнаю это, да и многое другое тоже. Наверное, самое правильное – плыть по течению и, сидя в лодке, внимательно наблюдать за берегом. Пейзаж обычно меняется...»

С появлением Андрея стало свободнее, и глупо было отрицать это, пожалуй, она даже ждала встречи. Как ждут дождя в продолжительную жаркую погоду. Катя улыбнулась и подошла к зеркалу, кажется, ей предстоит дуэль с известным коллекционером Федором Мелиховым. Кто первый из них сдастся и заговорит о «Полтаве»?

– Я не могу поверить в случайность и совпадение, Федор Дмитриевич.

* * *

После насыщенного дня Андрей заказал в номер стакан свежавыжатого апельсинового сока, с удовольствием принял прохладный душ, надел голубую рубашку и натянул джинсы. Ему принадлежала трехкомнатная квартира на «Рижской», но он давно привык жить на два дома. Отель имел слишком много преимуществ и удобств, и глупо было от них отказываться. Взять хотя бы время, потраченное на дорогу, Мелихов в основном трудился и назначал встречи в «Гасмане».

С Федором Андрея свела судьба около четырех лет назад, вернее, должность ему досталась по наследству. Отец после затяжного гриппа сильно сдал, высокое давление не мучило теперь только за городом, и встал вопрос о замене правой руки Мелихова. Федор не любил чужаков возле себя и сам предложил Андрею объем работы отца. Это устроило всех.

Если ты собираешься поужинать с прекрасной девушкой, то опаздывать категорически нельзя, а еще лучше – прийти минут на десять раньше. Андрей хотел увидеть, как Катя зайдет в ресторан, отыщет его взглядом, улыбнется, быть может, махнет рукой... За ней очень интересно наблюдать, если о каком-либо человеке можно сказать, что он уютный, то это именно тот случай.

Андрей спустился на лифте на первый этаж, свернул направо, открыл стеклянную дверь и сразу отметил, что его любимый столик возле окна свободен.

– Андрей Александрович, добрый вечер, – встретил менеджер. – Ужинать будете?

– Да, но позже, у меня встреча. Воды принесите, пожалуйста.

Он бы мог сделать предварительный заказ, но хотелось учесть все пожелания Кати, пока неизвестно, что она любит больше – рыбу или мясо, и часто девушки ужинают только салатом.

Пожалуй, сегодняшней вечер можно считать замечательным, решил Андрей. Через пару минут его завалят вопросами, но отвечать будет не сложно. Даже хорошо, что более близкое знакомство не испортят затяжные паузы и надуманные фразы, есть о чем поговорить. Федор просил обрисовать общую картину, и темы для обсуждения найдутся.

Катя пришла без опоздания, коротко улыбнулась и приблизилась, щедро даря тот самый свет, в лучах которого всегда приятно находиться, особенно если устал.

– Жаль, вы не стали врачом, – искренне сказал Андрей, приподнимаясь.

– Почему? – Катя вопросительно наклонила голову набок.

– Вам очень подходит эта профессия, уверен, вы бы спасали людей даже взглядом.

Она засмеялась и взяла папку меню.

– Глаза разбегаются...

– Доверьтесь мне, и я порекомендую самое лучшее.

– Хорошо, согласна.

– Мясо, рыба, морепродукты?

– Вы говорили о стерляди, наверное, я уже настроилась на нее.

– Отлично.

Катя ела не спеша, получая удовольствие от рыбы и соуса, Андрей сразу решил уговорить ее еще и на десерт. Но сначала все же им обоим нужен неторопливый бокал вина и отдых от шумного дня.

– Расскажите, пожалуйста, об отеле, – попросила Катя. – Я пока не обследовала его, но он уже напоминает огромный корабль, уверенно плывущий по волнам.

– Федор мечтал об этом проекте несколько лет. Раньше ему, впрочем, как и многим, приходилось тратить приличное количество времени на передвижения по городу и за его пределами. Здесь подходящий по размерам конференц-зал, там удовлетворяющий требованиям бассейн, а на другом конце Москвы – место для банкета, и так далее и тому подобное. Федор захотел собрать все в одной точке и построить отель, который прежде всего подходил бы для весомых представителей бизнеса. Как видите, он воплотил идею в жизнь. Основные гости «Тасмана» – деловые люди. Они заранее бронируют то, что им нужно, назначают встречи, устраивают совещания и заодно неплохо проводят время.

– И вы тоже живете здесь?

– Не постоянно, но часто остаюсь на ночь.

– Я могу спросить, какой у вас номер? Ну-у... вдруг мне понадобится занять соль или сахар, – весело сказала Катя и пожала плечами, мол, случиться в нашей жизни может абсолютно все.

– Конечно, обязательно обращайтесь по всем вопросам, – широко улыбнулся Андрей, чувствуя, что его ожидания оправдались: вечер приносит уютное удовольствие. – Я живу в 305-м. Предлагаю обменяться номерами телефонов, вдруг понадобится позвонить.

– Да, обязательно.

Катя задавала простые тактичные вопросы про Мелихова, и Андрей отвечал быстро и охотно. Конечно, журналисту требуется гораздо больше информации, чем часто предлагают обстоятельства, и к этому надо относиться с пониманием. То, что Федор решил довериться Кате, – правильный шаг, она чуткий и внимательный журналист, разочарования не будет.

– Давайте закажем десерт, как вы относитесь к мильфею?

– Честно говоря, я его обожаю.

– Наши вкусы совпадают. – Андрей сделал глоток вина и добавил: – А я, Катя, должен передать вам приглашение на ужин,

который состоится завтра в банкетном зале. Раз в год Федор устраивает в отеле презентацию, посвященную новинкам коллекций – довольно нудное мероприятие, интересное лишь знатокам. Впрочем, их немало. Зато потом приглашенные собираются за круглыми столиками и начинается вкусная и непринужденная часть вечера. Мы можем рассчитывать на ваше присутствие?

– Буду рада, – легко ответила Катя. – А как получить билет и на нудную часть? Вы не могли бы его раздобыть для меня?

Засмеявшись, Андрей кивнул, значит, привычная пятичасовая лекция на этот раз окажется приятной.

Глава 8

Благодаря минимальному количеству вещей, переезд получился бодрым и необременительным. Глеб швырнул сумку в угол роскошного номера, положил коробку с ноутбуком на комод, огляделся и иронично произнес:

– Надеюсь, бар меня тоже не разочарует.

Плеснув в бокал виски, он отправил в рот шоколадную конфету – подарок отеля, порадовался вишневой начинке, прислушался к внутреннему навигатору (Катя-Катерина явно в номере) и достал ноутбук.

– Тэкс... отель «Тасман»... И кому принадлежит это сокровище? – На экране сразу появилась фотография Федора Дмитриевича Мелихова, и Глеб удивленно присвистнул: – А ведь я тебя уже видел рядом со своей крошкой...

Информации в Интернете было не так уж и много, но вполне достаточно, чтобы сделать определенные выводы и понадеяться на положительный результат. Мелихов богат, не женат, да к тому же не зануда, раз собирает всякие безделушки по свету и выставляет их на всеобщее обозрение.

«Коллекционер... Молодец. Похоже, мне повезло, причем сразу. Но что тебе нужно от Екатерины Щербаковой и почему она здесь?»

Глеб допил виски, съел еще конфету, поморщился и вновь настроился на волну Кати.

– Эй, ты куда?.. Я с тобой!

Она передвигалась, и атмосфера ее души была ветреной, как весенний день. Глеб мгновенно потерял интерес к ноутбуку, быстро стянул футболку, впитавшую сигаретный дым и пот, вынул из сумки другую, надел и покинул номер.

«Крошка, да мы ужинать идем, как же мне с тобой повезло, ты б только знала!»

Катя зашла в ресторан отеля и устремилась к большому окну, обрамленному, точно зеркало, серебряной узорчатой рамой. Глеб, оценивая обстановку, двинулся следом, его внимание привлекли роскошные оливковые деревья в плетеных кадках, и пока было не понятно, настоящие они или искусственные. Мимо проследовал официант, неся на подносе лаконичное блюдо из трех кусочков мяса и спаржи, и в животе заурчало.

«Высокая кухня? Надеюсь, меня не заставят есть пинцетом. Люди добрые, дайте рульку с тушеной капустой!»

Катю ждали, и, когда Глеб увидел, кто именно, он остановился и присвистнул второй раз: этого красавчика он тоже видел на аукционе. Но почему обязательно должно быть два кандидата? Почему?!

«Какого... – волна гнева медленно поднималась, но Глеб ее вовремя остановил, иронично добавив: – Спасибо, что не три, заботливые вы мои».

Устроившись через столик, он внимательно слушал весь разговор, и вопросов почти не осталось. Кроме одного, пожалуй. Что привезла с дачи Екатерина Щербакова к себе домой?

«Не будем откладывать в долгий ящик решение задачи. Катя-Катерина, я еду к тебе в гости, хлебом-солью встречать не обязательно, мы люди простые. Крошка, веди себя активно и плохо, это мужчинам нравится, и побыстрее определяйся, кого сделать счастливым. Давай выбирай, не я ж потом детей от него рожать буду».

Глядя, как Катя ест десерт, а Андрей внимательно наблюдает за ее осторожными движениями, Глеб пришел к выводу, что в «городских джунглях» ему не обойтись без прослушивающих устройств. Нужны «жучки», и распахать их придется в нескольких точках, а еще лучше один прицепить на Катю. Но как это сделать? Если бы она, например, приняла в подарок браслет и постоянно бы носила его...

Да от кого ж она его примет?

И не факт, что он ей понравится.

«Ладно, пока поставлю „жучок“ в лифте, который находится ближе к номеру Кати, еще в самом номере... В ванной лучше видеокамеру... Шучу, шучу, – засмеялся Глеб, не желая отвлекаться на продолжение темы. – Не волнуйтесь, Екатерина Щербакова не в моем вкусе. Так, где еще?.. В номере Мелихова. Мечтать не вредно... Вообще, надо бы пробраться к коллекционеру, когда, конечно, его не будет в отеле. Как он там поживает, какие секреты прячет? – Глеб посмотрел на Андрея. – И в номере этого красавчика тоже „жучок“ не помешает. Подумаю, еще где...»

С покупкой прослушивающих устройств проблем возникнуть не могло, Глеб неплохо разобрался в этом вопросе и знал, где можно раздобыть подходящие варианты. «Говорите громче, мои дорогие, я внимательно слушаю». Теперь еще придется раздобыть костюм, белую рубашку и ботинки, завтра он непременно будет на вечере Мелихова. Похоже, приглашение для входа не требуется, в отеле проживают люди солидные и на чужой праздник жизни любопытство их не отправит.

«Но я-то другое дело».

Усмехнувшись, Глеб проводил взглядом Катю и Андрея, расплатился и поехал на Поварскую улицу. Если повезет, то задача решится скоро.

Около лифта он притормозил, давая себе еще одну попытку угадать, что предстоит увидеть. Азарт подстегивал, но толковые идеи в голову не приходили. Вещь продолговатая, не слишком тяжелая и... И ничего более.

«Ящик? Музыкальный инструмент? Ерунда
какая-то...»

Остановившись рядом с квартирой, Глеб прислушался, встреча с соседями – это сейчас совершенно лишнее.

Чтобы узнать правду, ему вовсе не нужно взламывать замок и физически проникать в коридоры и комнаты, надо лишь прислониться к стене или двери, сосредоточиться и сделать то, о чем обычный человек может лишь мечтать. Да, придется расстаться с частью особой силы, но неодушевленные предметы ее много не заберут.

Глебу не всегда везло в таких случаях, иногда наслоение времени и событий было слишком тяжелым, и добраться до сути не получалось. Тихо ступая, он сделал последние шаги, коснулся лбом двери и, сдерживая смех, спросил:

– А хотите я помолюсь об успехе, многоуважаемая Небесная канцелярия, а?

Традиционно не получив ответа, насладившись собственной шуткой, он закрыл глаза и отбросил все шумы и лишние мысли в сторону. Темнота просветлела, но лишь на миг, краски вновь сгустились, и пришлось делать вторую попытку.

Сначала Глеб услышал удары своего сердца, затем их сменило мерное тиканье часов, затем туман рассеялся и появилась расплывчатая картинка коридора. Нахмурившись, боясь потерять нить проникновения, Глеб мысленно двинулся дальше.

Просторная кухня... одна комната... вторая... паркетные полы, окно, шторы, кресло... Свет вспыхнул, погас, чернота вновь залила пространство, но секунды хватило, чтобы увидеть на столе то, что не могло не привлечь внимания, – старинный корабль с мачтами, пушками и гордым названием «Полтава».

* * *

Давным-давно...

У Саши был только один выход: добраться до Петербурга, где жила ее тетя – княгиня Мария Николаевна Чернышева. За всю жизнь они виделись четыре раза, а последняя встреча произошла лет пять назад. Тетя давно похоронила мужа, а с детьми у нее не сложилось, и, возможно, именно поэтому она была сдержанна и строга. Саша помнила, как Мария Николаевна сухим тоном делала ей замечания, всегда добавляя: «Не забывай, ты Образцова, а это обязывает».

– И она тебя примет? Нужна ли ты ей? – заворачивая в тряпицу хлеб, спросила Гада.

– Не знаю. Тетя любила моего отца... своего брата. Так мама говорила.

– Если бы она тебя хотела спасти от отчима, то давно бы сделала это.

– Мария Николаевна не догадывается, какой Яков Петрович человек.

– Ты не сказала мне, отчего он на тебя набросился?

– Подобное случалось и ранее...

Саша опустила глаза и сцепила пальцы перед собой. Ей не хотелось возвращаться в тот час, когда ее доверие было растоптано, когда правда оказалась жестокой и горькой. Слова застряли в груди, а имя Павла полыхнуло огнем. Сейчас, когда физическая боль пошла на спад, боль душевная начала набирать силы.

– В мире нет порядка, нет определенности, но тем не менее все и всегда получается правильно. – Геда бросила на горячую сковородку топленое сало, оно зашипело, зашкворчало, и по комнатушке понесся ароматный и тяжелый запах свинины. – И твой листок ветер донесет куда следует. А что плохо тебе, так то хорошо. И чем хуже, тем оно лучше.

– Почему? – спросила Саша, чувствуя, что Геде и без ее объяснений понятно многое.

– Ветер на спад пойдет.

Неужели наступит момент, когда плохое растворится, уйдет страх и на душе станет тепло и уютно? Примет ли Мария Николаевна Чернышева свою племянницу-беглянку? Да и как попасть ей на глаза в мешковатой старой одежде, подаренной цыганкой? Сейчас и широкая юбка, подвязанная веревкой, и большая мужская рубаша, и тонкая черная собачья шубейка казались самыми лучшими вещами на свете: они согревали. Но пустят ли в таком виде на порог приличного дома в Петербурге?

– Ты все видишь и знаешь, – тихо произнесла Саша. – Отчего так?

– Не все.

– Но многое.

Геда неторопливо вылила на глубокую сковороду жидкое тесто, посыпала его сушеной зеленью, отправила в печь и только потом ответила:

– Ты пришла и уйдешь, печаль свою здесь оставишь, жизнь свою нарисуешь. Вот так. – Геда взяла клюку и начертила в воздухе чудные

линии и знаки. – А я ходить буду, дышать... Все во мне осядет, придет другой человек и тоже рисовать станет.

– Я не понимаю тебя.

– Это хорошо, это правильно, – сказала Геда и засеменила к двери.

– Подожди! – Саша подскочила со скамьи и устремилась к цыганке. – Погадай мне, пожалуйста. Мне бы хоть что-нибудь узнать о будущем... Пусть самый маленький кусочек, капельку.

Она и сама не знала, о чем конкретно хочет спросить, да и страшилась плохого предсказания. Но, с другой стороны, терять нечего, а надежда услышать утешающие слова сливалась с каждым ударом сердца. Вот только бы не прозвучало ужасное пророчество...

Развернувшись, сдвинув брови, Геда бросила быстрый взгляд на ладонь Саши и грубо ответила:

– Не буду тебе гадать. Твоя рука – лишь половина руки.

– Я опять не понимаю...

– Нечего тут понимать. Не свободна ты. Как останешься одна, сядь, закрой глаза и слушай. Да руку, руку к сердцу прижми! Все и узнаешь.

– Геда, ты наверняка многим гадала, а мне не хочешь... Я же решилась, скажи правду.

Старая цыганка еще раз взяла руку Саши и долго смотрела на паутину тоненьких линий, убегающих влево и вправо. По ее лицу проносились тени, губы то сжимались, то разжимались, седая прядь подрагивала в такт тяжелому дыханию.

– Твоя рука – лишь половина руки, – повторила цыганка и с раздражением добавила: – Не приставай ко мне больше с этим. А одежду твою я сожгу, ни к чему ей здесь оставаться.

Понимая, что отчим обязательно начнет поиски, Саша кивнула. Оказалось, она ушла довольно далеко от дома, и не прямо, ровно через лес, а взяла левее. Это еще больше отдалило ее от станции.

Геда была уверена, что Яков Петрович не начнет поиски раньше завтрашнего утра. «На смерть требуется время, он даст его тебе», – произнесла она, разрезая ароматную лепешку на четыре части.

Саша уже многое знала о цыганке. Геда рассказала, что довольно давно покинула табор и жила в деревне по ту сторону реки, а потом поселилась здесь. Лет двадцать пять назад ее преследовали странные

сны: неведомый голос шептал, что ее долг врачевать тела и души. И пока Геда не выбрала этот путь, ей не было покоя.

– А тогда почему ты ушла из деревни?

– Устала. У меня начали отниматься руки и ноги, начали слепнуть глаза. Я слишком много отдавала и слишком мало брала, но потом небо сжалилось надо мной и отпустило на все четыре стороны.

– А как оно отпустило?

– Другая пришла на мое место, молодая и сильная. Теперь она разламывает хлеб для больных, а я сижу здесь и пугаю странников. – Геда засмеялась почти беззвучным старческим смехом. – Но я никогда не была совсем одна, женщины из деревни приносят мне овощи, мясо, крупу, я сыта, и тут не на что жаловаться. Мои сыновья живут в таборе за Черной горой...

– Где? – не поняла Саша.

– Так цыгане называют холм за тремя полями отсюда. Несколько лет назад из-за жары на нем сгорели и трава, и деревья, вот он и стоит чернее ночи. Янко, мой старший сын, должен приехать завтра, он и отвезет тебя отсюда прочь.

Саша долго не могла заснуть и проворочалась почти полночи. Время, проведенное в дряхлой лачуге Геды, пожалуй, самое хорошее, что случилось с ней за последние годы. Тот, кто привык жить в неторопливом спокойствии, рядом с близкими людьми, накормленный и согретый, ее не поймет.

«Дороги не всегда ведут к хорошим людям, – думала Саша, глядя в потолок. – У меня нет денег даже на билет, а значит, мне нечего делать на станции... И можно ли надеяться на доброту и понимание Марии Николаевны? Петербург, как же ты далеко...»

Саша пыталась подобрать слова для разговора с княгиней. Придется объяснять, что произошло и почему нет и никогда не будет возможности вернуться в дом отчима. Должна ли она признать себя наивной? Конечно, да.

«Но я не собиралась поступать дурно... Я готова поклясться в этом!»

Саша гнала мысли о Павле Андреевиче Воронцове, но они приходили, пробирались в сердце и превращались в острые иглы

сосен, мимо которых вчера пришлось бежать, спасая жизнь. Этот человек лишил ее дома только потому, что увидел перед собой маленькую игрушку. И лучше не вспоминать поцелуй, иначе тело охватит болезненная судорога.

«Как же он живет? О чем думает? Известно ли ему страдание души человеческой? Нет, нет и нет... Он был бы иным, наверняка иным».

Приходилось сдерживаться, чтобы не произнести страшных слов, обещающих Павлу обязательные мучения. Саша торопливо и искренне молилась, боясь совершить грех проклятия: никому нельзя желать зла, даже тому, кто практически стер тебя с лица земли.

«Господи, забери у меня память о том, что совершил этот человек. Пусть я забуду яблоневый сад...»

Но прошлое не собиралось уходить, мягко ступая по протертому ковру, оно было свежо и еще хранило дурной запах слизких луж, холод снега, лед ручья и отдаленный лай собак.

Утром Геда собрала Сашу в дорогу, недовольство не сходило с лица старой цыганки. Она ворчала, гремела посудой, доставала из сундука то один шерстяной платок, то другой, прислушивалась к дороге и качала головой.

– Если бы ты не была такой тощей и маленькой, я бы дала тебе в два раза больше еды, но мешок моего сына тебе не дотащить. Почему Янко не едет? Лучше бы тебе уже убраться отсюда. Лошадь у него хорошая, сильная, двоих довезет. Доберешься до города, напиши мне пару слов, мол, жива и здорова.

– А как я напишу... То есть как письмо доберется до тебя?

– Знамо как. Почтой цыганской. Встретишь цыгана на улице и отдай. Скажи для Геды, которая живет одна на развилке двух дорог. Письмо и придет.

– И все? – изумилась Саша.

– Да.

– Я тогда еще скажу, что твой дом между двумя именами. Слева – Семеновское, справа – Михалево.

– Вернее цыганской почты ничего нет, не сомневайся.

Янко приехал ближе к полудню. Он оказался крепким бородатым мужчиной лет сорока пяти. Его красивая гнедая лошадь действительно производила впечатление мощной и выносливой, Саша с трудом могла представить, как взбирается на нее. Геда отвела сына в сторону и долго с ним разговаривала, изредка сверкая глазами в сторону леса. Ветерок трепал ее непокрытые волосы, и создавалось впечатление, что это не пряди, а крылья совы или филина – серые, с редкими коричнево-черными рябыми пятнами.

– Пожалуйста, дай мне что-нибудь на память о тебе. Простую безделицу или платок, – попросила Саша, когда Геда положила дорожный мешок на край стола.

Старая цыганка подошла к сундуку, открыла тяжелую крышку, достала небольшой красный платок и выпрямилась, морщась от боли в пояснице.

– Не хочу, чтобы он пригодился тебе для слез, – сказала она, взяла нож, ловко надрезала край, а затем разорвала на две части. Одну сунула в карман вязаной кофты, а другую протянула Саше. – Сохрани тебя Господь. Янко, пора!

Лошадь стойко приняла двух седоков, и сын Геда благодарно похлопал ее по шее. Еще немного, и позади останется лес с ручьем, яблоневый сад, Яков Петрович Стрыгин, а впереди будет... К сожалению или к счастью, Саша не знала, какая судьба ей уготована.

– И помни, – напоследок сказала Геда, – на людей нельзя смотреть как на медный поднос: тот блестит, а этот нет... Ты тряпку-то возьми и отмой. Отмой землю и ржавчину соскобли, не жалей ноготков. Правда никогда сверху не лежит и даром не достается.

– Хорошо, я обязательно запомню, – пообещала Саша и закусила губу, сдерживая слезы прощания.

Глава 9

К завтраку Катя подготовила в основном нейтральные вопросы, задавать каверзные пока не пришло время. Мысленно она то отдаляла, то приближала встречу с Мелиховым и непрерывно представляла, как заглядывает ему в глаза и находит в них подтверждение своим предположениям.

«Или это уже не предположения, а уверенность?»

Какие чувства сейчас испытывает Мелихов? Он дал возможность сделать вдох, выдох и теперь ожидает результата: захочется ли журналистке Екатерине Щербаковой отдать корабль немедленно или ей потребуются дни на раздумья? Хотя не отдать, а продать. Безусловно, Федор предложит хорошую цену, от которой обычно не отказываются.

Деньги... Для Кати всегда было важным восстановить дачный дом бабушки и дедушки. Хотелось целиком и полностью привести участок в порядок, в знак благодарности за доброту, щедро подаренную самыми близкими людьми. Это место слишком дорого сердцу, оно хранит много теплых воспоминаний... Да, вот только на участок деньги и нужны, а на остальное вполне получается заработать своими силами.

В отель Катя взяла не слишком много вещей и теперь пожалела об этом: в стенах «Тасмана» хотелось выглядеть хорошо и уверенно. Одежда для презентации, платье для ужина... Кто знает, что будет завтра, какие еще мероприятия организует Федор Мелихов? Но ехать домой и паковать сумку желания не было, да и душа требовала обновок. Почему бы не пройтись по магазинам, не побаловать себя покупками, не помечтать и не расслабиться?

«Прогуляюсь после завтрака».

Поднявшись на последний этаж в сопровождении девушки-администратора, Катя зашла на территорию Мелихова и сразу

направилась в столовую. Ее встретил стол, застеленный бежевой скатертью, круассаны в плетеной корзинке, вазочки с медом и вареньем, белый пузатый чайник, большие и по виду тяжелые белоснежные тарелки. Через пару секунд за спиной раздался еле слышный шорох, и Катя, мысленно посчитав: «Раз, два, три...», развернулась и встретила именно тот взгляд, о котором думала еще со вчерашнего дня. Карие глаза Федора Мелихова перечеркивали возможность какой бы то ни было случайности, они обжигали и одновременно обдавали холодом.

– Доброе утро, Катя. Надеюсь, вы голодны. Сейчас принесут омлет, и у нас будет отменный завтрак.

– Доброе утро, – ответила она, подходя к столу. – Омлет я люблю, особенно с сыром.

– Значит, будет с сыром.

Эту минуту Кате хотелось бы сохранить в памяти. Она не помнила, когда еще сердце билось так сильно, и мысли, наталкиваясь друг на друга, неслись дальше, не давая возможности ухватить их. Внешнее спокойствие давалось нелегко, в воздухе звенела всего одна фраза: «Я знаю, что вы знаете...», но при этом душа горела от тайны и ожидания продолжения.

В уголках глаз у Мелихова собрались морщины, он щурился. Но сжатые губы не показывали нетерпения и недовольства – на них застыла полуулыбка.

– Присаживайтесь и начинайте мучить меня вопросами, – сказал он, отодвигая стул для Кати. – Я налью вам чаю.

– Вы не против, я включу диктофон?

– Против, – теперь Мелихов улыбнулся явно. – Но я догадывался, что меня ждет, когда приглашал журналиста. Будьте добры, включайте, постараюсь поменьше говорить глупостей. – Он усмехнулся. – Вчера, обещая вам целый день для интервью, я лукавил. Андрей наверняка вам уже рассказал, что сегодня у нас достаточно много дел. В три, после обеда, начнется презентация, ближе к девяти – ужин. Хорошо, если управимся к утру.

– Для меня это большой плюс, я смогу понаблюдать за вашей работой и жизнью.

– С завтрашнего дня начнутся конференции, расписание вам обязательно принесут. – Мелихов поставил сахарницу ближе к Кате. –

Лучше отдохните сегодня за ужином, иногда нужно время, чтобы остановиться, расслабиться, подумать о чем-нибудь прекрасном.

«Например, о „Полтаве“. Разве корабль Матвея Глинникова не красив?» – прочитала Катя на лице Мелихова, и их взгляды вновь встретились.

«Корабль? Вы о чем?»

«Он же у вас дома, не так ли?»

Принесли омлет с овощами и сыром, и это развеяло напряжение, но Катя не могла отделаться от мысли, что Мелихов пытается просканировать ее мысли и найти ответы на свои вопросы. Он не просто смотрел, он выжидал, отсчитывал минуты и... получал удовольствие от происходящего. На миг Катя почувствовала себя экспонатом одной из коллекции, и рядом на черном бархате лежит поясняющая карточка: *«Екатерина Алексеевна Щербакова, двадцать девять лет. Она надеялась победить».*

– Как давно вы начали коллекционировать? Вы помните ту первую вещь, которая поразила вас?

– Да, и это была обыкновенная солонка моей прабабки. Поверьте, ничего особенного. Но я смотрел на нее часами и пытался угадать, сколько соли в ней побывало и какие еще люди ею пользовались. Они завтракали, обедали или ужинали, брали щепотку соли и говорили о чем-то своем... Мне казалось, еще немного, и я услышу голоса и даже смогу ответить. Как видите, коллекционирование – это серьезное психическое заболевание, и против него нет прививки. – Федор улыбнулся. – Первая коллекция у меня появилась около пятнадцати лет назад, когда я начал неплохо зарабатывать.

– Вы считаете себя счастливым человеком? – спросила Катя и сделала глоток чая. Это сложный вопрос, и ей приходилось задавать его многим. Кто-то избегал ответа, уводя разговор в другое русло, кто-то спрашивал: «А вы?» – и начинал наигранно смеяться, кто-то пускался в рассуждения об оптимизме, а кто-то сразу жаловался на жизнь.

– В данную минуту – да, – спокойно ответил Федор и, посмотрев на Катю, со значением добавил: – Потому что знаю, чего хочу.

Русский линейный корабль четвертого ранга «Полтава» подставил паруса сильному свежему ветру, и они нетерпеливо надулись, мечтая о новых путешествиях и сражениях. Флаги затрепетали, впитывая соленый воздух, тяжелые пушки поймали беспокойные блики солнца, щит с изображением двуглавого орла блеснул, и волны Балтийского моря вспенились... Катя моргнула, и картинка исчезла, оставив после себя подрагивающее волнение в груди. Мелихов неотрывно смотрел на гостью, и следующий вопрос прозвучал неожиданно, его не было в блокноте.

– Бывали случаи, когда вы не получали желаемого?

– Не получал сразу? Бывали. Но я всегда знал, что корабль удачи приплывет ко мне позже. Обязательно.

«Корабль удачи...» – мысленно повторила Катя, выделяя первое слово.

– Вы говорили, что вас интересуют истории, связанные с теми или иными артефактами. Как вы получаете эту информацию? На изучение правды и вымысла обычно тратится огромное количество времени. На вас работает команда?

– И «да» и «нет». В каких-то случаях я озадачиваю подчиненных, в каких-то делаю запросы историкам, а где-то рою землю сам, и, если бы вы только знали, как приятно докапываться до истины. Мне это нравится, я не хотел бы лишать себя библиотечной пыли, шелеста страниц, томительных часов, проведенных за ноутбуком, перелетов на другой конец света, интересных встреч и даже споров.

– Вы часто продаете предметы своих коллекций? Бывает, что та или иная вещь надоедает? Или просто перестает быть значимой для вас.

– Бывает, но очень и очень редко. Я обычно слишком долго гоняюсь за своими сокровищами, чтобы потом расстаться. – Мелихов поднялся со стула, немного прошелся, вернулся к Кате, встал за ее спиной, наклонился и тише, будто кто-то мог подслушать разговор, добавил ей на ухо: – Поиск – это своего рода игра, и чем сложнее задачка, тем лучше.

Катя не могла видеть лицо Федора, но сомнений не было – он улыбался.

На магазины не пришлось тратить много времени. Уже в первом торговом центре удалось купить два платья, две юбки и три блузки (подходящие к определению – офисные, но при этом не скучные). В примерочных Катя задерживала взгляд на своем отражении, пытаясь понять, что в ней изменилось за последние дни. Перемены чувствовались, но пока не угадывались и не имели определения. В глазах появился блеск – это точно, а еще?..

«Кажется, я стала слишком много улыбаться», – с долей иронии подумала Катя.

Отель «Тасман» оправдывал концепцию бизнес-проекта целиком и полностью. Конференц-зал, расположенный на втором этаже, впечатлял. Наклонный пол с полосками широких ступенек, комфортное кондиционирование, удобные кожаные кресла с откидными столиками-планшетами, огромный экран, маленькие бутылочки минеральной воды на полках узких темно-синих этажерок, обволакивающая подсветка. Лаконичность, но между тем детали продуманы, и создается впечатление идеального для подобных мероприятий пространства, манящего и буквально шепчущего: «Заходи, садись, слушай, работай, устремляйся вперед и никогда не останавливайся на достигнутом».

Выбрав одно из мест в предпоследнем ряду, Катя утонула в кресле и огляделась: приглашенные заходили неторопливо, они уделяли внимание стойкам с информационными брошюрами, затем рассаживались или начинали беседу, собравшись в группы. Катя предполагала, что придут в основном состоятельные люди возраста от сорока и выше, но, как оказалось, тема коллекционирования интересовала и молодых. «Историки?» – предположила Катя и увидела Андрея. В безупречном костюме и белой рубашке он выглядел отлично и притягивал взгляд. Пожилой мужчина в старомодном клетчатом костюме остановил его вопросом, и стало жаль, что встреча отдалается, пусть и всего-то на несколько минут.

Как только Андрей освободился, он сразу приветственно махнул Кате рукой и стал подниматься вверх, решительно перешагивая через ступеньку.

– Вы заняли лучшее место, и я, с вашего разрешения, устроюсь поблизости.

– Я бы обиделась, если бы вы предпочли первый ряд и общество вон того клетчатого мужчины, – улыбнулась в ответ Катя.

– Это Лев Тихонович Мурашка. Человек, посвятивший жизнь зеркалам. Сейчас он ищет круглые японские зеркала с треугольным краем. Только не спрашивайте, что это такое, я и сам не знаю, – Андрей засмеялся. – Но поддерживать разговор на подобные темы я благодаря Федору научился. Знаете, иногда я чувствую себя инопланетянином среди этих людей, но зато как интересно они умеют рассказывать всевозможные истории. – Андрей кому-то кивнул, положил руку на подлокотник и продолжил: – В основном я занимаюсь строительством и недвижимостью Федора, но и с коллекционными вопросами приходится помогать. Собственно, я этому рад, в жизни должна быть порция чего-то интересного и необычного.

Кате было приятно слушать Андрея, и она чувствовала его настроение: усталость вперемешку с бодростью, ироничность на грани серьезности, расслабленность и желание не пропустить важные моменты. Если бы Андрей не сел рядом, то, наверное, сердце коснулось бы разочарование и пришлось бы минут десять-пятнадцать грустить.

– Зал быстро заполняется, осталось мало свободных мест, – сказала Катя.

– Да, народ нетерпелив и ждет встречи с Федором. Этот зал рассчитан на триста человек, уверен, придут все приглашенные. – Андрей повернул голову к Кате и тепло посмотрел на нее. – Два ряда мы обычно придерживаем, оставляем пустыми для самых важных и дорогих сердцу гостей.

Катя засмеялась.

– Вы их оставляете пустыми, потому что за время подготовки приглашенных становится гораздо больше.

– Эх, не скрыть от вас правду, – весело ответил Андрей. – Вы правы, это как со свадьбой: пригласишь десять человек, а потом цепочка потянется, и вот гостей уже сто десять. Я, правда, женат не был, но друзья жаловались. В полпятого запланирован часовой перерыв, давайте выпьем кофе с пирожными, стыдно признаться, но целый день хочу сладкого, наверное, мозг перегружен.

Андрей расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил галстук и сел удобнее. Теперь он не походил на человека, которому нужно постоянно следить за происходящим, чтобы не пропустить какие-либо минусы. Он наконец-то позволил себе отдых, расслабился, улыбнулся, и на правой щеке появилась ямочка.

– Мне тоже иногда сильно хочется сладкого, особенно когда приходится работать до глубокой ночи. Обычно помогает молочный шоколад с миндалем и изюмом. А кофе с пирожными – это сказка, способная спасти даже от душевных потрясений и трагедий. Спасибо за приглашение, я, конечно, согласна.

– А вот и Федор, – коротко сказал Андрей, и зал мгновенно заполнился приветственными овациями.

Увидев Мелихова, Катя села ровнее и напряглась, внимательно наблюдая за реакцией приглашенных. Желание понять, как гости относятся к известному коллекционеру, заставило вытянуть шею и приподнять брови. Помимо личного любопытства, в груди уже полыхал профессиональный интерес, и Катя торопливо фотографировала взглядом лица, читая на них одобрение, радость, нетерпение, задумчивость, сдержанность. Равнодушных не было, да, впрочем, и понятно – рядом с Мелиховым не могло оказаться случайных людей.

Изогнутая трибуна, демонстрируя почитание, казалось, наклонилась еще ниже, освещение стало более густым, желтым, шорохи и скрипы прекратились, экран замерцал серебром, обещая присутствующим обязательные тайны.

– Добрый день, друзья, – радушно начал речь Мелихов, заняв место перед микрофоном. – Я благодарен за то, что вы нашли время приехать. В век стремительных скоростей трудно сделать остановку, но, как видите, у нас это в очередной раз получилось. Bravo! – Мелихов улыбнулся, и, хотя расстояние было приличным, Катя прочитала уже знакомые морщины в уголках его глаз. – Сегодня мое вступительное слово, которое традиционно растянется на часы. – Еще одна улыбка. – А с завтрашнего дня этот и другие залы будут принадлежать вам, и я тоже стану благодарным зрителем, желающим услышать долгожданные истории. Открытия теряют смысл, если их держит в руках только один человек, давайте делиться, как показывает практика, это приносит удовольствие.

Уверенность чувствовалась в каждом слове, в каждом движении Мелихова, Катя поймала себя на том, что смотрит на него неотрывно. В какой-то момент она пожалела, что не села ближе, ей бы хотелось почувствовать накаляющуюся вокруг Мелихова атмосферу.

– Сейчас вы узнаете обо всех новинках коллекций, – шепнул Андрей.

– Их много?

– Предостаточно, но рассказ будет только о самых значимых, иначе не хватит времени. Федор планировал начать с «Полтавы» – это модель реального корабля, работа мастера Матвея Глинникова, но не получилось...

– Почему? – услышала Катя свой голос.

– Федор не успел его отыскать, задачка оказалась не из легких.

– А сколько времени он ищет... корабль.

На пару секунд Андрей задумался, затем чуть наклонил голову и ответил:

– Лет десять, наверное. Надежда то вспыхивает, то гаснет – дело обычное.

«Десять лет назад... – мысленно произнесла Катя. – Мне тогда было девятнадцать, я училась в институте и не догадывалась, что стану обладательницей исторического богатства... Впрочем, я об этом не догадывалась и несколько дней назад».

* * *

Выругавшись в третий раз, Глеб раздраженно провел пятерней по волосам и проткнул взглядом тучного кудрявого мужчину лет сорока. Тратить на него особую силу – слишком жирно, но...

«Не видно же ни хрена!»

Лицо Кати можно было поймать, только когда она подавалась вперед, а происходило это не часто, собеседник – Андрей Александрович Кравцов – мелькал еще реже. Глеб уже навел справки и знал многое о помощнике Мелихова, что вовсе не облегчало ситуацию.

«И все-то у него правильно и по пунктам в жизни, аж тошно. Крошка, похоже, принцы уже выстроились в ряд. Выбирай побыстрее».

Торопиться не следовало, но, в качестве развлечения, Глеб делал ставки то на одного, то на другого претендента. Во-первых, надо развивать интуицию в этом вопросе, она уж точно пригодится еще не раз. Во-вторых, чем раньше понять, кто тут избранник судьбы, тем лучше: «Счастливая концовка приблизит день моей неминуемой свободы». В-третьих, медленно, но верно появляется азарт: кто, вот кто?..

Федор Дмитриевич Мелихов. «Красавцем уж точно не назовешь, но харизматичен во всех отношениях. Хороший взгляд, таким города сжигать можно... Женщинам должно нравиться. Чуть не забыл! Коллекционер у нас умен и богат. А это, как ни крути, козыри... Но староват. Сколько ему там? Сорок три. Нормально... Катя-Катерина, тебя четырнадцать лет разницы в возрасте не смущает? – Глеб вопросительно приподнял правую бровь. – А знаешь, что меня интересует сейчас больше всего? Есть ли у Мелихова любовница. Вот чувствую, есть, но когда она собирается выйти на сцену нашего почти домашнего театра, пока не ясно... В любом случае, драматическую роль я ей готов предоставить».

Андрей Александрович Кравцов. «Вот тут как раз молодость берет свое. Тоже не беден, но, конечно, финансовые масштабы далеко не те... И крутится все время поблизости, точно медом ему намазано. А что крутится? Женского внимания ему должно хватать, да и цену он себе знает. Втрескался, может, уже в тебя по уши, Катя, а? Или выполняет „партийное“ задание шефа? Вот, крошка, не пойму, кого нам с тобой выбрать, все гложут и гложут душу мучительные сомнения... Давай посчитаем, на кого ты чаще смотришь: на Мелихова или на Кравцова?.. Эй, пересядь, придурок! Весь вид загораживаешь!»

Отправив тучному мужчине еще один убийственный взгляд, Глеб откинулся на спинку кресла и глотнул минералки. «Жучки» удалось поставить далеко не везде, где планировалось, но он еще и не делал попыток пробраться в номера. Чуть позже. Если очень понадобится.

Глава 10

Катя предполагала, что лекция Мелихова понравится, Федор не только обладал энциклопедическими знаниями, но и был хорошим рассказчиком. Вроде ничего лишнего, в основном звучали хорошо отточенные, четкие факты, но все же проскакивали фразы, направляющие слушателей, держащие их в напряжении. Многие бы хотели вот так же ловко и профессионально играть эмоциями зала, жонглировать ими, то разжигать, то умирять, но далеко не каждый мог похвастаться подобным талантом.

Андрей временами шептал на ухо некоторые пояснения, особенно когда на экране появлялись фотографии, и Катя была благодарна ему за это. Требовались нюансы, даты, дополнительные ощущения и исторический дух того или иного времени. Если бы в школе на уроках преподавали вот так, то, наверное, все ученики мечтали бы стать археологами, мореплавателями, художниками, скульпторами... Катя старательно впитывала каждое предложение, в душе уже ерзало вдохновение, а острое желание взяться за статью как можно скорее осторожно покалывало подушечки пальцев. Сейчас бы ноутбук... Столь важные первые абзацы, готовые потянуть читателя за собой, они уже просятся на белую страницу. Но, с другой стороны, жалко отвлекаться от происходящего на сцене.

Перерыв получился действительно вкусным. В ресторане отеля готовили отменно, Катя выбрала маленький эклер, обсыпанный рублеными фисташками, и воздушное манговое суфле с кусочками карамелизированной груши. Андрей отдал предпочтение классическому торту «Черная вишня» и съел сразу два куска. Кофе радовал насыщенным ароматом, и даже не хотелось шевелиться – остановись мгновение.

– Как долго длится ужин? – спросила Катя.

– Кто-то уезжает через пару часов, а кто-то остается до утра. Деловые разговоры обычно смолкают после пары бокалов вина, и народ наконец-то начинает отдыхать, – с улыбкой ответил Андрей. – Вы сможете настроиться на отдых или журналиста в вашей душе невозможно победить?

– Ну-у-у... – протянула Катя и засмеялась. – Я постараюсь отвлечься, но здесь чуть ли не каждый час происходит что-то интересное, и это так или иначе связано с Федором Мелиховым. Для меня важно справиться с работой. И не просто справиться, а сделать ее на отлично! – Серые глаза Кати вспыхнули, на щеках появился румянец, и она почувствовала это. – Признаюсь, вечером я собираюсь следить за каждым шагом вашего шефа.

– Тогда я буду вынужден его спасти, – в ответ засмеялся Андрей. – Заранее приглашаю вас на танец.

– А будут танцы?

– Только медленные.

– Мне кажется, девушек всем не хватит. – Сделав глоток кофе, Катя улыбнулась. – На презентации их мало, в основном – мужчины.

– Прекрасный пол подтянется к ужину. Жены, дочери, секретари... – Андрей тоже протянул руку к чашке. – На лекцию приходят только те, кому интересно слушать про вековую пыль.

К ужину Катя готовилась не слишком тщательно, а на выбор платья ушло несколько секунд. Собственно, выбирать пришлось из двух, и победу одержало синее прямое с двумя широкими бретельками на плечах. Бретельки были украшены мелкой россыпью черных и голубых камешков, и этого украшения оказалось достаточно, чтобы платье превратилось из обычного в вечернее и не заглушало прелесть хозяйки. Ничего лишнего.

Приняв душ, Катя высушила волосы феном, оделась, добавила легкий макияж, затем резко наклонила голову вперед, а потом откинула ее назад – вот вам и укладка, каждый волосок на своем месте, вечная красота небрежности.

Банкетный зал находился на втором этаже, и, выходя из лифта, Катя с удовольствием знакомилась с пока неизведанной территорией. Здесь не было волнующего полета дизайнерской мысли, наоборот, преобладали тяжелые традиции, демонстрирующие шик и блеск.

«Похоже, я выбрала не то платье, – подумала Катя. – Лучше бы подошел наряд Екатерины II. А еще нужны жемчуга или бриллианты».

Она не испытывала неловкости и страха перед знакомством с обществом Мелихова. Конечно, не каждый может с легкостью зайти в зал, где полным-полно незнакомых людей, занять свободное место и начать непринужденную беседу. Но Катю поддерживала и направляла

работа, а еще Андрей обещал быть поблизости. «А то вдруг кто-нибудь спросит у вас про треугольные края японских зеркал», – весело говорил он после презентации.

Но Катю встретил Мелихов. Увидев ее, он пошел навстречу, пересек зал, остановился и мягко произнес:

– Я вас ждал. Надеюсь, вы не откажетесь занять место рядом со мной. Это удобно, вы сможете мучить меня вопросами и далее. Прекрасно выглядите, Катя.

– Спасибо, – ответила она и согласно пошла с Мелиховым к большому круглому столу, за которым могло поместиться человек восемь. Еще никогда не приходилось брать интервью в подобной обстановке, и Катя огляделась, задерживая взгляд на деталях интерьера.

Столы, покрытые светлыми молочно-сливочными скатертями, тянулись вдоль кремовых стен, белые стулья, украшенные резными шишечками, напоминали о летних верандах, полы сияли, бокалы искрились, большие люстры, казалось, горят миллионом свечей, и тихая, почти неслышная музыка плела тонкие кружева над присутствующими, не мешая разговорам.

«У меня хорошая работа, – подумала Катя. – Я буду брать интервью практически на балу».

Осторожно глянув на Мелихова, она увидела следы усталости на его лице, что было вполне объяснимо: организационные вопросы требуют много сил и времени, даже при наличии приличного штата помощников. А Федор явно любил порядок во всем и не терпел оплошностей и погрешностей. Черный костюм сидел на нем идеально, расстегнутые пуговицы пиджака говорили о том, что Мелихов чувствует себя комфортно и настало время и ему отдохнуть.

– Я не вижу Андрея, – сказала Катя, – он задерживается?

– Да, будет приблизительно через полчаса. Затянули рабочие моменты, обычное дело.

– Мне очень понравилась презентация, или, вернее, ваша лекция, я получила настоящее историческое удовольствие, если можно так сказать.

– То есть в сон не клонило? – Мелихов сдержанно улыбнулся.

– Уж точно нет.

Устроившись за столом, Катя согласилась на бокал шампанского, пузырьки зашипели, зашептались, и первый глоток получился освежающе-прекрасным. И хотя до Нового года было далеко, вспомнился именно аромат хвойных игл, огни гирлянды и волшебный бой курантов.

– О чем вы сейчас подумали, Катя?

– У меня странное выражение лица?

– Загадочное.

– Впереди еще целый вечер, а мне уже хочется поблагодарить вас за этот праздник. Удивительно красиво, чувствую себя Золушкой, попавшей на бал... Кажется, у вас какое-то особенное шампанское, оно делает людей разговорчивыми, мечтательными и сентиментальными. А я, между прочим, на работе.

Улыбнувшись, Катя посмотрела на Мелихова и поймала в его глазах добрый смех. Но губы оставались сжатыми, а выражение лица серьезным. Он разглядывал ее так, будто она диковинный экземпляр, представляющий одну из эпох, и где-то на ее теле (а надо еще найти это место) находится автограф мастера, сотворившего это живое чудо.

– Катя, мне приятно, что вы гостите у меня, – после небольшой паузы произнес Мелихов. – Когда я смотрю на вас, моя душа отдыхает.

– Добрый день. Я приехала, а ты меня не встречаешь, – раздался уверенный женский голос, и Катя подняла голову.

* * *

Глеб вовсе не торопился на ужин, имелись дела и поважнее. День, час, минута... Когда еще представится возможность пробраться на этаж Мелихова и заглянуть за его монолитную дверь? «Жучки» не поставить – это ясно, но утолить любопытство вполне можно, да и не на все вопросы получены ответы, есть необъяснимая связь между делами коллекционера и присутствием в отеле Кати. Журналистика, интервью – понятно, но переезжать было зачем? Какая неведомая сила помогла принять такое странное решение?

«Тайны, миленькие мои, хорошие, выползайте на свет божий, мы тут вас встретим с

распростертыми объятиями. Долгожданные вы мои!»

А дверь монолитная, в этом можно не сомневаться. И сигнализация наверняка по периметру каждой стены, одно неосторожное движение и... Виу-виу-виу! Полиция!

Новая задачка развлекала Глеба, но пока решить ее не получалось. Проблема состояла в видеокамерах и охране, круглосуточно следящей за каждым коридором, входом и выходом. Да почти за каждым углом! Иначе просто быть не могло там, где отдыхают и трудятся разомлевшие представители бизнеса. И миллионеры-коллекционеры.

«Я, конечно, могу вырубить пяток скучающих суперменов, но потом меня можно будет брать голыми руками, ибо сила надолго замрет на нуле... Не-е-ет, надо идти другим путем».

Глеб подошел к зеркалу, глянул на отражение и пришел к выводу, что бороду надо постричь сантиметра на два. Вид станет более презентабельный, а сегодня нужен именно такой вариант.

Внешность позволяла Глебу быстро трансформироваться, всего-то парочка умелых движений ножницами и бритвой, многозначительный взгляд, блуждающая полуулыбка, ровная спина, легкая походка, дорогая одежда, и вот уже перед вами не бородатый мужик подозрительной наружности, а, например, владелец автосалона или преуспевающий адвокат. Обычно, вживаясь в образ, Глеб волновался лишь об одном: как бы не послать собеседника куда подальше, если тот начнет задавать профессиональные вопросы. А подобные истории с ним случались.

«Нужна женщина, – сделал вывод Глеб и усмехнулся, останавливая проснувшееся воображение. – Нет, сейчас не до акробатических этюдов в постели, хотя, может быть, позже...»

«На этаж Мелихова не попасть, я пробовал. Подхвачу блондинку с первого этажа, наверняка у нее есть доступ. Далее придется самому... Увы, видеонаблюдение не дремлет... Зараза! Да мне бы только к двери привалиться и получить три минуты

на то, чтобы тайное стало явным... Ладно, встречайте, я иду».

Глеб потратил около часа на преобразование, теперь он выглядел как один из приглашенных на банкет. Пригодились столь нелюбимые костюм, рубашка и галстук, начищенные ботинки блестели, лицо выражало одухотворенность и заинтересованность, и только мысли по-прежнему тянули на тюремный срок и тридцать три проклятия.

«Повезет? Не повезет? Ладно... Сначала пробую, а потом разгребаю результат».

Спустившись на первый этаж, Глеб задержался около зеркала и оценил свой внешний вид на пять с двумя плюсами.

«Надо бы сегодня кого-нибудь охмурить, а то такая красота пропадает», – усмехнулся он, крутанулся на пятках, тряхнул головой и направился к стойке ресепшен, где сидела уже знакомая блондинка.

– Добрый вечер, – Глеб лучезарно улыбнулся.

– Добрый вечер, чем могу вам помочь?

– Надеюсь, малышка, тебя за это не уволят...

– Что?

Но в глазах Глеба уже появились голубые искры, которые медленно, но верно закручивались в воронку и лишали девушку возможности принимать какие-либо решения самостоятельно. Потом она ничего не вспомнит, это очень удобно. Мысленно сформулировав требование, почувствовав ответное подчинение, Глеб быстро огляделся и сделал шаг назад. Свидетелей нет, а что может быть лучше?

Лифт ехал бесшумно, а остановившись, чуть качнулся. Девушка приложила карточку-ключ к серому квадрату, расположенному под кнопками, и дверцы, приглашая в мир известного коллекционера, разъехались в стороны.

– Стой здесь, – сказал Глеб и быстро вышел. Но дальше идти было некуда, стеклянная матовая черно-фиолетовая дверь преграждала путь. Справа располагалась первая видеокамера, и сразу под ней – кнопка звонка. Это была точка наблюдения Мелихова, сидя в кабинете или библиотеке, он всегда мог посмотреть, кто хочет зайти к нему в

гости. Другая камера смотрела в спину, и еще одна угадывалась на потолке.

«Эй, приятели, не обращайтесь на меня внимания, я человек стеснительный, не люблю, когда за мной наблюдают», – пошутил Глеб и, не желая тратить ни секунды, подошел сначала к двери, а затем, отрицательно покачав головой, переместился к стене. Холодное толстое стекло не способствует проникновению, куда надежнее кирпич и бетон.

Глеб надеялся, что представители охраны в эту минуту не видят его, должны же они хоть иногда отвлекаться. Так почему бы не сейчас? Время ужина, между прочим.

– Ну же... давай... – прошептал Глеб и, желая ускорить результат, развел руки в стороны и прислонился всем телом к бархатной стене. Щека почувствовала прохладу, но потом нахлынуло тепло, и Глеб закрыл глаза. Он торопился и поэтому не сразу смог откинуть лишние мысли в сторону и сконцентрироваться. В голове пронеслись голоса, сначала тихие, но потом шум принялся нарастать и наконец отозвался резкой болью в ушах. Темнота приобрела коричневый оттенок, желтые пятна закружились, становясь то темнее, то светлее, проступили контуры коридоров, комнат, дверей... Глеб почувствовал жар огня, мелькнули застывшие лица японских крестьян и рыбаков, темноту прорезали углы картин, шум вновь обрушился неожиданно, и теперь заломило в затылке. – Все не то, – недовольно пробормотал Глеб, морщась, понимая, что отель не позволит ему «ходить» по чужим коридорам слишком долго. Вернее, не отель, а сокровища Мелихова. Они несли в себе наслоение прошлого, и оно шумело, не подпуская ближе. Метнувшись правее, Глеб почувствовал некоторое облегчение. Кабинет... Здесь почти тихо... Библиотека... – Всем молчать, – автоматически произнес он, подозревая, что от книг пойдет не меньшая волна голосов. В висках предупредительно застучало, но спасением стал свет, льющийся из окна. Он падал на стол и победно выделял русский линейный корабль «Полтава», будто застывший перед тем, как поплыть к новым берегам. – Охренеть... – выдохнул Глеб, отлип от стены, быстро вернулся в лифт и провел ладонью по лицу, освобождаясь от тяжести увиденного.

«Многоуважаемая Небесная канцелярия, я правильно понимаю, что двух оригиналов быть не может? Да, собственно, я знаю, где подлинник, а где копия. Федор Дмитриевич, подозреваю, вы готовы на все, чтобы заполучить еще одну дорогую игрушку... Катя, держись! Мелихов наверняка захочет протоптать дорогу к твоему сердцу. Влюбленная женщина отдаст все».

Нажав кнопку второго этажа, Глеб посмотрел на неподвижную блондинку, почесал затылок и участливо спросил:

– Сволочи мы, да? – Затем немного помолчал и добавил: – Приятно, когда со мной никто не спорит.

* * *

Давным-давно...

Они ехали довольно долго, давая лишь изредка лошади отдохнуть. С непривычки у Саши немели ноги, но она стеснялась сказать об этом Янко, терпела и пыталась сжимать и разжимать пальцы, чтобы хоть немного облегчить свое незавидное положение. Лепешки, испеченные Гедой, были необыкновенно вкусными, они пахли шкварками и пряной зеленью, но к запасам следовало отнестись разумно, впереди дальняя дорога, нельзя съесть все за один день.

– А сколько осталось до станции? – спросила Саша на первом привале.

– Недолго, но мы поедем дальше.

– Почему?

– В первую очередь о тебе начнут спрашивать именно на ближайшей станции. Тебе туда нельзя.

– А как же тогда?..

– Довезу тебя до Брянцевских болот, дальше пойдешь сама, а мне возвращаться надо. Дорога не близкая, но расстояние тебе под силу будет. Не бойся, путь укажу, не заблудишься. – Яков посмотрел на

лепешку, но не отломил себе куска. – Доберешься до Сусловки и иди в кузню. Степана спросишь, скажешь от Янко пришла, он тебя до Петербурга и доведет, а там уж рукой подать.

Саша чувствовала, что сын Геды – человек неразговорчивый, его фразы были резки и обрывисты, но так хотелось услышать подробности и обрести хоть небольшую уверенность. Денег нет, и на станции пришлось бы как-то выкручиваться и что-то придумывать, возможно, просить, умолять, но... Неужели впереди опять ледяная дорога, страх и одиночество?

– А лесом придется идти или полем?

– И лесом, и полем.

Янко сделал еще две остановки, а потом ехал, пока лошадь не начала фыркать, а небо темнеть. Протянув Саше мешок с дарами Геды, он указал на нужную дорогу и сказал:

– Иди по ней, пока не упруешься в лес. После иди лесом, но только прямо, никуда не сворачивай, а то заблудишься. Да и болота здесь жадные. Затянут. Затем будет поле, а за ним дорога узкая, как змея вьется, ни с чем не спутаешь. Иди по ней, пока церковь не увидишь. Вот там и Сусловка.

– Скоро ночь.

– Она светлой будет и теплой, я знаю.

Если бы Саша посмела, если бы могла, она бы бросилась к Янко со слезами на глазах и попросила забрать ее в табор. Русые волосы можно спрятать под платком, а цветастая юбка и яркая кофта с бахромой перечеркнут благородное происхождение. Но только не новая дорога, не лес, не промокшие ботинки, не холодный ветер, обжигающий лицо...

В глубине души Саша знала – надо идти. Спасение в таборе будет временным, да и за ее слабость придется расплачиваться цыганам. Разве можно так «отблагодарить» Геду и ее сына Янко?

– Большое спасибо. Пожалуйста, повторите еще раз, как мне идти. Боюсь, от волнения я не запомнила.

«Сначала по дороге до леса, потом лесом... не сворачивать... кругом болота... идти только прямо...» – повторяла Саша слова Янко и шла вперед, не оглядываясь. За спиной осталось то, что лучше забыть, вот только тех, кто помог, она будет помнить всегда.

– Геда, Геда... Я доберусь до Петербурга и напишу тебе письмо. Как хорошо, что ты умеешь читать. Наверное, твое сердце коснется радость, когда ты узнаешь, что я живу у тети и все у меня хорошо, – пытаюсь приободрить себя, тихо говорила Саша и шла, старательно обходя лужи. – Янко обещал светлую и теплую ночь, и я ему верю. Цыгане не могут ошибаться. Не могут.

Ноги довольно быстро перестали слушаться, в теле еще жила слабость, оставшаяся после бегства. Вечер сгущался и со всех сторон, точно влажный густой туман, потянулись липкие страхи. Саша не стала сдерживать слез, еще немного, и она начнет спотыкаться, а затем падать, и с этим ничего не поделаешь. На лбу выступил холодный пот, голова закружилась, и нехорошие картинки стали мелькать перед глазами. Будто кто-то идет навстречу, заглядывает в лицо, морщится, хватает за плечо и тащит обратно. Она боялась быть замеченной, боялась быть узнаваемой, боялась утра и вечера.

«До Суловки не так уж и далеко, и я обязательно увижу церковь и отыщу Степана... Я смогу...»

Сашу пугали и ночь, и налетающий с поля ветер, пробирающийся под короткую собачью шубку. Иногда шаги были торопливы, иногда томительно медленны, но она шла и только время от времени позволяла себе прислониться к какому-нибудь дереву. Минуты казались часами, а часы – минутами, и уже думалось, что это испытание она заслужила...

Поддерживая себя, Саша начинала торопливо шептать путаные фразы, и потом ей самой становилось интересно, что же она говорит? Но правда страшила, душа боялась узнать, что она слаба, и сил, скорее всего, не хватит.

Закусив нижнюю губу, глядя только вперед, Саша углубилась в лес, а затем остановилась около худой поваленной сосны, подняла голову к небу и, тяжело дыша, сказала:

– Вот я, Господи. Вот я... Забери меня к себе, мне здесь одиноко и холодно. – Распахнув шубу, она коснулась крестика и зажмурилась. – Вот я, Господи, вот я... Даже если ты забыл меня, знай, я тебя не забуду.

Идти стало легче.

Глава 11

Поглощенная разговором с Мелиховым, Катя не заметила, как к столу подошла роскошная женщина в струящемся до пола бордовом платье. «Я приехала, а ты меня не встречаешь», – прозвучало уверенно и чуть насмешливо. Обида вовсе не цеплялась за слова.

– Привет. Ты сегодня вовремя, молодец, – без особых эмоций ответил Федор, поднялся и усадил женщину напротив. – Ты за рулем? Шампанское или апельсиновый сок?

– Шампанское.

Мелихов вернулся на свое место и подал знак официанту.

– С удовольствием познакомлю вас. Копылова Ольга – финансовый директор. Екатерина Щербакова – журналист «Стиль М». Катя берет у меня интервью и готовит развернутую статью о новинках коллекций и моей жизни в целом.

– И ты согласился на это? – приподняв бровь, спросила Ольга.

– Как ни странно, довольно легко. Собственно, идея принадлежит мне.

Катя предпочла сохранить молчание и пока не вмешиваться в разговор. Есть женщины, за которыми интересно наблюдать, они притягивают мысли и чувства, но при этом сами часто остаются холодны к окружающему миру. Движения отточены, взгляды красноречивы, слова имеют двойное дно, а внешность завораживает – это был именно тот случай.

«Она встречается с Мелиховым?» – неожиданно вспыхнул вопрос, но интуиция, тактично кашлянув, отказалась дать ответ.

Катя смогла бы назвать Ольгу ровесницей, но чувствовалось, что финансовый директор Мелихова немного старше. Длинные прямые черные волосы лежали на плечах, темные миндалевидные глаза сияли (почудилось или они действительно цвета спелой вишни?), светлая матовая кожа демонстрировала абсолютную чистоту, невозможно было отыскать даже самую крохотную родинку...

– А что вы молчите, Катя? – с улыбкой спросила Ольга, касаясь пальцами сверкающего ожерелья, буквально сотканного из тонких нитей и маленьких звезд. – Догадываюсь, как тяжело работать с Федором. – Она выразительно посмотрела на Мелихова и добавила: –

Признайся, ты же не терпишь чужого мнения. Тиран и деспот. Катя, я искренне желаю вам удачи во всех начинаниях.

– Спасибо. Мне пока очень интересно. Думаю, сегодня засесть за статью, даже не терпится. Начало уже сложилось в голове.

– Лучше завтра, Катя. Вы заслужили отдых, и рано с ужина я вас не отпущу, – улыбнулся Мелихов. – А сегодня: вино, отменная еда и танцы.

– Ты собираешься танцевать? – не поверила Ольга. – Федор, я должна это увидеть.

– Да, собираюсь. Раз в год – для меня это достаточно часто.

– А где Андрей?

– Задерживается немного.

Без сомнения, Ольга и Мелихов работали вместе давно и наверняка понимали друг друга с полуслова. Легкая необъяснимая грусть коснулась души, и Катя сделала еще один глоток шампанского. Большое количество присутствующих, слишком яркий свет, убранство зала стали давить, и захотелось покинуть «Тасман», сесть на метро и поехать домой. Как там поживает ее квартира? И пятьдесят четыре пушки «Полтавы»... А еще она давно не пила черносмородиновый чай в любимой кофейне.

Катя старалась разделять работу и историю с кораблем, но не всегда получалось. После презентации она позвонила Горину и обсудила с ним новые вопросы интервью. Он хвалил, советовал, подчеркивал, что верит в ее талант. Но не так-то просто общаться с человеком, который расставил ловушки, чтобы поймать тебя и хладнокровно исполнить собственные планы. Нужно быть хорошей актрисой, умеющей скрывать истинные чувства, безупречно играющей любую роль.

Но, если бы Катю сейчас спросили, как она относится к Мелихову, она бы произнесла лишь несколько общих фраз, не более. Отношение к Федору не имело начала и конца, разрешений и запретов, ровных линий с пометкой «За черту не заступать». К сожалению (да, именно, к сожалению), он не выглядел злодеем, ничего не требовал, не угрожал и... не упоминал о корабле. А еще не получалось игнорировать ум Федора и тот вселенский багаж знаний, который он нес.

«Игра: кто первый заговорит о „Полтаве“, да? – Катя перевела взгляд на Мелихова и кивнула, отвечая на вопрос о шампанском. –

Возможно, это буду именно я. Мне нечего бояться».

– Пойду поздороваюсь со своими, – бархатный голос Ольги нарушил ход мыслей. – А то еще обидятся. – Обольстительно улыбнувшись, она поднялась, отточенным движением провела рукой по бедру, разглаживая ткань, повернулась и поплыла к другому столу, покачивая бедрами. Открытая спина демонстрировала подтянутые мышцы, видимо, Ольга уважительно относилась не только к косметическим салонам, но и к тренажерным залам.

«Она красивая», – еще раз подчеркнула про себя Катя.

– Вам придется потерпеть, около часа мы будем слушать тосты в мою честь, – предупредил Федор.

– Вы не любите оказываться в центре внимания?

– Моя жизнь и есть – центр внимания.

– Да, но можно по-разному к этому относиться.

– Я, пожалуй, привык.

– Если б вы знали, как хочется включить диктофон. – Катя улынулась. – Но мы же с вами отдыхаем, а работаем лишь совсем чуть-чуть.

– Я благодарен судьбе за нашу первую случайную встречу, приятно, когда рядом оказывается хороший человек. К тому же профессионал. – Федор заглянул Кате в глаза и замер, будто желал спросить: «Вы же верите, что та встреча была случайной?» Тонкая вена на виске запульсировала, дернулась и затихла, лицо вновь стало невозмутимым. – Вам комфортно в отеле? Не жалеете о переезде?

– Очень комфортно, – быстро ответила Катя и отвела взгляд в сторону. – Спасибо за приглашение.

Мелихов промолчал, откинувшись на спинку стула, он приготовился к началу ужина.

– Дамы и господа, – раздался бодрый голос одного из приглашенных. – Я спешу выразить огромную благодарность...

Катя сосредоточилась на мечущихся мыслях, и первый тост пролетел мимо. Она приехала в отель, чтобы понять таинственного коллекционера Федора Дмитриевича Мелихова, мечтающего заполучить работу мастера Матвея Глинникова. Когда тебе бросают вызов, то надо же его принимать. И вот он сидит рядом – спокойный и уверенный, а ее сердце отчего-то волнуется...

Уйти.

Да, все же хочется уйти.
Или сбежать?

* * *

Давным-давно...

Погода улучшалась. Ветер ушел в поля, солнце начинало побеждать в борьбе с упрямыми серыми облаками, земля на дорогах подсыхала, чернота вечера уже не прятала проснувшиеся после зимы кусты и деревья. Павел, не желая вспоминать яблоневый сад и все, что в нем произошло, взялся наводить порядок в имении. Кто-то чистил коровники и конюшни, кто-то старательно чинил инвентарь, ненужный хлам беспощадно сжигался, добросовестный Иван составлял смету на ближайший месяц и охал каждый раз, когда Павел диктовал новый пункт для закупок. А что охать? Жаловаться на жизнь – только Бога гневить, дела идут хорошо.

– Павел Андреевич, прошлой осенью же в курятнике стену латали, сколько глины да соломы извели. И что опять? – по привычке затягивал жалобную песню Иван.

– А тебе глины и соломы жалко? Она бесплатная! – резко кидал Павел и шел дальше искать недочеты, срочно требующие исправления.

Конечно, Александре достанется от отчима, запрет в какой-нибудь темный угол, пока прощения не вымолит. Но Стрыгину деваться некуда: слухи распространяются быстро, и Яков Петрович шум поднимать не станет. Протрезвел же он к утру.

«И кой черт меня дернул ее целовать, я же не собирался. Таких птичек сначала приручать надо – долго и терпеливо».

Павел отлично понимал, в каких условиях выросла Александра Образцова, воспитание в основном – это грубые «можно» и «нельзя». Если рассматривать последние годы, прожитые с отчимом. Не следовало сразу требовать от нее уступчивости. Но в память хорошо

впечатался тот момент, когда выбившаяся прядь скользнула по щеке Александры, и рука сама потянулась к ее лицу. В душе вспыхнул огонь, мышцы напряглись и стали почти каменными, острое желание почувствовать вкус мягких послушных губ толкнуло вперед...

«Не замечал за собой раньше подобного нетерпения», – едко думал Павел, в который раз перечеркивая встречу.

Полдня он не вспоминал Александру, а потом вновь мелькал эпизод, и настроение немедленно портилось.

«– Уезжайте.

– *Вы хорошо подумали?*

– *Прощайте.*

– *Как хотите».*

Если Павел и жалел о чем-то, то только о том, что поцеловал. В душе клеймом отпечаталось презрение, увиденное в глазах Александры Образцовой.

«А о чем она думала, когда шла ко мне? Не в куклы же я собирался с ней играть».

К трем часам дворовая суета надоела, да и мозг нуждался в отдыхе от вороха мыслей. Еще утром мальчишка принес приглашение на послеобеденное чаепитие к Вяземским, и, быстро собравшись, Павел поехал в гости.

«У бедного графа три дочери на выданье, сейчас не до воспоминаний будет...»

– А мы уж побоялись, что вы не приедете.

– Не правда ли погода стала менее ветреной?

– Павел Андреевич, вы собираетесь осенью в Петербург?

– Нынче к экипажам привязывают банты. Как вам этакая мода?

– Вести дневник – это так мило, но ужасно хлопотно...

– Говорят, вы решили торговать лесом?

– Попробуйте пирожков с яблочным повидлом, до чего хороши!

– А я больше люблю чай с мятой, а вы со смородиновым листом, да?

Единственным утешением для Павла стало появление Григория Салтыкова. Гришка, наоборот, особенно любил ездить в гости в те семьи, где скучали юные прелестницы, и с удовольствием поедал все, что щедро предлагали их матери.

– Зачем жениться, если и так хорошо, – прошептал он Павлу, когда три дочери Вяземских наконец-то устали разговаривать и отсели к окну. Демонстрируя издали свою красоту, они время от времени улыбались и отправляли короткие пылкие взгляды то на одного гостя, то на другого.

– А вы слышали новость? – спросила Анна Михайловна, протягивая полную руку к следующему пирогу. Посмотрев на мужа, она поджала губы и дернула плечом, будто хотела сказать: «Дорогой, это не сплетни, и я должна рассказать». – Александра Образцова пропала вчера утром. Пошла погулять к лесу и не вернулась. Яков Петрович объявил поиски, говорят, всем двором чуть ли не до Михалево дошли, а Сашеньки нет. Может, задумалась и с тропы сбилась... Вроде шарфик нашли возле дряхлой березы. Кошмар! То ли волки загрызли, то ли цыгане куда уволокли! Хоть из дома не выходи теперь.

– Будет тебе сказки придумывать. Волки! – недовольно проворчал Арсений Григорьевич. – И цыгане к нам лет сто не заглядывали, они дальше по реке устроились. Заплутала, найдется. Плохо Стрыгин за ней смотрит, куда одна-то идти удумала.

– Ты чего? – тихо спросил Гришка, осторожно толкнув Павла в бок.

Павел посмотрел сначала на приятеля, а потом перевел взгляд на стол. Надо же, а он и не заметил, что раскрошил оставшиеся пол-пирога.

– Задумался.

– Вранье все это, – продолжил шептать Гришка.

– Что именно?

– Не вчера утром Александра потерялась, а позавчера ночью. Хочешь еще скажу? Стрыгин ее сам в лес отправил. И, не поверишь, собак следом спустил. Неизвестно, чем она провинилась, но только так дело и было. А потом Яков Петрович подождал немного, когда Александра замерзнет и сгинет, и поиски начал. Чтоб соседи вопросов лишних не задавали. А кто ж задаст, если все его боятся.

– Откуда знаешь?

– Кто-то из работников не спал и видел, мне наш Семен втайне рассказал. Корова у нас молодая захворала, мычит третий день с утра до ночи, так он в сторону Стрыгина за лекарем ходил.

Услышанное показалось диким, но, тем не менее, если учесть характер Якова Петровича, походило на правду. Именно той ночью Павел оставил Александру в яблоневоm саду.

– И собак спустил?..

– Говорю же, да, – прошипел Гришка, гордый от того, что его рассказ произвел нужное впечатление. – Она тебе вроде нравилась... – осторожно добавил он.

– Про поиски Семен узнавал?

– Ходили, высматривали, аукали, но в ответ тишина.

– И следов нет?

– До леса есть, а дальше ни одного.

– Но раз у Стрыгина собаки натасканные, почему он их при народе на поиски не отправил?

– Брал он их с собой. До ручья добежали и остановились как вкопанные.

– Выпала Александре доля сиротская. – Анна Михайловна с трудом поднялась из-за стола и неторопливо поплыла к дочерям, шурша юбками. – Яков Петрович больно строг, а с девочками надо мягче. Интересно, что скажет княгиня по поводу случившегося.

– Княгиня? – уточнил Гришка.

– Мария Николаевна Чернышева – единственная кровная родственница Александры. Я думала, после смерти родителей Сашеньки княгиня заберет девочку к себе, но, видимо, в Петербурге своих дел хватает. – Анна Михайловна осуждающе фыркнула и, ища поддержки, вновь посмотрела на мужа.

– Благодарю за чай, – произнес Павел, поднимаясь.

Поправляя седло, ловко вскакивая на лошадь, он сжимал зубы, стараясь сдержать злость, колотившую тело. До имения он добрался меньше чем за полчаса, быстро зашел в дом и крикнул так, что в окнах задрожали стекла:

– Марфа, плащ и еды на трое суток! Ванька, накорми и напои Норда, на нем поеду!

Да, виноват... Павел подозревал, что, возможно, и простит себе яблоневый сад позже, но душа теперь этого не забудет никогда. Она разорвет его изнутри, и он будет проклинать тот день и час очень долго. Нет ничего страшнее, чем война с самим собой, ты всегда проигрываешь, потому что каждый раз, ранив врага, убиваешь себя.

Захотелось бежать. Бежать быстро и далеко, и чтобы пустили по следу свору собак, пустили так же, как за Александрой, и чтобы чувствовать весь тот страх, что рвал ее существо на части. «Где ты? Жива ли ты?» Тяжело дыша, Павел вышел из дома и попытался успокоить разгоревшийся в груди непокой. Бесполезно.

Собаки потеряли след Александры у ручья... Она умная девочка и нарочно сбивала их со своего пути. Вот только каково это – ступать в ледяную воду и идти ночью туда, где деревья сплетаются в сети.

«Я виноват, и я помогу тебе», – мысленно произнес Павел, не признаваясь в том, что его ведет в лес не только чувство вины. Он бы хотел исправить презрение в глазах Александры. Исправить на что-то другое.

Вскочив на Норда, Павел устремился к дому Стрыгина, затем взял правее и приблизился к сгущающимся елкам. Поиски нужно начинать немного дальше, сначала обнаружить ручей, а затем двигаться вверх рядом с водой. Скоро начнет темнеть, а это добавит проблем.

Среди деревьев Норд не мог двигаться быстро, но промедление давало возможность внимательно смотреть по сторонам и искать знаки. Недавно сломанная ветка... Кто ее сломал? Александра, когда бежала прочь от отчима, или гончие, несущиеся за ней? Здесь прошлогодний мох примят, и здесь тоже... Следы? Быть может. Ручей! Соскочив с Норда, Павел потянул его за собой, шагая широко, игнорируя острова еще не растаявшего снега. Сапог скользил, это раздражало, губы недовольно сжимались, глаза продолжали искать крохи присутствия Александры.

«Ты пошла дальше по воде...»

– Норд, быстрее. Нечего отдыхать.

Лес остался за спиной вовремя, вечерний сумрак уже накрывал поля и деревья тяжелым темным одеялом. Теперь Павел не мог угадать, в какую сторону двигалась Александра, были ли ее действия

продуманы или сил хватало лишь на то, чтобы смотреть вперед и слабо передвигать ногами. Хотела ли она укрыться в соседнем селе, собиралась ли на станцию или просто боролась за жизнь?

Ручей больше помочь не мог.

– Куда дальше, Норд?.. Давай к полю.

Теперь дорога позволяла ехать быстро, и Павел заспешил, все еще надеясь заметить то, что подскажет правильное направление. Но лучше бы пообщаться с кем-нибудь толковым, быть может, здесь видели незнакомую девушку...

Теряя терпение, Павел рванул к реке. На противоположном берегу располагалась небольшая деревенька: есть где задать вопросы и заночевать. Но Норд стал притормаживать раньше, недовольно фыркая, он тряс головой и слегка пританцовывал, будто боялся чего-то. Павел ругался, но более пристально вглядывался в темноту, отдавая должное чутью Норда. Тусклый свет привлек его внимание уже скоро, но очертания покосившейся лачуги проявились не сразу.

«Какой леший там живет?..»

– Да перестань ты, Норд! – резко произнес Павел и направился к свету.

Здесь жил старый человек – женщина, и это угадывалось сразу. На лавке ровно стояли глиняные горшки, на веревке висела давно потерявшая цвет юбка, или это вечер сделал ее простой и серой.

Осторожно открыв дверь, Павел зашел в лачугу и сразу встретился взглядом со старухой-цыганкой, сидевшей за столом. На ее лице отражалось спокойствие, а темные глаза будто спрашивали: «Почему так долго? Сколько можно тебя ждать?» Дымчатая кошка спрыгнула с табурета, сверкнула глазами и исчезла в углу тесной комнатки.

– Вечер добрый, – произнес Павел.

– Будем надеяться, что он добрый для тебя, – ответила старуха, поднимаясь из-за стола. Игнорируя гостя, она прошла к печке и принялась ее растапливать, выгребая щепки из ведра. – Ты зашел, и стало холодно.

– Я ищу девушку, она заблудилась в лесу и потерялась. Волосы темно-русые, глаза зеленые, рост небольшой. Платье... не помню,

какого цвета. Не встречала ты похожую незнакомку в ваших краях?

– Нет, – коротко ответила цыганка, не оборачиваясь.

Ее сгорбленная спина затряслась, и Павлу показалось, что старуха беззвучно смеется. Или не показалось?

Две свечи подрагивали, и их было мало, чтобы хорошо осветить лачугу. Мрачное старье, потрескавшиеся стены, низкий потолок, крошечное окошко сжимали и без того небольшое пространство. Стянув плащ, бросив его на один из сундуков, Павел сел на табурет и устало вытянул длинные ноги. Если старуха что-то знает, то ей придется в этом признаться.

Могли ли цыгане похитить Александру? Вряд ли. Они мирно живут то здесь, то там, и пока никто на них не жаловался. Бабы языком треплют, придумывая различные истории, вот и все.

– Я ищу эту девушку, она может погибнуть от холода и голода, так что хорошенько подумай, прежде чем я повторю свой вопрос.

– Ты не испугаешь меня, я долго живу на свете и знаю, каким огнем горят твои глаза. – Старуха развернулась, скрестила на груди руки и гордо подняла голову. Сейчас она походила на древнее дерево, у которого осталось всего несколько веток, чтобы закрыться от непогоды, но кора еще крепка и сможет защитить и в зной, и в холод. – Ты волк, голодный волк, и ты бежишь по следу, и кажется, что добыча близка, но это горькая ошибка. Ты лишь в начале пути, лишь в начале... Я не боюсь, твои глаза жгут, но не ранят, ты сейчас слаб и болен, мне жаль тебя.

Павел не ожидал услышать подобных слов, резко поднявшись, он шагнул к цыганке и навис над ней, точно глыба. Ощущение, будто старуха что-то знает об Александре, скользнуло по душе и натянуло нервы. Недобро усмехнувшись, Павел тихо произнес:

– Не надо плести паутину слов, я сам так умею. И я знаю, как твои речи могут связывать по рукам и ногам, я сам так людей связывал. Говори, что знаешь.

– Зови меня Гедой.

– Говори.

Цыганка посмотрела на Павла и презрительно скривила губы, будто перед ней стоял человек, для которого она бы и куска хлеба не отломала.

– Прокляла бы тебя, но нет мне права на то. Откуда мне знать, зачем ты пришел и какие черные мысли живут в твоей голове?

Протянув руку, Павел засмеялся. Цыганка хитрила, стараясь избежать ответа, но он не собирался давать ей такой возможности.

– Ты же читаешь по лицам и рукам, вот и посмотри, с добром я к тебе пришел или со злом.

Геда помедлила, убирая жесткие волосы под платок, затем взяла руку Павла и глянула на узор бегущих линий, ее сухие морщинистые щеки дрогнули, и выражение лица стало каменным.

– Твоя рука – лишь половина руки.

– Что это значит?

– Нет в тебе начала и нет конца, твоя рука – лишь половина руки.

– Ты говоришь чушь, а должна гадать и провидеть. Кажется, цыгане этим зарабатывают на жизнь?

– Не будет тебе покоя, не будет счастья, и умереть захочешь, так не умрешь. Будешь всегда бежать по следу и сгинешь, пропадешь, если не сыщешь кусок души потерянный. Это сердце мое рассказывает, а гадать по руке не стану, у тебя лишь половина руки, – в который раз повторила она.

– Я вижу, ты бесстрашная женщина, если говоришь такое чужаку.

– Кто-то печет хлеб, а кто-то его крошит, – ответила Геда, и Павел вспомнил тот момент, когда Анна Михайловна Вяземская сообщила об исчезновении Александры. Он тогда и не заметил, как раскрыл липкий приторный пирог с повидлом.

Глава 12

Андрей появился через час. С аппетитом приступив к ужину, он и Катю уговорил попробовать теплый салат с семгой и камамбером. Ольга то приходила, то уходила, оставляя после себя иронию, недосказанность и сладкий аромат цветов. Непринужденно беседуя с Андреем, она пила белое вино, посмеивалась над тем или иным гостем и шутила по поводу новых приобретений Мелихова. Но это не вызывало у Федора неприятя, наоборот, он откликнулся улыбкой и отвечал, что обязательно удивит всех осенью.

– Катя, вы помните об обещанном танце? – спросил Андрей. – Волнуюсь, как бы меня не опередили.

– Ничего, – возвращая бокал на стол, сказал Федор, – встанешь в очередь.

– Пусть очередь занимают за мной.

– Конечно, я не забыла. – Катя улыбнулась и поймала благодарный взгляд. – Но, кажется, больше желающих танцевать и не найдется. Посмотрите, все ведут серьезные разговоры.

– Вы недооцениваете гостей Федора. И почему вы думаете, что они серьезны? Просто немного объелись, разомлели, не более того.

– Обратите внимание на стол в левом углу. Мужчины так отчаянно спорят, будто от результата зависит их жизнь. Им точно не до танцев.

– Я даже знаю, о чем они спорят. О цене на какую-нибудь пыльную вазу, – весело ответил Андрей.

– Осторожнее, Господь может тебя наказать, – с иронией произнес Федор.

– Каким образом?

– Он поселит в твоей душе неискоренимый дух коллекционирования, и холодными вечерами ты начнешь перебирать почтовые марки или монеты, втайне надеясь, что таких больше ни у кого нет.

– Ты прав, этого я не переживу.

Иногда очень важно отдохнуть среди людей с хорошим настроением. Их фразы необременительно легки, чувства бодры, шутки уместны и не колют сердце, наоборот, радуют его. Катя сделала попытку ускользнуть от «Полтавы», сделать небольшую передышку, и

это удалось. Пятьдесят четыре пушки больше не палили у нее в голове. А может, прохладное шампанское сыграло свою роль...

– С каких слов вы начнете статью? – спросил Федор.

– Я этого вам не скажу.

– А первая фраза действительно столь важна? – Андрей посмотрел на приближающуюся Ольгу.

– Бесконечно, – ответила Катя.

– Не буду настаивать. Статья – это своего рода картина, а художники не любят, когда им заглядывают за спину.

– Вам никогда не хотелось начать рисовать или лепить? Вокруг вас столько интересных вещей, и они наверняка вдохновляют. Сложное начинает казаться простым, а воображение рисует новые формы и грани.

– Подобных талантов я лишен и, честно говоря, не страдаю от этого. Кажется, я не смог бы слепить из пластилина даже гриб. Или бы он у меня получился в стиле Сальвадора Дали. – Карие глаза Федора блеснули. – Представляете такой кошмар?

– Даже не пробуй, – усмехнулся Андрей.

– Все. Остаюсь с вами, – сообщила Ольга, усаживаясь за стол. На ее щеках появился румянец, она явно получала удовольствие от вечера и общения. На этот раз она заняла место рядом с Федором и теперь сидела немного правее. – Ты, как всегда, собрал самых скучных людей в Москве, но тем интереснее, мне нравится их шокировать. Это забавно. Катя, откройте читателям правду, расскажите в статье, что мир коллекционеров скучен, им чужды простые человеческие радости, а восторг может вызвать лишь нелепая чашка с отколотым краем. Да, Федор?

– Абсолютно с тобой согласен, – без тени обиды ответил Мелихов. – И обязательно с отколотым краем.

– Они даже не танцуют, – подавшись вперед с видом заговорщицы, сказала Ольга Кате. – Представляете?

– Федор, не могу вспомнить, кто это? Идет к нам... – произнес Андрей, бросив взгляд на приближающегося мужчину.

– Не знаю. Возможно, сопровождает кого-то.

Мужчина лет тридцати семи с коротко стриженной бородой и стильной прической (когда волосы находятся в строго выверенном художественном беспорядке) шел к столу, уверенно глядя прямо.

Походка и рука в кармане говорили о том, что ему чужды любые условности и что самое прекрасное на земле – свобода. Его личная уж точно.

– Добрый день, вы позволите? Я бы хотел пригласить вас на танец, – произнес он и, не дожидаясь ответа, протянул Ольге руку.

В ее глазах мелькнуло удивление, но она кивнула, поднялась и, отправив Андрею взгляд, который переводился как: «Неужели они все же танцуют?» – последовала за мужчиной.

* * *

Хвала устрицам и лайму. Развалившись за крайним столом, Глеб получал удовольствие от предложенной еды. Выбирая место, он подавил острый приступ наглости и устроился поближе к двери. Вряд ли здесь сидели значимые персоны, а значит, риск нарваться на лишние вопросы практически сводился к нулю.

Образ корабля все еще не давал покоя, и Глеб хорошо бы заплатил за недостающую информацию. Но платить некому. А если верить интуиции и отбросить нелепую вероятность совпадения, то картина получается следующая. Мелихов узнал, что у Екатерины Щербаковой есть то, что ему очень нужно, и предпринял определенные шаги, позволяющие приблизить ничего не подозревающую девушку к себе. Журналистка? Отлично. Пусть приезжает и берет интервью.

Именно Мелихов прислал приглашение на аукцион, где и случилось первое ненавязчивое знакомство. Притягивал, интриговал, располагал, использовал в своих целях.

«Ай-яй-яй, как нехорошо, Федор Дмитриевич, – тонко улыбнулся Глеб. – Разве можно так поступать с девушками? Поверьте, рано или поздно они узнают правду, и им она совсем не понравится... Или дальше уже не важно? И душевные страдания нашей Кати не имеют никакого значения? А я вот догадываюсь, кто поможет ей открыть глаза...»

Неторопливо поедая устрицы, Глеб следил за Мелиховым: за его взглядами, направленными на Катю, выражением лица, четкими движениями. Больше никто не был приглашен к его столу, и лишь

позже появилась роскошная женщина в длинном бордовом платье, а затем уж и Андрей Кравцов.

«Давай разбираться, кто ты такая и кем приходишься Мелихову... Нет, не любовница. Вряд ли бы он тогда посадил тебя рядом: ты можешь спутать карты, почти разложенные пасьянсом».

В качестве развлечения Глеб принялся рассматривать незнакомку и с сожалением пришел к выводу, что она не вызывает у него желания. Бесспорно красива. Полная грудь, тонкая талия, и с бедрами все в порядке, умение держать себя – на твердую пятерку, но это тот случай, когда лед берет верх над теплом. Царевна-лягушка, скинувшая с себя пупырчатую кожу, но оставшаяся неприятно холодной.

«Не хочу я тебя, чего и представить-то сложно. Прекрасная моя, подскажи, что нам с этим трагическим фактом делать? – мысленно протянул Глеб, барабая пальцами по краю стола. И добавил: – Поверь, и тебе, и мне было бы гораздо лучше, если бы я тебя хотел».

А делать он мог только одно: встать и пригласить незнакомку на танец. Во-первых, надо бы узнать, что почем. Во-вторых, сейчас она мешает Кате слушать Мелихова и, возможно, думать об Андрее. В-третьих, скучно. А в-четвертых, никто пока не танцует, и интересно, откажет незнакомка или нет?

«Андрей, Андрей... Ты, надеюсь, у нас достойный персонаж? А то где я третьего принца искать буду? – Но Глеб знал, что еще один не понадобится, судьба уже выбрала двух претендентов и остается только ждать. – Интересно, если Катя-Катерина вообще ни в кого не втрескается, мне штрафную шестую женщину потом в хорошие руки пристраивать? Эй, Небесная канцелярия, какие планы у нас на дальнейшую счастливую жизнь?»

Громыкнув стулом, Глеб встал, с улыбкой бросил старичку-соседу: «Прошу прощения, погорячился» – и направился к столу Мелихова, подбирая по пути ту роль, которая могла бы сейчас сработать. Законченная скотина? Нет, немного не то. Идеален и безупречен? Самому скоро тошно станет. Очарователен и небрежен? Почти. Глеб усмехнулся, решая интуитивно действовать «по ходу пьесы».

– Вам удалось меня удивить. Я как раз говорила Федору, что он опять собрал скучнейшее общество, которому толщина пыли на саркофагах интереснее танцев.

– Замените в любом обществе вино на более крепкие напитки, и вы получите совсем другой результат.

Они дошли до центра зала и встали напротив друг друга, Глеб притянул партнершу к себе. Музыка, поймав первую пару, желающую потанцевать, стала громче, шум голосов потонул в стройной и плавной мелодии.

– Почему вы не спрашиваете, как меня зовут?

– Давайте я поработаю предсказателем, – Глеб сдержанно улыбнулся, интригуя. – Виктория, Карина. Эти имена вам бы подошли. И, наверное, вы управляющая отелем или...

– Никогда никому не гадайте, у вас абсолютно нет таланта. Я – Ольга, и уже много лет являюсь финансовым директором Мелихова.

«Ну, спасибо, что сказала...»

– Очень приятно. Глеб Трофимов. Бездельник и тунеядец.

– А если серьезно?

– Покупаю и продаю антиквариат. Работа не пыльная, и на устрицы хватает.

– Это многое объясняет.

Чувствовалось, что Ольга не из числа женщин, испытывающих радость от комплиментов и восторга в глазах мужчин. Ее уверенность в собственной красоте была монолитна и не требовала подтверждения. И Глеб не сомневался, выбирая партнера на время, Ольга хладнокровно взвешивает плюсы и минусы и лишь потом принимает решение. А расстается всегда быстро и просто, не вспоминая на следующий день имя того, кто провел с ней достаточное количество времени. Да, не Царевна-лягушка, а Лягушка-царевна.

«Земноводные – это точно не ко мне, – иронично подумал Глеб, поглядывая на центральный стол. Сидят, никуда не торопятся... Андрей наклонил голову к Кате, что-то сказал, а затем они поднялись и тоже направились к центру зала. – Давайте-ка поближе ко мне, голубки. А то я сегодня без слухового аппарата...»

– Думаю, одного танца нам будет мало, – произнес Глеб, заглянув в глаза Ольги.

– Не слишком ли много для первого раза? – останавливаясь, спросила она. По выражению лица было ясно, что решение еще не принято: согласиться или отказать.

– Вы торопитесь вернуться в общество скучных стариканов? Только скажите, и я отведу вас к самому пыльному из них.

Ольга засмеялась и благосклонно ответила:

– Ладно уж.

Глеб вновь посмотрел на Мелихова, пытаясь угадать, о чем тот думает. Федор покинул свое комфортное место и пошел от стола к столу, уделяя внимание гостям, обмениваясь с ними короткими фразами. Но его взгляд постоянно устремлялся к Кате.

«Стережет хищник добычу», – прокомментировал Глеб.

* * *

Катя положила руки на плечи Андрея и почувствовала прикосновение его ладоней к талии.

Когда она танцевала последний раз? На новогоднем вечере в редакции. Они пили разноцветные коктейли, наспех сотворенные дизайнером Володькой Суховым, представляли, что сверкающая мишура – это боа, потом устроили лотерею с небольшими, но забавными подарками и читали под елкой детские стихи, чтобы получить право загадать желание. Незамужние девчонки почти все кричали: «Любви! Любви!», хохотали и звенели бокалами. А Катя о любви не мечтала, после болезненного питерского расставания ее душа затихла и пребывала в туманном счастье от того, что живы родители, светит солнце и столько хорошего и интересного есть вокруг. Возможно, это был внутренний побег или просто требовался длительный перерыв, стирающий старую занозистую боль.

– Как думаете, сколько еще дней понадобится для статьи и интервью? Я бы предпочел, чтобы вы не покидали нас как можно дольше.

– Сначала мне казалось, что неделя – это много и здорово, – улыбнулась Катя. – А сейчас... Честно говоря, маловато. Каждый день

не похож на предыдущий и не хочется пропустить важное.

– Нет, я отказываюсь говорить о работе, мы должны отдыхать. Посмотрите на Ольгу, нам надо брать с нее пример. Уверен, она сейчас разговаривает не о цифрах и отчетах. – Андрей развернул Катю так, чтобы она смогла увидеть рядом танцующую пару. – Тем более что мне придется уехать через час. Отец гостил у двоюродного брата, и я обещал встретить его на вокзале. На самолетах он летать побаивается, а днем возвращаться не любит, говорит – день потерян.

– Вы хороший сын.

– Стараюсь.

Катя почувствовала на себе цепкий взгляд и заметила, что партнер Ольги внимательно на нее смотрит. В его глазах присутствовало одобрение и, пожалуй, еще капля любопытства. В груди заерзало странное, неловкое чувство, будто они знакомы, и Катя отвернулась, стараясь не сбиться с ритма и шага. Нет, она точно никогда не встречалась с этим мужчиной.

– Подобный банкет требует огромных усилий.

– У Федора хорошая команда, да и он сам всегда держит руку на пульсе. Я рад, что нас с ним свела судьба, вряд ли бы я получил такой глобальный опыт во многих сферах, если бы трудился в другом месте. Катя, а что вас обычно вдохновляет? Журналистам же тоже требуется приличная порция вдохновения.

– Очень многое, – мягко ответила она. – И музыка, и дождь, и витрина книжного магазина, и чье-то случайно сказанное слово, и даже, как ни странно, душевная боль.

– Нет, я категорически против вашей душевной боли. – Ладонь Андрея немного поднялась и опустилась на прежнее место, он будто погладил Катю, сожалея, что ей приходилось страдать. – Лучше бы в вашей жизни было только хорошее.

– Так не бывает. И, наверное, это правильно. После внушительных встрясок судьбы начинаешь смотреть на многие вещи иначе. Главное, чтобы они случались как можно реже и всегда были исправимы. – Катя тепло улыбнулась Андрею и добавила: – Я сейчас как раз решаю одну задачку, которая неизвестно куда меня приведет. И я могу лишь надеяться, что принятое решение окажется верным и не придется ни о чем жалеть.

– Если понадобится моя помощь, только скажите. Я постараюсь сделать все, чтобы в вашей жизни было как можно меньше поводов для грусти.

– Спасибо.

Андрей уехал, и Катя осталась в обществе Ольги и Мелихова. Внимательно слушая их разговоры, она иногда поддерживала ту или иную тему и, если требовалось, отстаивала свою точку зрения. Ольга, подшучивая над Федором, два раза пригласила его на танец, он соглашался, добавляя: «Ты поздно взялась меня перевоспитывать, место древнего кувшина – на полке».

Гости постепенно расходились, но уже угадывалось, кто обязательно останется до конца вечера: не торопились правая сторона зала и несколько столиков слева, занятые в основном молодыми людьми. Поболтав с подругой по мобильному телефону, Ольга распрощалась и тоже покинула зал. Глядя ей в спину, Катя еще раз отдала должное ее безупречной красоте.

– Мой любимый десерт, попробуйте, – предложил Мелихов, принимая у официанта белоснежную тарелку с возвышающейся на ней башенкой из воздушного зефира, малинового крема и аккуратного шарика сорбета. – Хочу, чтобы вы попробовали, интересно, совпадут ли наши предпочтения.

– Очень вкусно, – через минуту выдохнула Катя и весело добавила: – Я сегодня столько съела, что, кажется, теперь требуется пробежка.

– Лучше давайте я приглашу вас в гости, в прошлый раз я торопился на встречу и лишил вас возможности внимательно осмотреть мою небольшую домашнюю коллекцию. К тому же в тихой обстановке вы сможете задать мне еще несколько вопросов. А здесь мое присутствие уже не обязательно.

– Хорошо, – кивнув, ответила Катя и поймала в душе короткую дрожь. Мелихов приглашал не только к себе, он еще и звал туда, где на подставке стояла копия «Полтавы», где уместно задать вопрос о корабле и получить на него ответ. Никакая история не может тянуться бесконечно, рано или поздно она приходит к завершению... Неужели то самое время наступило?

– Но, прежде чем мы уйдем, пожалуйста, подарите мне танец. Кажется, я его заслужил, честно отвечая на ваши вопросы, –

улыбнулся Федор, и в его глазах блеснули теплые огоньки.

Поднявшись, он протянул руку. Катя тоже встала и коснулась пальцами широкой ладони.

– С удовольствием.

Ей требовалось хотя бы десять минут, чтобы выстроить мысли в ряд, отсечь ненужное, притянуть важное и остудить сердце. Хладнокровие понадобится, когда речь пойдет о «Полтаве», когда придется говорить про билет на аукцион и затронуть тему приглашения в отель.

Но вырастить в себе временное равнодушие не получилось, танец с Федором отличался от танца с Андреем. Похожая музыка, похожие движения, однако совсем другая атмосфера кружит над головой и обволакивает тело. Рука Мелихова легла на талию на сантиметр ниже привычного. Сантиметр... Кто его угадает и почувствует? Такая мелочь. Но Катя ощущала грань, и догадка, что это не случайно, обжигала душу и не давала сосредоточиться.

Федор не произносил ни слова, и Катя молчала, прислушиваясь к его дыханию.

Стоило перешагнуть порог, и на этаже Мелихова загорелся свет, но не везде, а в стороне кабинета и в столовой.

– Кофе или чай?

– Нет, спасибо, – ответила Катя, желая как можно скорее оказаться в библиотеке.

Нельзя оттягивать неминуемую дуэль: чем раньше, тем лучше. Да, пусть так.

Она готова услышать, но пока не готова ответить.

И нельзя забывать главное – Федор Мелихов использует ее в своих целях.

– Давайте начнем с кабинета. Сначала рутинное – вопросы, а потом возобновим экскурсию.

Приглушенный свет кабинета приглашал к откровенному разговору. Катя села в то же кресло, что и при первой беседе, Федор, сняв пиджак и повесив его на спинку стула, устроился на диване немного левее. Положив ногу на ногу, расслабившись, он остановил сосредоточенный взгляд на Кате.

Лицо Федора разгладилось, сейчас он выглядел моложе лет на пять. Открытый лоб, прямой крупный нос, волевой подбородок...

Странно, почему на аукционе Мелихов показался сухим, жестким человеком. Или всему виной глубокая морщина между бровями?

– Мой вопрос может показаться не слишком приятным, но...

– Не стесняйтесь, задавайте. А если трудно, намекните, и я озвучу его сам.

– Вы когда-нибудь задумывались о том, кому достанутся собранные вами богатства? После...

– После смерти?

– Да.

– Честно говоря, не особо. С одной стороны, завещание давно написано. На тот крайний случай, если я покину этот мир внезапно. Не стану называть адресатов, скажу лишь, что большая часть коллекций отойдет музеям и галереям. С другой стороны, я оптимистично смотрю на жизнь, и я совершенно не против жениться и обзавестись детьми. А если вы решитесь спросить, почему же я до сих пор не женат, то ответ банален и прост. Не встретил ту, которая сделала бы меня лучше. Быть может, это звучит эгоистично, но я считаю, что настоящее чувство делает человека лучше. Хотя бы на пару дней. – Федор засмеялся, и Катя широко улыбнулась в ответ.

– Какую роль в вашей жизни играют книги? Я слушала лекцию и могу с уверенностью сказать, что вы отличный рассказчик. Любите ли вы только читать или когда-нибудь хотели бы взять перо, чернила и...

– Катя, вы преувеличиваете мои способности. Я скорее собиратель чужих историй, чем создатель новых. А книги – это все. Это долгая дорога к другим берегам и не менее долгая к самому себе. Пойдемте, я покажу вам те книги, которые читал неоднократно и буду перечитывать. Не обязательно от корки до корки, иногда требуется лишь фраза. Отыскать ее – вот задача.

– Я тоже очень люблю и ценю книги.

Когда они зашли в библиотеку, Федор указал рукой на стеллажи и предложил:

– Попробуйте найти ту фразу, которая вам сейчас нужнее других. Любая книга, наугад выбранная страница... Или загадайте номер страницы. Третий, четвертый абзац? А если поймете, что ошиблись, попробуйте еще раз.

Из-за лабиринта стеллажей Катя пока не могла видеть «Полтаву», но всем сердцем чувствовала ее зов. Пусть не оригинал, а копия. Но

все те же пятьдесят четыре пушки, и паруса, и флаги...

Сделав несколько шагов, она взяла с полки немного потрепанную временем книгу в темно-коричневой обложке и открыла ее на первой попавшейся странице.

«Буду читать слева», – заранее решила Катя, забыв от волнения выбрать абзац.

Это оказался сборник стихотворений, взгляд побежал по строчкам, губы сжались и дрогнули.

Вы безупречны, я – несчастна.
Молчать иль звать, рыдать иль верить?..
К чужим мольбам я безучастна,
Мой взгляд лежит у вашей двери.
Не выбирайте – слов не нужно,
Две памяти, две строчки, две игры —
И коркой пресной и невкусной
Гремит печаль на дне судьбы.
Я вас люблю – какая проза!
Какой удел и суета.
Остыли руки на морозе,
И губы шепчут: «Никогда...»
Но вероломству будет время,
И вы, и я – густых кровей,
Эй, секунданты, кто у цели?
Кому теперь седлать коней?
Вы безупречны, я – несчастна.
Молчать иль звать, рыдать иль верить?..
О, как же глупо, как напрасно
Победы вы моей хотели...

– Расскажите, о чем прочитали?

– Нет, – Катя мотнула головой, захлопнула книгу и поставила ее на место. – Вы хотели показать свои любимые произведения.

Она догадывалась, для чего Федор пригласил ее в библиотеку, и не сомневалась, что сейчас придется обогнуть стеллажи и выйти к

окну. Строки стихотворения продолжали звучать в голове, обретая особый смысл, и никак не получалось их перечеркнуть.

Копия модели «Полтава» на этот раз не утопала в лучах солнечного света, она стояла в полумраке, отчего казалась таинственной и загадочной. Конечно, этот корабль выглядел намного лучше оригинала, но история не пропитала плотные нити его парусины, не оставила мелкие царапины на корме и бортах.

– Вот, смотрите, семь прекрасных полок с шедеврами литературы.

Но Катя не могла обернуться, на плечи неожиданно навалилась многовековая усталость, сковавшая руки и ноги. Во рту появился солоноватый привкус, будто море пропитало воздух и сделало его тяжелее. Слишком долго душу сковывало волнение...

А какая разница, кто заговорит о «Полтаве» первый?

– Вы рассказывали, что ищите оригинал этой модели... Есть успехи? – произнесла Катя и мгновенно почувствовала облегчение, будто наконец-то кораблю разрешили vyplыть на белый свет и он простил своей хозяйке долгое равнодушие.

– Пока нет, но я по-прежнему не теряю надежды.

Вот теперь Катя обернулась быстро, жгучая потребность заглянуть в глаза Мелихову и поймать в них ложь застучала молоточками в висках.

«Я вижу, вы обманываете меня».

«Однако и вы со мной не слишком откровенны».

«А разве я должна говорить то, о чем меня не спрашивают?»

«Не должны, но, заметьте, я и не настаиваю».

– А что будет, если вы отыщете оригинал?

– Во-первых, на какое-то время я, безусловно, стану счастливым, – сдержанно улыбнулся Федор. – Во-вторых, я предложу хорошую цену владельцу, и к концу сделки довольны будут все.

– Вдруг вам не захотят продать корабль?

– Захотят.

– Почему вы так уверены?

– Если бы «Полтава» была у какого-либо коллекционера или принадлежала музею, я бы уже знал. Значит, она не в руках знатока и этому человеку дорога лишь как воспоминание. Зачем отказываться от приличной суммы? Лучше продать то, что, по сути, не очень-то и требуется.

Их взгляды встретились, и Катя долго не отводила глаз, испытывая силу воли. Она ожидала напряжения, смятения, смущения и даже страха, но душа не сжалась и не потребовала побега.

– Речь действительно о... весомой сумме?

– Например, три миллиона. Матвей Глинников не был известен в широких кругах, в большей мере он работал над различными изобретениями. Интересный персонаж прошлого, между прочим. – Федор заложил руки за спину и продолжил: – Глинников обладал умеренным богатством, но имел графский титул. Различные поделки, если можно назвать их так, для него являлись скорее хобби.

«Федор Дмитриевич, а вдруг мне понравится обладать вашей мечтой? Вы сильно рискуете...» – мысленно улыбнувшись, подумала Катя, подходя ближе.

– Мы забыли про ваши любимые книги, – произнесла она после паузы, – а я бы хотела с ними познакомиться.

Катя надеялась заметить на лице Мелихова хотя бы тень разочарования, но он остался совершенно спокоен и еще раз указал на полки, приглашая изучить их.

* * *

Давным-давно...

Спать пришлось на полу возле печки. Геда протянула старое, пахнущее прелой травой одеяло, пробормотала под нос неразборчивые фразы и, прихрамывая, ушла в угол комнатенки. Павлу даже показалось, будто старая цыганка превратилась в один из сундуков, и он усмехнулся, представив это.

«...ты волк, голодный волк, и ты бежишь по следу, и кажется, что добыча близка, но это горькая ошибка. Ты лишь в начале пути, лишь в начале...»

Что знает Геда и о чем молчит? И как вытряхнуть из нее эти знания? Или в ней бурлит цыганская кровь, позволяющая приоткрывать завесу тайны?

Да, он бежит по следу, но не за добычей... Теперь уже нет.

Павел закрыл глаза и прислушался к тяжелому шумному дыханию Геды. Она не спала.

– Скажи правду, я не причиню ей зла.

– Ты не причинишь ей зла, даже если захочешь. Ветер на спад пошел.

– Я должен знать, куда мне двигаться дальше, я должен успеть помочь.

– Завтра дорога уведет туда, где вторая половина твоей руки, и дожди застучат по сердцу, застучат... Боль ждет. Ты узнаешь, что такое боль.

– Не надо обо мне, скажи о ней.

Геда больше не проронила ни слова, и Павел лег, подложив руку под голову. Сон не шел, но не из-за слов цыганки (они не коснулись души), мысли об Александре не давали покоя.

Утром, игнорируя ноющий голод, Павел вышел из лачуги и проведаль Норда. Задерживаться у цыганки он не собирался, надо торопиться, возможно, получится что-либо узнать в деревне на той стороне реки.

– Возьми, – раздался голос Геды за спиной, и Павел обернулся.

– Что это? – спросил он, глядя на клочок красной ткани.

– Платок.

– Зачем он мне?

– Не каждому зверю верят, когда он подходит близко. Сохрани его, и, может, когда-нибудь он каплей упадет на засохшую семечку.

– Кажется, это только часть платка.

– Тебе и этого хватит.

Поправив дорожную сумку, Павел вскочил на Норда и посмотрел в сторону деревни.

- Где лучше перейти на тот берег?
- А тебя там никто не ждет. Твоя дорога прямо.
- Значит, скажешь, куда ехать?

Геда запахнула полы вязаной кофты, поежилась, прищурилась и посмотрела на небо, будто именно там, между медленно плывущих облаков, должен был появиться ответ. Павел терпеливо молчал, не желая спугнуть появившуюся надежду. Если старой цыганке нужно получить разрешение у неба, то он подождет.

– Поезжай в Сусловку, зайдешь в кузню и все узнаешь, – наконец сказала Геда, развернулась и направилась к двери.

– Благодарю, – искренне произнес Павел, понимая, что вопросы задавать бесполезно, цыганка на них не ответит. Значит, Александра добралась до Суловки. Это приличный путь, и он уж точно не был легким для юной девушки, выброшенной из дома на произвол судьбы. Но слишком быстро. У нее была лошадь? «Ты молодец... Дождись меня, я помогу». – Поехали, Норд, – резко сказал Павел и отчего-то тоже бросил взгляд на небо.

Геда зашла в лачугу и прислушалась к удаляющемуся топоту копыт.

– Не найдешь ты ее в Сусловке... – пробормотала она, глядя на одеяло, расстеленное на полу. – Для Александры ветер на спад пошел, а твой только набирает силу. Скачи, тебя ждет то, что ты заслужил.

Глава 13

В редакции Катя не была несколько дней. Такое и раньше случалось много раз, но почему-то именно сейчас казалось, будто пролетели недели или даже месяц. Стены отеля «Гасман» держали крепко, предлагая и бассейн, и тренажерный зал, и ресторан со вкусными завтраками, обедами, и ужинами. Ноутбук лежал на столе, расписание ближайших конференций обещало много нового и интересного. Но душа начала тихонько просить свободы, и желание выпить привычную чашку кофе за рабочим столом требовало немедленно собраться и выйти на улицу. Кате нужно было покинуть отель, чтобы разорвать нити (пусть и ненадолго), уже связывающие ее с Мелиховым, и хорошенько подумать о прошлом, настоящем и будущем.

В редакции она не стала ждать лифта, а буквально вспорхнула по лестнице на свой этаж. Знакомые запахи, стопки журналов и газет, распечатки, недружное кряхтение принтеров, давно не цветущие орхидеи на подоконниках... Это именно тот мир, который сейчас очень требовался.

Поздоровавшись со всеми, выпив кофе сначала с маленькой рыженькой Олей Воробьевой, а потом с задумчивой Ириной Григорьевной, Катя села за стол и минут пять просто улыбалась, подперев щеку кулаком. В подставку для корреспонденции уже накидали писем, Володька Сухов оставил на столе свой любимый бонсай с запиской: «Я в отпуск. Полей через неделю. Буду благодарен всю жизнь», кто-то стрескал остатки имбирного печенья и вместо него оставил клейкий листок-напоминатель: «Умирала от голода. Прости, искуплю».

– У меня хорошая работа, – прошептала Катя и открыла ноутбук.

Помимо статьи про Мелихова и интервью, были еще задания, требующие сосредоточенности и приличной траты времени. И она с удовольствием взялась за наиболее сложные, оставляя простое на потом. Андрей спрашивал про вдохновение... Иногда достаточно оказаться в привычном, родном месте, и слова сами польются на белый лист, превращаясь в нетерпеливых чаек, требующих

немедленно добавить и гладь моря, и скалистый берег, и небо, и солнце...

Ближе к обеду Катя пришла в кабинет Горина и дала послушать некоторые фрагменты диктофонной записи. Одобрительно кивая, он смотрел в окно, а потом, поправив очки, сдержанно похвалил и сказал, что дальше не станет вмешиваться, так как Кате контроль не нужен. И это было признание ее таланта.

«Сергей Юрьевич, спасибо...»

В три она собралась и поехала на Казанский вокзал. Теперь, когда Катя душой оторвалась от отеля, она могла вспомнить в подробностях вчерашний вечер и разобрать его на фразы и взгляды. Электричка постукивала и убаюкивала, деревья мелькали, сердце билось то взволнованно, то ровно. Бронницы. Дорога мимо дачных домиков, колонка, зеленый забор... Перешагнув порог, Катя скинула туфли, прошла в тесную кухоньку, достала из сумки бутылку минеральной воды, села на диван и подтянула ноги.

Три миллиона.

За вещь, которая ей не нужна.

Которая не нужна была и Матвею Глинникову. Он не собирался возвращаться за кораблем, а попросил его уничтожить. Наверное, злился на того, кому оставил подарок...

«Полтава» – единственный шанс привести этот участок в порядок, перестроить его, вдохнуть в фундамент и стены дома жизнь. Иначе пройдут два-три года, и протекающая во многих местах крыша начнет осыпаться, доски пола провалятся, щели увеличатся, и сюда уже не приедешь вот так запросто посидеть на диване. От наследства, пропитанного воспоминаниями о бабушке и дедушке, ничего не останется.

«Я обещала им все исправить, так, может, пришло время?.. Когда-нибудь и у меня появятся дети, а затем внуки. – Катя улыбнулась и сделала глоток воды. – Пусть они играют здесь и потом, через много лет, вспоминают детство и... меня».

Тема «Полтавы» обязательно соприкасалась с Мелиховым, Катя встала и под скрип половиц заходила по кухне. Мысли и чувства сталкивались, не давая возможности остановиться.

Как так получилось, что мнение Федора стало для нее важным?
Продажа корабля – проигрыш или нет?

Стоит ли размышлять о том, что подумает о ней, по сути, посторонний человек?

Отчего-то вспомнился танец, рука на ее талии, сантиметр, нарушающий покой, строки стихотворения, прочитанного в библиотеке...

Катя подошла к окну, распахнула его и посмотрела на старую яблоню, протянувшую ветки к сараю, на разросшуюся черную смородину и окруженную травой клубнику. В душе уже теплился ответ на все вопросы, но согласиться с ним... Невозможно.

Ей трудно продать корабль, потому что это то, что связывает ее с Мелиховым. Стоит разорвать нить и... все.

«Я буду ему не нужна».

Катя улыбнулась, тряхнула головой и произнесла вслух:

– Глупость, глупость, глупость...

Между ними же нет ничего кроме статьи, интервью и «Полтавы». Катя вновь заходила по кухне, но теперь ее шаг был гораздо медленнее. Как только материалы для текстов окажутся собраны, она уедет из отеля, вернется домой и жизнь потечет по привычному руслу. Будут новые задания Горина, встречи с интересными людьми, поездки.

А «Полтава»?

Катя небрежным жестом убрала съехавшую прядь от лица. Рано или поздно Мелихов сам заговорит о продаже, сделка случится, и каждый пойдет своей дорогой.

– Я очень хочу привести дом в порядок, – прошептала Катя, стараясь переключить мысли. – Только это важно.

Мобильник загудел, она взяла сумку, достала телефон и с удивлением прочитала сообщение от Мелихова: *«Катя, я потерял вас. Сегодня планируете возвращаться в отель?»*

Они не договаривались о встрече, и этот день целиком и полностью принадлежал ей. Вчерашний вечер требовал передышки, и нужно было наедине с собой сделать вдох и выдох. Катя опустила руку и замерла, глядя на давно остановившиеся круглые настенные часы. Когда-то они тикали, а теперь... Надо не забыть поменять батарейку.

Сообщение было странным. Зачем ее искать, да и не обязана она постоянно ночевать в отеле. «Наверное, Федор Дмитриевич, вы опасаетесь, что я сбегу с кораблем и продам его кому-нибудь, например, за три миллиона сто пятьдесят тысяч. Неплохая идея, кстати. Представляете, кукла на веревочках перехитрила Карабаса-Барабаса».

Немного помедлив, она устроилась за столом и ответила: *«Пока не знаю»*.

«Если надумаете, я могу прислать за вами машину», – прогудело через минуту.

«Спасибо, я доберусь сама».

Катя долго ждала ответа, но его не последовало. Вытащив из сумки ноутбук, она открыла файл под названием «Статья – Мелихов» и коснулась пальцами клавиатуры. Откуда берется вдохновение? Оно сплетается из чувств, бегущих по венам, оно собирается из миллиона «не могу» и тысячей «нельзя», оно выходит из тени и начинает дышать в спину, точно хищный зверь, или влетает в окно солнечной птицей, дарующей свет. И никто не знает, какое вдохновение оказывается сильнее и крепче: то, что приходит с болью, или то, что лучится счастьем.

– Я останусь на ночь здесь, – тихо произнесла Катя, и пальцы побежали по клавиатуре, издавая легкий стук, сливающийся со стуком сердца.

* * *

Давным-давно...

Поля лежали со всех сторон точно пуховые коричневые одеяла, дорога извивалась змеей, и Саша поняла, что идти осталось не так уж и долго. В мешке еще имелись лепешки, но аппетит пропал и приходилось заставлять себя есть хоть понемногу. Вот если бы выпить кружку горячего молока с медом, может, тогда ноги перестали бы спотыкаться и не клонило в сон. Молоко с медом Саша не любила, но

она помнила, как в детстве мама лечила ее этим сладким невкусным напитком, к сожалению, время нельзя повернуть вспять...

Дорога пошла вниз, а потом взлетела, кинула вправо, а затем увела влево, и опять – вправо и влево, интересно, кто давным-давно проложил настолько витиеватый путь и почему потом его не исправили на более прямой?

«Янко говорил, я увижу церковь... Так вот же деревянные купола!»

Саша протянула руку, будто существовала возможность дотронуться до них, а затем остановилась и заплакала: сначала тихо, так, что только вздрагивали плечи, а потом навзрыд, дрожа всем телом, всхлипывая и бормоча молитву. Немного успокоившись, перекрестившись, Саша пошла дальше. «Один, два, три, четыре, пять...» – считала она шаги.

Суловка оказалась большой и длинной. Дома то тянулись цепочкой, устремляя в небо печные трубы, то кучковались, нарушая ровный строй. Маленькая чумазая девочка с длинной светлой косой подсказала, где найти кузню, и Саша попробовала привести растрепавшиеся волосы в порядок, желая выглядеть хоть немного лучше.

Широкие ворота были распахнуты, от ладной невысокой постройки, находившейся от дома шагах в двадцати, неслись четкие удары молотка о металл. Взгляд выхватил две большие бочки, кем-то заботливо собранные в кучу ветки, необычную резную скамейку и красивую узорчатую кованую решетку, привалившуюся к забору.

– Прошу прощения! – громко произнесла Саша, но ее голос утонул в шуме кузни. Тогда она подошла ближе и увидела невысокого, крепко сложенного мужчину с седой бородой, черными растрепанными волосами и каплями пота на лице. То ли цыган, а то ли нет... – Прошу прощения, – повторила Саша, чуть привставая на цыпочки, будто от ее роста зависело, как далеко улетит фраза. – Я пришла к вам.

Оторвавшись от работы, мужчина опустил молоток, вытер лоб тыльной стороной ладони и хмуро посмотрел на незваную гостью.

– Кто такая?

– Александра... Вы Степан?

– Он самый.

– Меня к вам Янко прислал.

– Янко?

– Да.

– Ладно, заходи. И что он просил передать? – Степан подхватил тряпку, давно потерявшую истинный цвет, тщательно вытер руки и смерил Сашу внимательным взглядом.

– Он сказал, вы мне поможете.

– Раз от Янко, то помогу, – согласился Степан. – Бежишь-то куда?

Вздыхнув с облегчением, Саша стянула с плеча веревку мешка. Какое счастье, что ее не прогнали, и какое счастье, что не придется объяснять, как она оказалась в таком жалком положении. У Степана глаз наметан, его не обманешь, да и зачем врать...

– В Петербург, – честно ответила Саша.

– Поедем завтра – утро вечера мудренее, а сегодня поешь и выплещись на дорожку. Пойдем.

Жена кузнеца, наверное, тоже была привычна к неожиданным гостям. Не задав ни одного вопроса, она накормила Сашу кислыми щами с серым хлебом, быстро и ловко застелила кровать и ушла, взяв за руку кареглазого мальчонку лет пяти, крутившегося поблизости. Саше показалось, будто она уже сто лет не спала на простынях, и, когда щека коснулась подушки, глаза сразу закрылись, дыхание успокоилось, и пришел крепкий сон.

Степан разбудил Сашу рано утром, тряхнув за плечо.

– Едем.

И опять дорога, леса и поля.

Лошадь досталась низкая, с широкой спиной и покладистым характером. Правила Саша самостоятельно, Степан скакал рядом на резвом вороном коне, и ему приходилось притормаживать, чтобы сильно не уйти вперед.

– Ближе к вечеру будем в Петербурге, успеем засветло. Где тебя оставить? Родня хоть тебя ждет?

Княгиня Мария Николаевна Чернышева не ждала племянницу, и Саша в ответ покачала головой. Удивление от того, что осталось ехать так мало (а путь уже казался бесконечным), вызвало робкую улыбку и блеск слез в глазах. Если бы ее согревали хорошее платье и теплая

бархатная накидка, если бы волосы не спутал ветер и они не потеряли чистоту и блеск, если бы лицо и тело не требовали воды и пористой губки, если бы... Она бы тогда, может, и произнесла имя княгини, но увы.

Саше не хотелось, чтобы Степан стал свидетелем ее позора, Мария Николаевна вполне могла не пустить грязную, плохо одетую девушку на порог. Петербург большой, и надо еще понять, как отыскать дом тети.

– Оставьте меня... ближе к рынку. Там же есть торговые ряды?

Степан кивнул и, не задавая больше вопросов, перевел взгляд на дорогу.

«Как узнать, где живет Мария Николаевна? Получится ли отыскать ее дом до ночи?» – мысль заволновалась, задергалась, и Саша принялась нервно кусать губы. На рынке люди простые, и, вероятно, получится поспрашивать их про дом княгини Чернышевой...

Петербург ошеломил и вызвал особое чувство трепета, Саша непрерывно оглядывалась по сторонам, стараясь не пропустить ничего интересного. Помня рассказы матери, она была готова и к красоте, и к монолитности, и к размаху города. Но уверенно стоящих зданий, снующих экипажей, убегающих вверх ступенек, фонарей, витрин магазинов, уличных вывесок оказалось так много, что голова закружилась и слабость сковала руки и ноги. Увиденное приравнилось к новому испытанию, перед Сашей располагался еще один дремучий лес – каменный. Страх подкатил к горлу.

– Дальше надо пешком, – соскочив с коня, сказал Степан и пригладил седую бороду. – Есть неподалеку толкучий рынок, там и мясной, и рыбный, и мучной ряды имеются. И посуды вдоволь. Я месяц назад заезжал к ним, цены на птицу узнать хотел.

– Спасибо, – поблагодарила Саша и медленно, приняв руку Степана, слезла с лошади. – Подскажите, как мне добраться до этих рядов?

– Иди прямо, пока не увидишь желтое здание с колоннами, потом сверни направо. И все. Не волнуйся, народ добрый, подскажет. И не горюй, Бог всегда помощь пошлет, если дела твои добрые.

– Спасибо, – повторила Саша. – Большое спасибо.

Даже простые слова поддержки сейчас значили очень много, да и правда это: сколько хороших людей она уже повстречала за

прошедшие несколько дней. Зачем вспоминать яблоневый сад и отчима, нужно думать о тех, кто протягивает руку в трудную минуту, и самой не забывать помогать ближнему.

Задержав на Саше теплый взгляд, сев на коня, Степан потянул за собой вторую лошадь и двинулся в обратный путь. Смотреть на широкую удаляющуюся спину кузнеца было тяжело, словно вдалеке растворялась последняя связь с прошлой жизнью. Стоит ли жалеть? Но разве известно, какие испытания ждут впереди, и не так-то просто забыть родной дом, девичью комнату, круглый стол в саду, полевые цветы, речку...

Развернувшись, Саша отправилась на поиски желтого здания, но слабость нарастала, в груди трепетала паника, и, казалось, невозможно заговорить ни с одним мимо проходящим человеком: стоит только открыть рот, и слова обязательно застынут на языке льдинками.

Пройдя вдоль кирпичных двухэтажных домов с низкими окнами первого этажа, миновав лавку тканей, шляпную мастерскую, Саша наконец-то увидела желтые колонны и свернула.

– Извините... – все же сделала она попытку обратиться к крупному мужчине в коричневом пальто, но тот прошел мимо, не услышав тихих робких слов.

Ускорив шаг, Саша пошла прямо, как и советовал Степан, в большом городе легко потеряться, но лучше надеяться, что ничего плохого не случится. Да и может ли потеряться тот, у кого нет крова?

Суэта рынка оглушила сразу, торговали с возов, лотков, из ларьков, товар нахваливали громко и нараспев, стараясь привлечь как можно больше покупателей. Мелькали лица, разноцветные платки, кадки с квашениями, большие и маленькие пироги, седла и сумки, стопки материи, бахрома и многое, многое другое. Где-то вдалеке заржала лошадь, Саша резко повернула голову, взгляд остановился на липких от сахарного сиропа витушках, к горлу подступила тошнота, в глазах потемнело, колени подогнулись, и земля мгновенно приблизилась к лицу...

– Батюшки, батюшки! – зазвенел рядом взволнованный женский голос.

Ватная темнота давала тот самый покой, который требовался и душе, и телу. Когда не важно, доберешься до цели или нет, когда ветер и холод встречаешь равнодушием, когда завтрашний день не имеет

значения, а вчерашний – давно растворился без следа. Отдаленно Саша почувствовала пульсирующую боль на лбу, наверное, ударилась... Но темнота затягивала и затягивала, и совсем не хотелось ей противиться.

– Откройте глаза, вы меня слышите? – слова донеслись до сознания и рассыпались. Мужской голос. – Как вас зовут? Где вы живете? Дайте же воды!

Звучали и другие фразы, то далекие, то близкие: «Молодая ж совсем», «Чего упала-то?», «Может, не ела давно, тощая вон какая», «А звать-то ее как?». Но мужской голос настойчиво стучался в душу и чем дальше, тем тяжелее было отказывать ему.

– Попробуйте открыть глаза. Вы меня слышите?

Капли прохладной воды брызнули на лицо, Саша вздрогнула, вздохнула и открыла глаза. Ресницы показались до невозможности тяжелыми.

Шум вокруг усилился, торговцы и зеваки загудели, обсуждая возвращение к жизни маленькой незнакомой девушки.

На Сашу смотрел мужчина лет тридцати пяти, рыжеватые кудри падали на лоб. Точно такие же, как и у нее, зеленые глаза глядели встревоженно и заботливо, правую щеку украшала точка-родинка, она казалась слишком яркой на светлой коже. Лицо мужчины было добрым, и Саша сделала попытку поблагодарить его за участие. Но с губ слетел лишь приглушенный непонятный звук.

– Матвей, что она говорит?

– Не знаю, Лиза... Экипаж, немедленно найдите нам экипаж!

Мужчина уверенно подхватил Сашу на руки и широким шагом направился к проезжей части. В глазах опять потемнело, звуки стихли.

Глава 14

Выбрав самый ранний экспресс, Катя вернулась в отель утром. То ли вечерние мысли лишили аппетита, то ли очень хотелось попасть на одну из лекций, но она пропустила завтрак, попросив в номер лишь чашку кофе. Расписание сообщало, что в 10.30 искусствовед, разработчик оригинальной методики выявления исторических фальсификаций Юрий Аркадьевич Вдовин расскажет о «Жизни шедевра в пространстве и времени».

«Вы даже не представляете, как много я могу рассказать на эту тему. Шедевры часто живут на полках в шкафах, где-нибудь на загородном участке, и даже не подозревают, что есть другая жизнь: с температурным режимом в галереях, со светом специальных ламп и с восхищением в глазах одухотворенных посетителей. Еще немного, и я начну испытывать чувство вины... Или это я так уговариваю себя продать корабль Мелихову?»

Она старалась переключаться и не думать постоянно о Федоре и «Полтаве», но пока это не слишком получалось. К круговороту мыслей добавилась еще одна: «Он будет рад, когда корабль наконец-то займет достойное место в его коллекции. Он будет счастлив».

Лекция проходила в другом зале: гораздо меньше, но уютнее. Свободные места еще оставались, и Катя села в пятом ряду ближе к проходу. Впереди устроились студенты, сдержанные женщины в деловых костюмах, мужчины преклонных лет... Собираясь отключить звук в мобильном телефоне, Катя раскрыла сумку и услышала привычное жужжание эсэмэс.

«С возвращением», – написал Мелихов.

«Наверное, на него работают все разведки мира», – усмехнулась она, понимая, что обнаружить ее присутствие в отеле совсем не сложно. Достаточно поставить задачу перед собственными сотрудниками.

Лекция не понравилась сразу, Юрий Аркадьевич Вдовин рассказывал дотошно и нудно. Прохаживаясь по сцене, он постоянно обращался к залу с риторическими вопросами, и это окончательно убивало атмосферу загадочности, присутствующую на выступлении Мелихова. Уйти было неловко, и Катя осторожно достала мобильник, чтобы проверить почту. Вот сегодня надо было сесть на последний ряд.

Оказалось, есть пропущенное сообщение от Андрея, Катя быстро открыла его и прочитала:

«Где вы? Предлагаю позавтракать. Я сегодня бессовестно проспал, и раз уж так случилось, то омлет хочется съесть в компании прекрасного человека».

Это было спасением, и Катя благодарно возвела глаза к потолку. Теперь есть весома причина покинуть зал, ее ждут...

«Я на лекции „Жизнь шедевра в пространстве и времени“. Думаю, она закончится часа через полтора».

«Ю. А. Вдовин?»

«Да».

«Держитесь! Сможете сбежать?»

«Уже, да. Чувствую себя старшекурсницей, бессовестно прогуливающей первую пару».

«Обещаю, я никому не расскажу...» И три улыбки, добавившие Кате веселья.

Осторожно поднявшись, стараясь не привлекать к себе внимания, она торопливо спустилась по ступенькам и покинула конференц-зал. Андрей уже шел навстречу, широко улыбаясь. Увидев Катю, он развел руками и сказал:

– Вы молодец, побег – дело мужественного человека.

– Но поджилки-то трясутся, – ответила Катя.

– Мы это сейчас исправим блинчиками или омлетом.

– Я отказываюсь ходить на лекции без вас. Вдвоем убежать интереснее: один отвлекает внимание, а второй – крадется к выходу...

Федор всем желающим предоставляет площадку для выступлений?

– Не всем и только в подходящий для него период. Перед осенней выставкой нужно немного пошуметь и встряхнуть историческое и искусствоведческое сообщества. Определенная реклама не помешает, и лучше гнать шум заранее. Кстати, я только от Федора, он просил передать, что ждет вас ближе к двум часам. Это время у вас не занято?

– Нет, я вчера съездила в редакцию, немного разгребла долги и теперь опять свободна.

– Вы начали статью?

– Да, написала половину на одном дыхании. В схватке с вдохновением я всегда проигрываю. – Катя подняла голову и посмотрела на Андрея. «Знает он про корабль или нет?»

– А я последнее время ленюсь и, кажется, стал излишне мечтательным.

– Это не всегда плохо.

– Но у меня сегодня три встречи, и еще надо заехать домой. Так что после завтрака – никакого разгильдяйства!

Завтрак можно было назвать душевным, они разговаривали обо всем, мгновенно подхватывая и отбивая фразы друг друга. Катя остановила выбор на сырниках с малиновым вареньем, Андрей – на омлете с креветками и черри.

– Кофе или чай?

– Капучино.

В поздних завтраках есть своя прелесть, неторопливость делает их маленьким праздником, отрицающим суету дня. Катя ела неспешно и вспоминала сырники, которые когда-то готовила бабушка. Нет, повар не смог ее превзойти: либо это блюдо получается домашним, либо не стоит его готовить. Третьего не дано.

– Вам нравится?

– Да, – схитрила Катя. По сути, шеф-повар не виноват, что воспоминания сильнее нежнейшего сырника, окруженного листочками мяты, кусочками свежей клубники и тонкими нитями карамели.

Допив капучино, Катя с сожалением попрощалась с Андреем и отправилась в свой номер. До двух она успеет немного поработать над статьей, и для этого понадобится переслушать некоторые диктофонные записи. Кажется, забыт вопрос с фотографиями... У Мелихова есть

профессиональные фото предметов коллекций, но нужны и его личные. Причем новые.

Мобильник запел, и Катя вынула его из сумки.

– Доброе утро, Федор.

– Доброе утро или, вернее, день. Вынужден извиниться и перенести нашу встречу. К сожалению, неожиданный звонок перечеркнул все мои планы. Буду рад, если вы согласитесь со мной поужинать.

– Да, хорошо.

– В семь удобно?

– Да. – Катя вышла из лифта.

– Договорились.

Голос звучал сухо, по-деловому, и по сердцу скользнуло разочарование, пожалуй, так Федор разговаривал с ней только вначале, когда обсуждались детали интервью. С тех пор прошло несколько дней, а кажется – целая вечность. Возможно, он торопится или навалились проблемы, обычная история для человека, занимающегося бизнесом.

В номере, устроившись на диване с ноутбуком, Катя призналась себе в том, что ждала встречи с Мелиховым. Игра – каждый раз стараться угадать его мысли – уже стала привычной, она бодрила и заставляла поднимать голову навстречу ветру. Как Федор мог узнать, что корабль хранится в ее семье? Быть может, пришлось перерывать кучу бумаг, прежде чем открылась долгожданная правда. Но годы идут, а люди часто не берегут то, что попало к ним так или иначе... Доплыл ли корабль до наших дней, и если доплыл, то в каком состоянии? Наверное, этот вопрос частенько мучил Мелихова, да он и сам говорил об этом.

– Доплыл, – прошептала Катя. – Состояние приличное, на три миллиона по-прежнему тянет.

Усмехнувшись с грустью, она включила диктофонную запись, и комната наполнилась уверенным голосом Федора. Минут пять Катя практически не шевелилась, а только слушала, и лишь после придвинула к себе ноутбук.

* * *

«Ваши привычки – моя радость». Глеб позавтракал рано утром за двумя столиками (по очереди). Сославшись на яркий свет, он попросил официанта перенести его глазунью и двойной эспрессо в уютный притемненный угол зала. За первый стол всегда садился Андрей Кравцов, за второй – Федор Мелихов. Теперь и там и там были легко и непринужденно установлены «жучки». Глеб обратил внимание, что по вечерам, когда ресторан набивается гостями, на эти столы ставят табличку – «Зарезервировано». Значит, места придерживают на случай, если они понадобятся Кравцову или Мелихову. Живут они здесь, на завтрак, обед и ужин приходят часто.

«В кои-то веки буду подслушивать с удобствами. Говорите обо всем, мои дорогие, ни в чем себе не отказывайте и особенно делайте упор на интимные тайны. Люблю я, знаете ли, послушать про всякую аморалку...»

Вчера Глеб не поехал следом за Катей на ее дачный участок, вернулся с полпути. Ничего интересного в Бронницах произойти не могло, главные герои остались в Москве, и корабль тоже, так что объявлен день великого отдыха.

«Надо бы нам уже с тобой определиться, Катя-Катерина. Есть же из кого выбирать, а ситуация у нас следующая... Мелихов пудрит тебе мозги, желая получить корабль, уверен, ты и сама это понимаешь. Или еще нет? Возможно, я тебя расстрою, но, скорее всего, интерес его к тебе начинается и заканчивается именно „Полтавой“. Но... Кружит он вокруг тебя прилично, аж глаза сверкают! Может, он тебя попросту сожрать хочет? – Глеб хохотнул, допил коньяк, оставил бокал на журнальном столике и развалился на кровати. Хорошо жить в шикарных номерах, пожалуй, отсюда потом и съезжать не стоит. – Переходим к следующему претенденту... Кравцов смотрит на тебя, как на жар-птицу, но кроме сырников ничего не предлагает. Пора бы уже прижать тебя где-нибудь хорошенько, ну или в крайнем случае в кино пригласить на ночной сеанс... Учить, что ли, его надо, как с женщинами общаться? Ладно, ладно, Кравцов на обложку глянца тянет, поди знает, с какого бока к женщине подойти. Возможно, втрескался в тебя, и на этой почве тормозит немного, любовь штука

сложная, вляпаешься и все... Катя-Катерина, давай зажмурься и выбери уже кого-нибудь, а то за тобой очередь таких же медлительных стоит. Вас много, а я один, не будем забывать об этом. Да, крошка?»

Глебу нравилось думать о корабле, в душе просыпался азарт: продаст или нет? Ясно же, что Мелихов приличные деньги предложит, жаль, не услышать эту аргументированную, не предполагающую торга речь. Но пока – тишина. Ни Катя, ни Мелихов о корабле не заговаривают. Или был разговор, но только в его берлоге.

«Катя, не продавай, больно хочется посмотреть на его вытянутую физиономию. Или продай, а то еще поженитесь, и останешься без денег, кораблик сам к нему приплывет, покачиваясь на волнах любви... Тьфу». Глеб поморщился и посмотрел на бутылку коньяка.

– Эй, – он перевел взгляд на потолок, – нашлите на отель землетрясение, что ли, я хоть посмотрю, кто ее бросится спасать. Ну, не обижайтесь, не обижайтесь, чувствую же, что расстроились, – едко улыбаясь, продолжил Глеб. – Многоуважаемая Небесная канцелярия, не волнуйся, я помню, что катастрофы – это не ваша стезя, что за этим нужно обращаться к... Молчу, молчу! – Засмеявшись, он поднялся и пошел за добавкой коньяка.

* * *

Почти на каждом столике в низком мраморно-туманном подсвечнике горела свеча. Проходя мимо, Катя невольно заставляла огонь волноваться, но это дрожание никому не было заметно. Гости отеля группами и парами ужинали, наполняя зал приглушенными разговорами, осторожным звоном бокалов и смехом.

Катя не опоздала, но Мелихов уже ждал в угловой мягкой зоне с бокалом вина. Неотрывно следя за ее приближением, он сдержанно и приветливо улыбался.

– Что-то мы с вами стали редко встречаться, – сказал он, привставая.

– Вчера неожиданно навалилась работа.

– Расскажите, где были?

– В редакции.

Он кивнул и придвинул к Кате папку меню.

– Выбирайте что-нибудь сытное. Ничего не могу с собой поделать, очень хочется вас усиленно накормить. – Федор усмехнулся и дал возможность официанту наполнить и бокал Кати.

– Согласна на любой салат с морепродуктами.

– И все? Так мало?

– Я разумно оставляю место для десерта.

Катя заметила некоторые изменения в Мелихове: в его глазах поселилась тяжелая усталость, морщина между бровей стала глубже и четче. Но тонкий синий пуловер (а не привычные рубашка и пиджак) облегчал образ, добавляя простоту и уютность. Сейчас Федор не походил на знаменитого коллекционера, и почему-то это было приятно.

– Знаете, Катя, а я не хочу сегодня говорить ни о работе, ни о галереях и выставках, ни о живописи водяными красками, ни об оттисках на деревянных брусках, ни об абстрактном экспрессионизме. Расскажите о себе, я не так много знаю о вас.

– Вы застали меня врасплох, получается, что это мне нужно дать вам интервью. – Катя улыбнулась и положила руки на подлокотники широкого удобного кресла. – Что ж, задавайте вопросы... Возможно, я на некоторые и отвечу. Честно, мне сейчас даже стало страшно: а о чем же вы спросите?

– Сколько вопросов я имею право задать? – Федор потер гладко выбритую щеку, сосредотачиваясь.

– Подождите... Мне надо подумать... Пять. Да, максимум пять.

– Вы не слишком щедры.

– Ошибаетесь, я могла разрешить только три.

Федор чуть отодвинул кресло, положил ногу на ногу, облокотился на подлокотник и прищурился.

– Давайте начнем с простого. Почему вы выбрали журналистику?

– Мне нравится слушать людей, искать правду во вчерашнем и сегодняшнем дне, перебирать слова, создавать истории... Я помню тот момент, когда поняла это, мне было около четырнадцати лет. Родители говорили: «Не поступишь», а бабушка с дедушкой благословили, они меня очень любили и баловали. Но сначала вся родня меня долго и настойчиво уговаривала выбрать юридический институт, я сопротивлялась и в конце концов сказала твердое «нет». Обожаю точки, запятые, многоточия и ту минуту, когда нужно начать что-то

новое – волшебное состояние, в душе вспыхивает первая фраза, и все... Дальше начинается волнующий полет.

– Как давно вы были на свидании?

Вопрос для Кати получился неожиданным, она автоматически приподняла брови и встретила взгляд Мелихова.

– Очень давно, даже не помню когда.

– Почему?

– Учтите, это будет уже третий вопрос.

– Не волнуйтесь, я считаю и с нетерпением жду ответа, – с доброй иронией произнес Федор.

– Пожалуй, я не уверена, что мои следующие отношения не принесут боль и разочарование.

– Трусите?

– Четвертый вопрос.

– Согласен, четвертый.

– Нет, просто жалко времени.

– Врете?

– Да.

Они улыбнулись одновременно, и Катя поняла, что готова ответить еще на сто пятьдесят вопросов. Усталость ушла с лица Мелихова, его карие глаза искрились.

– Я бы хотел, чтобы вы подольше оставались в отеле, не спешите со статьей.

– Боюсь, это от меня не зависит, вдохновение в большей мере уже одержало победу надо мной.

– Я так давно не давал интервью, что сейчас переживаю новые для себя чувства. Работа не должна занимать двадцать четыре часа в сутки, вы помогли мне сделать остановку и немного отдохнуть душой.

– Но коллекционирование – это же не работа для вас?

– Не работа... Скорее, рабство. Так и напишите: «Вещи давно поработили его...» Увы, я совершенно лишен литературного таланта и не могу продолжить фразу.

– Потому что они вас не поработали, – ответила Катя. – Кстати, у меня нет ваших фотографий, для интервью понадобятся новые...

– Я приглашу фотографа. – Федор подался вперед и взял бокал с вином. – Какие планы на завтра? Давайте встретимся в двенадцать, у вас наверняка есть стопка каверзных вопросов, самое время задать их.

– Честно говоря, есть.

То ли вино, то ли музыка и свечи повлияли на Катю, но она почувствовала в груди тепло. И острое желание коснуться руки Мелихова осторожно кольнуло сердце.

– Мне кажется, вы сейчас думаете о чем-то хорошем, Катя.

– Да, наверное, – ответила она и отвела взгляд, пряча мысли.

* * *

Давным-давно...

В Сусловке Павел бывал ранее – хорошее расположение на перекрестке главных дорог, да и лошадь подковывать приходилось. Направившись сразу к кузне, он похлопал Норда по шее, мол, потерпи, будет тебе отдых, и посмотрел на небо. Если Александра задерживалась у Геды хоть ненадолго, то есть шанс ее нагнать. Уже ясно, что она движется к Петербургу, значит, будет искать спасения у тетки, Марии Николаевны Чернышевой. Павел видел княгиню несколько раз на приемах и балах и сильно сомневался, что эта высокая, худая женщина с сухой белой кожей и таким же сухим взглядом способна понять и принять сироту-беглянку. Если верить Анне Михайловне Вяземской, то княгиня никогда не интересовалась жизнью племянницы и в гости к себе не приглашала. Очень возможно, что она отправит Александру обратно к отчиму...

Сделав попытку вспомнить какие-либо подробности жизни Марии Николаевны, Павел нахмурился. Вдова. Да, вдова. А больше о ней он ничего не слышал или слышал, но забыл. Кто ж знал, что их судьбы соприкоснутся.

Около кузни Павел спешился и зашел в распахнутые ворота. Две пятнистые кошки прошмыгнули мимо, недовольно и опасливо глянув на высокого и крепкого незваного гостя.

Женщина в длинном простом платье, с шерстяным платком, туго завязанным на талии, неторопливо складывала наколотые дрова в широкую старую корзину, давным-давно потерявшую часть прутьев.

Если память не подводит, то жена кузнеца – женщина не слишком словоохотливая, хотя зачем ей лезть в дела мужа.

– Доброго здоровья, – поприветствовал Павел, останавливаясь.

– Доброго. – Женщина выпрямилась, провела рукой по светлым волосам, собранным в косу, и добавила: – А Степан в город подался, ждать будете?

Она была привычной к путникам, и богатый, и бедный заглядывали к кузнецу.

– Давно он уехал?

– Раненько, к вечеру вернется.

Павел сжал зубы и вздохнул. Если Степан повез Александру, то они уже в Петербурге. Время обеденное.

Следующий вопрос нужно было задавать осторожно, иначе ответом могли стать тишина, короткая, ничего не значащая фраза или бесхитростный обман. Желание защитить от незнакомца слабую девушку, попавшую в тяжелое положение, будет вполне объяснимо.

– Геда – цыганка, живущая у реки, сказала, что к вам направилась девушка. Знакомая ее. Она со Степаном уехала?

– Да, вместе и отправились, – жена кузнеца махнула рукой в сторону дороги, ведущей к правому краю Сусловки.

– Спасибо, я позже найду, – ответил Павел и, неторопливо покинув двор, подошел к Норду. Теперь спешить некуда и не за чем, Александра или уже постучалась в дверь княгини, или сделает это в самое ближайшее время. Нет, Мария Николаевна не выставит племянницу сразу, это пахнет грандиозным скандалом (высшее общество не прощает подобных оплошностей). Но через пару-тройку дней княгиня вполне может снарядить экипаж для Александры. «Дорогая, Яков Петрович наверняка скучает по тебе, поторопись, ни к чему его расстраивать...» Выставить за дверь бесправную родственницу совсем не сложно, даже особо стараться не придется.

На постоялом дворе Павел распорядился накормить и напоить Норда, себе попросил щи и хлеб с топленным маслом. Его дорога теперь тоже направлена в Петербург, и кто бы подсказал – зачем?

«Я не знаю, чего тебе пожелать. Я не знаю, где тебе будет лучше. И я не знаю, есть ли это самое „лучше“ хоть где-нибудь для тебя».

Павел привык контролировать свою жизнь. И жизнь тех, кто от него зависел, но вот Александра Образцова... Маленькая птичка, случайно впорхнувшая в его жизнь, теперь летела прочь в неизвестность, и, по сути, ее нельзя было спасти куском хлеба и теплым плащом. Это дало бы лишь передышку. Возврата к отчиму нет, реакция княгини неизвестна... Павел вспомнил взгляд Александры и обжигающее презрение в ее глазах – глупо второй раз предлагать роль содержанки. А что еще он готов предложить?

– Ничего...

Ни два, ни три, ни пять, ни десять дней назад он не собирался жениться. Ни на ком.

«Ты полагаешь, что на свете нет женщины, способной сделать тебя счастливым? – как-то спросил Гришка. – Да посмотри вокруг, каждая вторая хороша!»

«Я не отрицаю светлого в этой жизни, – сдержанно ответил тогда Павел. – Если кто-то мечтает о тебе – прекрасно, но это лишь половина истории. Ты будешь счастлив, только если полюбишь и сам. А я слишком негоден для этого».

«И что теперь... не жениться?»

«Жениться. Но ближе к сорока».

«На ком?»

«Какой смысл думать об этом сейчас?

Подвернется кто-нибудь, не сомневайся».

Вспоминая давний разговор с Гришкой, Павел неожиданно вспомнил и слова Геды: *«Нет в тебе начала и нет конца, твоя рука – лишь половина руки»*. Надо бы меньше слушать цыганок, понимают ли они сами, что говорят?

Если раньше приходилось сбавлять темп Норда и оглядываться по сторонам в поисках Александры, то теперь в этом не было необходимости. И Павел устремился в Петербург, желая как можно скорее оказаться дома. Пусть топот копыт заглушит мысли и стук сердца.

Глава 15

Сделав глоток эспрессо, Андрей положил газету на край стола и посмотрел на часы. Лучше бы он завтракал с Катей, но ее увлекла статья, и не хотелось навязываться и нарушать литературный процесс. Вдохновение, вдохновение... К сожалению, управлять им невозможно, удел непричастных – терпеливо ждать.

Андрей знал, что в двенадцать у Кати встреча с Мелиховым, и он собирался заглянуть к ним и присоединиться к разговору. Пусть передохнут и отвлекутся, интервью, бывает, выматывает как журналиста, так и «жертву». Интересно, кого в большей мере придется спасать? Андрей улыбнулся, попросил еще эспрессо и побарабанил пальцами по столу. Есть вопросы, на которые душа просит ответы... Никогда Федор не оказывал столько внимания постороннему человеку, увидев Катю на аукционе, он почти сразу захотел пригласить ее в отель, заговорил об этом уже на следующий день.

Она красива, приятна, иронична, умна, легка... Дрогнуло сердце у Федора или нет? Он действительно терпеть не может общение с журналистами, но в данном случае раздражения не наблюдается, наоборот, Мелихов проявляет заботу и понимание. Андрей коротко вздохнул и вновь побарабанил пальцами по столу.

«Федор, сколько продержится твоя доброта к Кате? Или это все же гораздо большее?»

Мелихов всегда уважительно относился к женщинам, однако предпочитал держаться от них на некотором расстоянии. Отношения случались, но обычно длились не больше года и заканчивались так же тихо, как и начинались, оставляя после себя лишь время и дату в расписании. Федор умел приближать, но не обнадеживать – у каждого должна быть своя жизнь, параллельная. Андрей попытался вспомнить, смотрел ли Мелихов хоть на одну женщину так, как сейчас смотрит на Катю? Пожалуй, нет. Те взгляды были другими...

Взять хотя бы Ольгу, года три назад Федор нарушил границу «начальник-подчиненный», и рабочие отношения перешли в иные. Но

роман продлился не более двух месяцев: парочка дорогих украшений в подарок, поездка в Париж, рестораны – и, пожалуй, хватит.

Но Катя из другого теста и даже из другого мира. Быть может, в этом и есть ее преимущество?

«Зайду к вам сегодня днем и помешаю немного... – усмехнулся Андрей. – Федор, почему у меня такое чувство, что ты затеял какую-то игру? Знаю я этот хищный блеск в твоих глазах. Обычно он появляется, когда ты находишь что-то новое для своих коллекций».

* * *

Давным-давно...

«Я дома», – подумала Саша, открыв глаза. Но это не могло быть так.

Бледно-желтый потолок по углам украшала белая лепнина в виде выюнов из дубовых листьев и желудей, тяжелые коричневые шторы сужали большое окно, зеленая мебель с позолоченными деталями тянулась вдоль противоположной стены, круглый стол и три стула с чуть изогнутыми спинками поблескивали лаком.

«У меня больше нет дома, – пронеслась вторая мысль, а затем и третья: – Где я?»

– Доброе утро. Вы проснулись? Это прекрасно! Я – Елизавета Григорьевна Глинникова, но вы, бесспорно, должны называть меня Лизой. Брат спрашивал о вас все утро, но потом уехал. Вот он обрадуется, что вы проснулись! Как ваше самочувствие? Мы приглашали доктора, Константин Михайлович – лучший врач в Петербурге! Он сказал, что у вас упадок сил, велел напоить крепким куриным бульоном и дать снотворные капли. Вы помните, как пили бульон? Нет? Не удивительно, вы были так слабы, так слабы... – Влетевшая в комнату девушка мгновенно заполнила небольшое пространство комнаты звонким и восторженным голосом. Ее рыжие кудри подрагивали при каждом возгласе, тонкие брови хмурились, когда речь заходила об упадке сил и слабости, аккуратный острый нос морщился по поводу и без повода. – Еще Константин Михайлович

сказал, что вам обязательно нужны прогулки на свежем воздухе и печенка с Сенного рынка. Ой, жареная печенка, конечно же, жареная! – Девушка засмеялась, и юбки ее пышного бежевого платья зашуршали.

Саша улыбнулась, невозможно было противостоять такой открытости и радости. Последним воспоминанием был рынок с его рядами, ларьками и лотками – пестрота толпы, нестройные крики торговцев, расхваливающих товар. У нее закружилась голова, потом падение и мужской голос: *«Не знаю, Лиза... Экипаж, немедленно найдите нам экипаж!»*

– Я Александра... Образцова.

Фамилию Саша произнесла не сразу. Ощущение, будто именно фамилия может рассказать Лизе все о дальней дороге и лишениях, коснулось души и исчезло. Нет, в этом доме бояться нечего, здесь живут не враги. Но не получится ли случайно навредить Марии Николаевне Чернышевой?

– Значит, Саша. Чудесно.

– Я бы хотела поблагодарить вас за помощь... – Она сделала попытку подняться с большущей воздушной подушки.

– О, нет, прошу вас. Пока лежите, – запротестовала Лиза. – Вдруг опять случится обморок, и тогда брат меня непременно убьет! – Помолчав с минуту, она вдруг резко развернулась, подбежала к двери и закричала: – Вера! Вера! Иди же сюда, мы будем знакомиться!

Верой оказалась старшая сестра Лизы – полноватая женщина лет тридцати, сдержанная и серьезная. В ее взгляде чувствовалось участие, но вместе с тем она явно неодобрительно относилась к самой ситуации: юные девушки не должны гулять одни и падать в обморок где им вздумается.

– Матвей запретил нам мучить вас вопросами, – сообщила Лиза, придвигая к кровати сначала один стул для Веры, а потом второй – для себя. – Но ужасно хочется узнать, откуда вы... Можно я буду бестактной и сообщу вам страшную тайну? Доктор сказал, что на вас была надета цыганская одежда, но как это возможно? Вы светленькая. Может, он ошибся?

– Прекрати говорить ерунду, – строго одернула сестру Вера Григорьевна. – Александра, не обращайтесь внимания на рассказы этой невоспитанной девочки. Если вы нам скажете, как отыскать ваших

родственников, то мы сделаем это незамедлительно, и вы сможете уже скоро обнять своих близких.

– Я не говорю ерунду, – надулась Лиза и отвернулась, но по розовым ушкам было ясно, что она внимательно слушает, боясь пропустить даже вздох гостыи.

– Мне трудно выразить словами благодарность, которая сейчас переполняет душу. Вы сделали для меня так много... – все же поднимаясь, произнесла Саша. Она провела ладонью по шелковистому белому одеялу и тихо вздохнула, не в силах произнести правду. – Я как раз направлялась к тете, но я не знаю ее адреса.

– Скорее назовите ее имя, можешь не сомневаться, Матвей сделает все, чтобы ее найти! – позабыв про обиду, воскликнула Лиза.

Но Вера Григорьевна, видимо, угадала мысли Саши, недовольно посмотрев на сестру, она бесшумно поднялась со стула и произнесла тоном, не терпящим возражений:

– Думаю, вам еще требуется отдых. Брат вернется ближе к четырем часам, мы сможем все вместе выпить чаю. Позже вам принесут платья Лизы, у нее много хороших нарядов, выберете себе подходящий по фасону и цвету.

– Спасибо, большое спасибо. А могу я спросить... Что стало с моей одеждой?

– Если вы желаете, ее постирают, приведут в порядок и отдадут вам, но на это потребуется время.

– Поверьте, мои платья гораздо лучше, – не удержалась Лиза.

– Лиза! – одернула сестру Вера Григорьевна.

– Вы правы, – мягко улыбнулась Саша, испытывая благодарность не только за прием, помощь, ночную сорочку, что была сейчас на ней, но и за радость жизни, бурлящую в душе Лизы. Как сейчас не хватало этого, как не хватало... – Но я хотела бы попросить. Среди моих вещей должен быть платок красного цвета. Вернее, половина платка. Я была бы очень благодарна, если бы вы смогли мне его принести. Это память о дорогом мне человеке...

– Цыганке, да? – выдохнула Лиза, подавшись вперед, округлив от волнения и нетерпения карие глаза.

– Да, – кивнула Саша и улыбнулась, получая удовольствие от того, что не разочаровала ожиданий этой милой девушки. А сколько бы удивления появилось на лице Лизы, если бы она узнала и про Якова

Петровича Стрыгина, и про Геду, и про Янко, и про Степана... и про яблоневый сад тоже.

Когда сестры ушли, Саша осторожно встала с кровати, медленно подошла к окну и коснулась бархата штор.

«Ветер на спад пойдет», – говорила Гада.

Может, вот он и пошел на спад?

Она попала к хорошим людям, протянувшем ей руку помощи, несмотря на потрепанный вид и не слишком хорошую одежду. Теперь Мария Николаевна не увидит племянницу грязной, в протертых до дыр ботинках (они вовсе не предназначались для побега по ручью, лесу и полю). Наверное, княгине нужно сказать правду, безусловно, для этого потребуется мужество – лучше не начинать знакомство с вранья. Вот только имя Павла она произносить не будет, пусть он останется в прошлом и больше никогда не тревожит сердце.

Зачем он так поступил?

Сожалеет ли об этом?

Саша больше не спасалась бегством, не мерзла, не испытывала жажду и голод, все ее существо перестало бороться за существование, и теперь тихой поступью пришли воспоминания. Для них появилось слишком много места.

«Нас не представляли друг другу, я бы хотел забыть про условности и исправить это... Извините, если помешал, но я не смог противиться острому желанию поговорить с вами. А если совсем честно, то я хотел пригласить вас на танец. Вы позволите?»

Она позволила.

«Выбирайте, или вы уезжаете со мной и получаете защиту, или остаетесь с этим опустившимся животным и вымаливаете у него прощение. Если не ошибаюсь, ваш отчим чертовски пьян».

Она выбрала побег.

И невозможно было стереть поцелуй. Саша смотрела в окно и не видела движений улицы, блики сливались, превращаясь в серые глаза Павла. Подняв руку, она коснулась пальцами губ и сразу зажмурилась, стараясь убежать от обжигающих воспоминаний.

Лиза заглядывала еще два раза, но уже вела себя терпеливо, наверное, Вера Григорьевна устроила ей взбучку и потребовала не беспокоить гостью лишними вопросами. Лиза помогла выбрать платье и настойчиво заставляла пить куриный бульон и есть мягкие ароматные булочки, повторяя: «Нужно слушаться Константина Михайловича. А то что мы ему потом скажем? А позже он обязательно придет проведать вас».

К трем стало тихо, дом замер в ожидании Матвея Григорьевича Глинникова.

Сашу пригласили к чаю ближе к четырем, покидая комнату, она испытывала легкое волнение и очень надеялась, что щеки не горят румянцем. Решение уже было готово: она назовет фамилию тети и попросит помочь с ней встретиться. А уж дальше, как Господь рассудит.

– Вы поправляетесь, и это отрадно, – произнес Матвей Глинников, как только Саша в сопровождении Лизы появилась в столовой. – Я привез пряники и пастилу, надеюсь, сладости вам понравятся. Прошу, присаживайтесь, Александра.

Им не нужно было представляться, имена уже витали в воздухе, а ситуация требовала наименьшей неловкости.

– Я поблагодарила ваших сестер за гостеприимство, и я бы хотела поблагодарить вас...

– Нет, не стоит, – Матвей предупредительно поднял руку. – Я сделал лишь то, что следовало, не более того. А теперь – все пьем чай.

– Я обожаю пастилу, – устремляясь к столу, выдохнула Лиза. – Особенно с ароматами ягод. Уж повкуснее жареной печенки будет, да? – Она хитро посмотрела на Сашу и добавила: – Константин Михайлович самый лучший доктор – это знают все, но он почему-то никогда не прописывает своим больным сладости. А как можно поправиться без сладостей?

Сашу усадили напротив Матвея. Она хорошо помнила его голос, звучащий на рынке требовательно и немного нервно, вьющиеся рыжеватые волосы, зеленые глаза, родинку на правой щеке. Но

воспоминания словно прорывались из прошлой жизни, и теперь было немного странно видеть этого человека, пить с ним чай, разговаривать.

Матвей производил особенно приятное впечатление, мягкость в нем соседствовала с категоричностью, он явно обожал Лизу, а к Вере относился как к истинному другу. Иногда он о чем-то надолго задумывался, и Саша догадывалась, что эта тишина привычна семейству. В такие минуты никто не дергал Матвея вопросами, и сестры ждали, когда он заговорит первым.

– Это самые лучшие пряники! – восклицала Лиза. – В следующий раз в лавку я пойду с тобой, потому что ты опять забыл купить медовые колечки с орехами.

Какой же покой царил в доме Глинниковых, была минута, когда Саша чуть не заплакала от умиления и счастья. Ее жизнь с отчимом проходила совсем иначе...

– Как вы себя чувствуете? – спросил Матвей, ставя белую фарфоровую чашку на блюдце.

– Гораздо лучше. Мне даже кажется, что я совершенно поправилась.

– Потому что это лечебная пастила, – весело сказала Лиза.

– Питание сейчас должно быть сытным. Александра, вам нужно хорошо поужинать, – вмешалась в разговор Вера Григорьевна.

– Да, конечно, я непременно так и поступлю.

После чая сестры удалились, оставив брата наедине с Сашей. Она поняла, что Матвей заранее распорядился об этом, и внутренне обрадовалась – развязка близка. Устав бояться то одного, то другого, она уже желала узнать: пустит ее Мария Николаевна в свой дом или нет. Тепло и забота, шедшие от Матвея Григорьевича Глинникова, убаюкивали и обнадеживали. «Господи, как много хороших людей ты посылаешь мне, как много...» Невозможно было предположить, что ледяной ручей, лай собак, весенняя грязь дорог сменятся на белые простыни, добрую улыбку, искреннюю поддержку.

– Александра, – Матвей встал из-за стола и прошелся по комнате, – я бы хотел, чтобы между нами произошел честный разговор, именно потому, что моей целью является только одно – помочь вам как можно скорее. Когда я нес вас к экипажу... Не смущайтесь, прошу вас, по сути, женщины и созданы для того, чтобы мужчины всю жизнь носили их на руках. – Он улыбнулся, и в его

глазах появился лукавый блеск. – Так вот, когда я вас нес к экипажу, я полагал, что выручаю из беды простую девушку, но... Вы явились загадкой и для меня, и для моих сестер. Ваши манеры, походка, грамотная речь, даже умение носить это платье говорят о том, что вы родились и выросли в состоятельной семье. Я не стану вас спрашивать, откуда вы пришли и почему были так одеты... Но назовите имя близкого человека, родственника, который смог бы принять участие в вашей судьбе. Александра, ваши родители живы?

– Нет, я сирота.

Слова Матвея удивили Сашу, она и не задумывалась о том, что манеры и поведение могут рассказать о ней многое. Казалось, вещи Геды навсегда стерли ее положение в обществе и превратили в дочь лавочника или кузнеца.

– Вы не живете в Петербурге? – осторожно уточнил Матвей.

– Нет. Я собиралась навестить тетю. Обстоятельства... – Подбирая слова, Саша сделала паузу. – Обстоятельства таковы, что она не знает о моем приезде.

Первый шаг – и стало значительно легче, волнение в груди постепенно пошло на убыль.

– Вы назовете ее имя? – голос Матвея прозвучал немного тише, будто он опасался испугать Сашу столь важным вопросом. Нарочно подойдя ближе, он заглянул ей в глаза и добавил: – Что бы ни случилось, я уже не отвезу вас обратно на рыночную площадь и не брошу там. Даже самые сложные проблемы можно решить, вы не останетесь без поддержки моей семьи.

– Благодарю вас, – произнесла Саша и, не отводя глаз, добавила: – Княгиня Мария Николаевна Чернышева – моя тетя, но я пока не знаю, где она живет.

– Мария Николаевна? – Матвей вопросительно приподнял брови, затем покачал головой и заложил руки за спину. – Удивительно... Да, удивительно. Александра, вам не нужно искать ее адрес, он мне известен. И, если вы не против, я сейчас же поеду к княгине и поговорю о вас.

– Матвей Григорьевич... Вы с ней знакомы?

– Наши отношения нельзя назвать дружбой, но я бывал у Марии Николаевны, и мы несколько раз беседовали на околотитературные и политические темы. Так вы не против? Я еду?

Саша коснулась крестика, подаренного ей отцом, мысленно произнесла: «Господи, помоги», поднялась из-за стола, сцепила руки перед собой и ответила:

– Да.

– Ждите, буду скоро, – коротко ответил Матвей и решительно вышел из столовой.

Саша не успела погрузиться в пучину нервного напряжения, как появилась Лиза. Ее милая болтовня отвлекала, заставляла улыбаться и надеяться на хорошее, но минуты тянулись медленно, и каждые полчаса отзывались болью в сердце. В какой-то момент Саша даже почувствовала приближающиеся слезы, но тут же отругала себя за слабость, набрала в легкие побольше воздуха, выдохнула и съела еще один пряник.

– Матвей приехал! – сообщила Лиза, глядя в окно. – А с кем это он? – Она вытянула шею и издала продолжительное «м-м-м». – Женщина... О, это княгиня Чернышева! А почему она приехала? – развернувшись, Лиза пожала плечами.

– Мария Николаевна – моя тетька, – почти спокойно ответила Саша.

Она и не предполагала, что Матвей может вернуться с княгиней, неужели сейчас станет ясно, каким будет будущее: примет ее тетька или нет?

– Я не могу в это поверить. Прошу тебя, повтори еще раз! – выпалила Лиза.

Но в этот момент в комнату вошла Вера Григорьевна. Внимательно посмотрев на Сашу, она перевела взгляд на сестру и сухим тоном произнесла:

– Пойдем со мной, не будем мешать.

На лице Лизы появилось отчаяние, она не могла уйти, не узнав всех подробностей открывшейся правды, но старшая сестра была неумолима. В глазах Веры Григорьевны читалось: «Немедленно. И я не желаю слушать никакие уговоры».

Они ушли, Саша быстро оглядела столовую, решая, где лучше встать. Только не у окна, будет слишком заметна ее бледность...

Княгиню она узнала сразу, Мария Николаевна ничуть не изменилась за последние годы. Все такая же худая, в черном платье, и на шее точно такой же крестик, как и у Саши. Темные волосы убраны назад и туго стянуты, тонкие губы сжаты. По выражению лица

невозможно понять, гнев в душе, холодность или радость. Остановившись около стола, Мария Николаевна внимательно посмотрела на Сашу и утверждающе произнесла:

– Да, это моя племянница.

– Вы узнали меня?..

– Конечно.

– Я рад вашей встрече. – Матвей подошел к Саше и чуть коснулся ее локтя в знак поддержки. – Я рассказал Марии Николаевне, что вы, Александра, гостите у нас, и она пожелала немедленно приехать.

Он точно пытался сказать: «Не нужно переживать и нервничать. Княгиня совершенно не собирается отказываться от вас, наоборот, ей далеко не все равно, что происходит в вашей жизни. Мария Николаевна не может не понимать, что ее племянница находится в затруднительном положении. И тем не менее она здесь».

Взгляд Матвея согревал и подбадривал, душу Саши вновь переполнила благодарность. Как повезло Лизе и Вере Григорьевне, что у них есть старший брат. К сожалению, у нее никогда не было защитника и опоры.

– Собери, пожалуйста, вещи, и мы поедем домой, – ровно произнесла Мария Николаевна, выделив лишь последнее слово.

Саша хотела сказать, что вещей у нее, собственно, нет, только красный платок, но промолчала.

– Мои сестры помогут, – пришел на выручку Матвей. – Мария Николаевна, буду рад, если вы останетесь на ужин.

– Спасибо за приглашение, я очень ценю все, что вы сделали для моей племянницы, но думаю, лучше, если мы уедем как можно скорее.

Княгиня и Матвей обменялись взглядами, и Саша уловила их тайный смысл.

«Я верю в ваше благородство и знаю, история Александры Образцовой не покинет этих стен».

«Вы не должны беспокоиться, я никогда и никак не скомпрометирую вашу племянницу. И мои сестры, разумеется, тоже не нарушат установленное молчание».

Они уехали довольно быстро, Матвей проводил до экипажа и остался во дворе, пока лошади не тронулись с места. Было жаль покидать дом, где согрели, поддержали и помогли. Лицо княгини по-прежнему оставалось непроницаемым, и Саша терзалась вопросом: что ее ждет впереди? Но, наверное, не все так плохо, иначе бы Матвей Глинников не отпустил ее, он же обещал не бросать в трудную минуту. «У него очень добрые глаза...»

Дом тети поразил сразу, Саша быстро сосчитала колонны, а затем ступеньки, перевела взгляд на огромные окна, второй этаж, немного задержалась и, только впитав красоту архитектуры, быстро последовала за княгиней. Один зал перетекал в другой, потом появлялся следующий, и еще, еще, еще... Саше казалось, она плывет по реке роскоши и вроде бы уже пора сделать остановку, но Мария Николаевна уверенно идет дальше, и только гулко стучат ее каблуки.

Наконец княгиня открыла дверь и зашла в небольшую комнату. Письменный стол, трюмо с тремя зеркалами, книжные полки, небольшой круглый столик с двумя высокими креслами, и в соседней комнате виднеется большая кровать, застеленная кремовым атласным покрывалом. «Это будуар Марии Николаевны», – сообразила Саша и поняла, что именно сейчас и произойдут объяснения.

– Присаживайся, – княгиня указала на одно из кресел и села напротив. – И рассказывай все как есть. Я хочу знать правду, какой бы она ни была. Граф Матвей Григорьевич Глинников – благороднейший человек, и тебе повезло, что именно он встретился на твоём пути.

Опустившись в кресло, положив руки на колени, Саша почувствовала огромную усталость. Она слишком долго бежала, слишком долго ехала, слишком долго страдала... Чувства замерли, страх ушел, дрожь перестала трясти тело. Саша начала рассказывать без эмоций, так, будто речь шла не о ней, а о какой-то другой несчастной девушке. Не называя имя Павла, признавая себя наивной и глупой, она поведала правду и об отчине, и о яблоневом саде, и о Геде, и о Янко, и о Степане... Закончив рассказ, она опустила голову и сжала не только губы, но и кулаки.

Княгиня молчала долгую минуту, а затем уверенно произнесла:

– Тебе всего семнадцать лет, но на твою долю уже выпало много испытаний. Кажется, пришло время исправить это. Я долго болела и не смогла приехать на похороны твоей матери, на мои письма Яков

Петрович всегда отвечал, что ты живешь счастливо и ни в чем не нуждаешься. Я приглашала тебя в гости, он давал согласие, но проходил год, а ты не приезжала. Наверное, мне следовало беспокоиться, но твой отчим не вызывал сомнений. Яков Петрович казался человеком строгим, но справедливым. Видимо, он умело производил то впечатление, которое желал. – Мария Николаевна тихо вздохнула. – Того, что ты рассказала, хватит, чтобы лишить его всего, но мы поступим иначе. Прошлое останется в прошлом. Я напишу Якову Петровичу, и он откажется от всех претензий опекуна, уверена, он не захочет скандала. Господь не послал мне детей... Вернее, он послал мне тебя. И отныне и навсегда этот дом твой. Как только ты отдохнешь, сядь и напиши письмо той цыганке, которая помогла. Будь благодарной и всегда выполняй обещанное.

Закрыв лицо руками, Саша судорожно заплакала, а когда немного успокоилась и подняла голову, то увидела первую, пусть и сдержанную, улыбку княгини.

На следующий день они вместе поехали на Сенной рынок, где встретили цыганскую семью: маму, папу и юркого черноволосого мальчонку лет трех.

– Пожалуйста, передайте письмо для моей знакомой цыганки, она живет у реки Быстрой между двумя имениями. С одной стороны – Семеновское, а с другой – Михалево. Ее имя Геда.

– Передадим, не волнуйся, красавица, – ответила женщина. Подняв руку, она поправила длинные темно-каштановые волосы, и браслеты зазвенели и заискрились на солнце.

– А оно точно дойдет?

– Цыганская почта – самая верная.

«Очень скоро ты станешь другой, – глядя на Сашу, думала Мария Николаевна Чернышева. Впервые за долгие месяцы ее не мучили по утрам страшные мигрени и не чувствовалась слабость в ногах. – Наблюдая с неба, родители всегда будут радоваться за тебя, Александра. Обещаю».

Глава 16

– Первый раз сожалею о том, что толком не умею говорить комплименты. Если я и произношу подходящие слова, то, на мой взгляд, они звучат скомкано и неубедительно. – Федор сделал шаг назад, пропуская Катю, и добавил: – Вы сегодня чудесно выглядите. Другая прическа.

– Спасибо, – она коротко улыбнулась и остановилась, не зная, куда пройти.

– Давайте начнем с живописи, а потом обязательно выпьем кофе или чай. Включайте диктофон, Катя, я готов продемонстрировать миру свой богатый внутренний мир. – Усмехнувшись, Федор указал на коридор, уходящий влево. – Пойдемте, нас ждут закаты, восходы, дороги и полевые цветы.

Катя проснулась в восемь со странным тягучим предчувствием перемен. Выбрав длинную расклешенную юбку в стиле ретро и укороченный тонкий джемпер оливкового цвета, она закрепила часть волос на затылке простенькой заколкой и выделила глаза тенями и тушью.

– Я готова к бою, – сказала Катя отражению и крутанулась, давая возможность юбке вспорхнуть волнами.

Встретив взгляд Мелихова, она почувствовала определенную неловкость, в его глазах отражались... одобрение и удовольствие. Казалось, Федор максимально растягивает минуту, стараясь запомнить штрихи и детали, чтобы сохранить впечатления на будущее.

Они договорились осмотреть два зала, оставшихся практически неизученными, и Катя спешила окунуться в новую атмосферу. «Полтава» осталась за спиной, на противоположной стороне этажа, и сейчас чувствовалась свобода от корабля и всего, что с ним связано.

– Какие картины вызывают у вас наибольший интерес?

– Те, на которых я замечаю четкую линию личной истории. То есть это может быть и выдуманная художником история – не важно, но в ней должна присутствовать неподдельная жизнь. Или... – Федор задумался. – Или пусть на полотне кипят страсти.

– Тогда... на аукционе... вы были совсем другим, – неожиданно для себя произнесла Катя и быстро перевела взгляд на следующую

картину. Слова выпорхнули, и поймать их не представлялось возможным, да и не нужно было: сердце забилося сильнее, ожидая ответа.

– Тогда я плохо вас знал, – произнес Федор спокойно. – Я не слишком открытый человек.

– Я тоже.

– Мне всегда приятно, когда у нас оказывается что-то общее. Пройдитесь по залу, какая картина вам нравится больше всего? Интересно, совпадут ли наши вкусы в живописи.

– Но я не большой знаток.

– Выбирайте не умом, а сердцем.

Катя посмотрела сначала направо, потом налево и покачала головой:

– Картин очень много, вероятность совпадения ничтожно мала.

– Тем интереснее. – Федор хитро прищурился и добавил: – Я подожду здесь, не хочу влиять на ваш выбор. Но, как отыщете свою картину, обязательно позовите.

Даже приблизительно Катя не смогла бы сказать, какое количество картин присутствовало в зале. Большие, маленькие, средние, яркие, почти серые, надменно черные, пастельные, они висели на стенах и стояли на подставках, напоминающих мольберты.

– Сколько здесь картин?

– Девяносто восемь.

– Ладно, сейчас я сосредоточусь и выберу, только не торопите меня.

– Я и не собирался, – ответил Федор, поднимая руки, показывая абсолютную безоружность.

– Учтите, я обойду зал минимум два раза.

– Хоть пять.

Катя пошла медленно вдоль стены, внимательно разглядывая каждую картину. Мысленно она делала отметки: «Надо запомнить эту... и вот эту... третья сверху тоже ничего... первую вычеркиваем, потому что я ее уже забыла...» Повернув и продолжив путь, она скользнула взглядом по картине в серебристой раме с тонкими вставками из темного дерева. Художник изобразил девушку, крепко сжимающую в руке красный платок, а на втором плане – не то тени, не то лошади. Потом заинтересовала картина со стариком, разломившим

хлеб, собирающимся, судя по сумеркам, поужинать. Ворон на могиле, рыбаки с надеждой смотрят на море, торговцы стопками складывают ткани, старуха чистит лук и морщится... Наверное, если рассмотреть каждую картину отдельно, то душу тронут и личная история, и мелкие подробности, и страсти, о которых говорил Мелихов, однако останавливаться не хотелось, и Катя пошла на второй обещанный круг.

Но, сделав несколько шагов, она поняла, что больше не ищет нужную картину, взгляд полетел по портретам, полям и лугам, не притормаживая ни на секунду. Хмурились тучи, крошился хлеб, море обещало богатый улов и тридцать три несчастья, луковый сок пощипывал глаза, но там, на соседней стене, ближе к углу, на ветру стояла девушка с красным платком и звала к себе. Кате показалось, что не она выбирает картину, а картина выбирает ее. И она уверенно направилась прямо.

– Мне нравится эта девушка, – сказала она громко, не оборачиваясь.

– Вы уверены?

– Да, – ответила Катя.

Раздались шаги. Мелихов подошел совсем близко и встал точно за ее спиной. Его дыхание коснулось шеи, две тени на стене слились, превратившись в одну. Некоторое время Федор молчал, а затем произнес серьезно:

– Моя самая любимая картина в этом зале.

– Не может быть.

– Отчего же?

Катя не находила в себе сил обернуться, да и если бы смогла, то оказалась бы на расстоянии всего пары сантиметров от Федора. Он не должен был подходить так близко, но он сделал это.

– И чем же она вам нравится?

– Загадкой. Посмотрите внимательно. Девушка смотрит вдаль, она застыла в ожидании, ветер треплет ее темно-русые волосы, в зеленых глазах печаль. Широкая юбка почти до пола, странная рубашка явно с чужого плеча, черная старенькая шубейка... Вроде все ясно. Но обратите внимание, юбка чуть приподнята, а под ней виднеется подол дорогого платья, украшенный кружевом. Кто эта девушка? Она богата или бедна? Кого она ждет и почему сжимает в руке красный платок? – Федор осторожно коснулся локтя Кати, отчего по ее коже побежали

обжигающие мурашки. – У вас есть ответы на эти вопросы? Или предположения?

– Быть может, она от кого-то прячется...

– Быть может, – эхом ответил Федор.

Прикосновение стало более явным, его рука медленно начала опускаться вниз, пока пальцы не переплелись так же, как тени на стене. Поймав в душе острое желание все же развернуться, Катя сжала губы и осталась стоять на месте.

– Как называется картина и кто художник? – тихо спросила она, понимая, что попала в ловушку, из которой невозможно и не хочется выбираться.

– «Ветер подскажет имя», Матвей Глинников.

* * *

Давным-давно...

Павел и не предполагал, что так сильно соскучился по Петербургу, нужно чаще приезжать, не такая уж и дальняя дорога. Дома его ждали письма и приглашения от тех, кто не помнил или не предполагал, что он следит за хозяйством в имении. Бездумно читая их и отправляя по одному в огонь камина, Павел сидел в кресле.

Александра Образцова в пролетке вместе с отчимом...

Александра на ужине у Платоновых...

Далекое воспоминание – маленькая девочка на мостке у реки с венком из одуванчиков...

Александра в яблоневом саду...

Повторяясь вновь и вновь, образы проносились в голове, и остановить их не было никакой возможности. Да Павел и не хотел.

– Я не догнал тебя, – произнес он, и в ответ затрещали поленья, охваченные пламенем. – Где ты?..

Вопрос вспыхнул и утонул в раздражении и досаде. Поднявшись, Павел взял со стола половину красного платка – подарок Геды – и нервно заходил по комнате. Отчего-то именно платок давал ощущение

близости к Александре, может, виною был яркий притягательный цвет?

«Я должен знать точно, приняла тебя княгиня или нет, а больше ничего и не требуется».

Но Павел лгал себе, требовалось гораздо большее: радость на лице Александры от встречи с ним, благодарность за помощь (а он надеялся успеть согреть ее после долгого пути через лес и поле) и прощение. Да, чем дальше, тем сильнее требовалось прощение.

Полужинав без особого аппетита, Павел быстро написал записку в три строки и велел отнести ее адресату. Ближе к ночи, когда на улице уже сгустилась темнота, а луна затянула свою желтую песню, в комнату зашел сухонький старичок и тихо, но выразительно произнес:

– Добрый вечер, Павел Андреевич. Звали? – Вытащив из кармана огромный несвежий платок, он шумно высморкался и в знак извинения произнес: – Промозгло, сударь. Вот подхватил где-то насморк.

– Подойдите к огню и садитесь, – ответил Павел. Он не любил такого рода людей, они заставляли пробуждать в себе самое обыкновенное, но продолжительное терпение. Паучий взгляд этого маленького человека всегда надолго замирал на одной точке, будто именно здесь и было сосредоточено самое главное. Улыбка случалась невпопад, движения выходили то суетливыми, то излишне плавными.

– Без сомнения, я так и поступлю. Благодарю вас.

Полушконков Дмитрий Мартынович занимался частным сыском, и ранее Павлу приходилось обращаться к нему по малозначимым, но требующим решения вопросам. Результат всегда удовлетворял, рекомендации в свое время не соврали.

– Я пригласил вас по весьма деликатному делу. И я хочу, чтобы лица, которые я сейчас назову, никак не обнаружили вашего интереса или присутствия.

– Понимаю, – протянул Дмитрий Мартынович и кивнул.

– Сегодня в город прибыла девушка – Александра Образцова. Она приехала к своей тете – княгине Марии Николаевне Чернышевой. Полагаю, она задержится у нее надолго. – Павел подошел к окну и встал спиной к Полушконкову. – Вам что-либо известно о княгине?

– Вдова. Маловыразительная особа. Любит театры. Раньше никто не интересовался ее персоной, и я располагаю малой долей информации.

– Понаблюдайте несколько дней за домом Чернышевой... Меня интересует, останется у нее гостить Александра Образцова или нет. Я также хочу знать, как обращаются с девушкой и всем ли она довольна.

– Вы правы, титул еще не говорит о благополучии. – Полушконков издал крякающий звук, и Павел понял, что это усмешка. – Я знал такие семейства... Но не будем об этом. Сколько дней вы мне даете?

– Два-три.

– Маловато для полноты картины, но, возможно, случай окажется простым.

– Если Александра не посетила княгиню, обязательно сообщите об этом сразу.

– Всенепременно, – заверил Полушконков и поднялся с кресла. Обернувшись, Павел увидел на его лице блуждающую улыбку. – Всенепременно, – повторил Дмитрий Мартынович и поклонился.

Ожидание нервировало и заставляло все чаще расхаживать по комнате туда-сюда и поглядывать на часы. Поздним вечером следующего дня Полушконков прислал с посылным записку: *«Рад сообщить, она именно там, где вы и предполагали»*. Перечитав несколько раз предложение, сложив записку и небрежно отправив ее в ящик письменного стола, Павел замер среди кабинета, закрыл глаза и улыбнулся. Александра – маленькая, хрупкая, нежная, добралась до цели. Да если бы она сейчас была рядом, он бы затряс ее и прижал к себе со словами: «Ты молодчина, слышишь? Ты молодчина!» Он прекрасно понимал, что пришлось пережить Александре, и, несмотря на колючее чувство вины, гордился маленьким подвигом этого сильного воробышка.

Полушконков вернулся через четыре дня, на его лице читалось глубокое удовлетворение, залысины поблескивали, тонкие губы находились в постоянном непокое, будто Дмитрий Мартынович непрерывно разговаривал с кем-то мысленно. Павел подозревал, что именно с ним.

– Павел Андреевич, спешу доложить, что ваше поручение выполнено. Александра Образцова прибыла к княгине Чернышевой, впрочем, вам об этом уже известно. Со слов одной из служанок, Мария

Николаевна приняла племянницу как родную дочь. К девушке спешно приглашены преподаватели танцев, литературы, истории, музыки, французского языка... Ближе к лету княгиня планирует вывести Александру в свет.

– Значит, о возвращении домой речи не идет?

– Я не знаю, откуда приехала племянница Марии Николаевны, вы не просили узнать об этом, но тема отъезда не всплывает, – ответил Полушконков, приглаживая редкие светлые волосы. – Наоборот, все говорит о том, что девушка остается у княгини на продолжительное время.

– Что-нибудь еще?

– На Сенном рынке Александра отдала письмо семье цыган и попросила передать его адресату. К сожалению, я не мог подойти ближе, и имя не долетело до моих ушей. Но я слышал, как женщина в ответ произнесла: *«Цыганская почта – самая верная»*. Уверен, письмо будет доставлено.

– Гeda... – еле слышно произнес Павел.

– Что вы сказали?

– Нет, ничего.

– Будут ли еще какие-либо распоряжения?

Только в этот момент Павел осознал, что простая и одновременно сложная история его отношений с Александрой Образцовой закончилась. Больше не нужно устремляться вперед, надеясь на встречу, спрашивать, узнавать, беспокоиться. И даже ругать себя уже не стоит – его недостойный поступок превратился в пыль прошлого.

Это сейчас Павел стоит возле книжных полок и думает об Александре, а вспоминает ли она?

Хотя бы с презрением и ненавистью...

Или новая жизнь поспешила перечеркнуть все вчерашнее?

– Нет. Я благодарен вам за работу.

Когда Полушконков ушел, Павел спустился на первый этаж в столовую, съел суп, не почувствовав вкуса, проигнорировал другие поданные блюда и вернулся в кабинет, желая разобрать не срочную деловую корреспонденцию. Он старался продолжить день как обычно, не возвращаясь постоянно к образу Александры, но уже через час, когда он писал ответ в министерство, его правая рука задрожала, а зубы сжались. Павел откинулся на спинку стула, закрыл глаза и

попытался унять вспышку злости, разрывающую грудь. Ему больше нечего делать в Петербурге, все, что было нужно, он узнал, и теперь самое время возвращаться.

«Не будет тебе покоя, не будет счастья, и умереть захочешь, так не умрешь. Будешь всегда бежать по следу и сгинешь, пропадешь, если не сыщешь кусок души потерянный...» – далеким эхом донеслись слова, не так давно сказанные Гедой.

Нет, это не злость сейчас терзала его изнутри, не разочарование, а возрастающая нестерпимая режущая боль. Она беспрепятственно шагала по ребрам, небрежно задевая их, она втекала с кровью в вены и неслась дальше, наполняя крепкий организм мукой, она устремлялась к мозгу, настойчиво шепча: «Больше никогда... больше никогда... больше никогда Александра не посмотрит в твою сторону... Она будет жить без тебя... счастливо и беспечно...», боль гнула кости и самое страшное – она не собиралась никуда уходить.

Встав так, что стул громыхнул и упал, Павел провел рукой по лицу и резко выпрямился.

– Больше никогда...

Вот теперь он предложил бы Александре Образцовой очень много. Он бы отдал ей все, включая жизнь и свободу. Но ветер унес тот день и час, когда она могла бы услышать эти слова, улыбнуться в ответ, смутиться и, может, сказать: «Да».

«Что я наделал и как я стал таким?»

Вопрос остался без ответа. Павел в три шага подошел к окну и посмотрел на холодную улицу Петербурга. Надо уезжать. Немедленно. Надо забыть, перечеркнуть... Но в глубине души он знал – это невозможно. Куда бы он ни устремился, как бы ни лгал самому себе, за сколько бы дел ни взялся одновременно, боль всегда будет идти рядом – след в след.

Ночью Павел проспал не больше четырех часов: стоило закрыть глаза – и из темноты появлялась Александра. Он протягивал руку, чтобы убрать с ее щеки прядь, она поднимала голову, заглядывала ему в глаза и... Он просыпался.

В восемь утра Павел вскочил на Норда и рванул из Петербурга прочь. Ветер бил в лицо, грязь летела из-под копыт, спина взмокла, но

боль не отставала, она уже выбрала себе друга на долгие, долгие дни и собиралась служить ему верой и правдой.

* * *

Федор сделал шаг назад, и у Кати появилась возможность обернуться.

– Матвей Глинников? Но... – Она замолчала, встретившись взглядом с Мелиховым.

– Я говорил вам, что он не только мастер, изобретатель, но еще и художник. Что-то для него было более важным, что-то менее... Но рисовал Глинников точно лишь для себя, он никогда не продавал, не дарил и не выставлял своих картин. Вряд ли эту работу можно назвать детальной и продуманной. «Ветер подскажет имя» – скорее образ, волна нахлынувших чувств, загадка, которую ему или удалось, или не удалось разгадать.

– Вы не знаете... Он был счастлив? – неожиданно для себя спросила Катя.

– Я не сомневаюсь в этом. Мне кажется, увлеченные люди всегда счастливы.

Она не стала больше задавать вопросов, но ее интересовало немного другое счастье мастера. Личное. Любил ли он? Любили ли его? Быть может, эта девушка с красным платком и есть мечта художника?

«Из всех картин вы выбрали работу Глинникова. Вам не кажется это странным?» – спрашивал взгляд Федора.

«Еще немного, и мне ничего не будет казаться странным», – мысленно ответила Катя.

«Почему?»

«Куда уж больше...»

«Вы волнуетесь? Я подошел к вам слишком близко. Не это ли причина?»

Отвернувшись, Катя вновь двинулась вдоль стены, а потом остановилась и, желая покинуть то место, где в воздухе теперь

кружилась неловкость, попросила:

– А можно кофе?

– Да, конечно.

В столовой она почувствовала себя иначе, с картин на нее больше не смотрели рыбаки, очаровательные девушки, старики, вороны... Все свидетели волнительной слабости остались в зале с живописью.

– Спасибо, очень вкусно.

– Совершенно не за что. Я ленюсь готовить в турке, а нажатие кнопки на кофемашине не стоит благодарности.

Раздался приятный мелодичный звук дверного звонка, но Федор не двинулся с места, лишь поморщился, явно недовольный, что гости пришли в неподходящий момент.

– Не будете открывать? – спросила Катя и чуть улыбнулась.

– Никого нет дома, – пожал плечами Федор. – Только тени прошлого в золоченых рамах и одинокие окимоно на черных бархатных подушках.

– А вдруг по важному делу?

– Свои позвонят на мобильник. – Федор вынул из кармана пиджака телефон и положил его на стол. – Считаем: один, два, три...

Мобильный телефон загудел, и Катя увидела на экране фотографию Ольги.

– Свои, – сказала она, улавливая в душе некоторое разочарование.

– Да, – согласился Федор. – Не спрятаться, не скрыться. Пойду открою, а вы пока допивайте кофе, вернусь и приготовлю вам еще чашку. Надеюсь, сегодня мы проведем как можно больше времени вместе. – Немного помолчав, он добавил: – У вас же осталось еще много вопросов, да?

Ольга зашла в столовую так, точно здесь располагался ее личный офис. Кинув Кате: «О, привет!» – она села в кресло около окна, облокотилась на подлокотник, вдохнула витающий в воздухе аромат кофе и немедленно попросила:

– Федор, умоляю, приготовь, пожалуйста, двойной эспрессо, хочется чего-нибудь крепкого и бодрящего.

– В таком случае давай предложу тебе текилы.

– Спасибо, не надо. – Она засмеялась искренне и звонко. – Мое увлечение текилой закончено. Честно говоря, она мне попросту надоела.

Пока Федор готовил для всех кофе, Ольга не сводила с него глаз. На ее лице застыла загадочная улыбка, съехавшая с ноги алая туфля подрагивала в такт мыслям.

Катя осторожно наблюдала за Ольгой и сожалела, что уединение нарушено. Экскурсия в зал живописи отдалялась вместе со странным прикосновением Федора, зато неловкость и непокой уверенно выходили на первый план. Расклешенная юбка в стиле ретро и джемпер оливкового цвета проигрывали дерзкому платью-мини, украшенному на груди лаконичной, но необыкновенно красивой брошью в виде яблока, усыпанного маленькими красными камушками.

– Прошу к столу. – Федор перенес чашки на стол и придвинул ближе сахарницу.

Ольга поднялась и плавно подошла к Мелихову, положила руку на его плечо, прижалась бедром и с улыбкой ответила:

– Спасибо, не дал умереть от жажды.

– Я рад, что ты спасена.

По еле уловимым нотам интонаций, по крупичкам взглядов и миллиметрам жестов Катя безошибочно поняла, что между Ольгой и Мелиховым когда-то были отношения. И, возможно, они есть и сейчас...

Правда оказалась неожиданной и топкой, точно болото она принялась тянуть к себе, пока в ушах не зазвенело и ложка не звякнула о край широкой белой чашки. Нет, нельзя думать об этом, взаимность Ольги и Федора не имеет никакого отношения ни к статье, ни к интервью, ни к русскому линейному кораблю четвертого ранга. И к ней, к Кате, тоже.

– Как же я устала... – Ольга сделала первый глоток, откинула прямые ухоженные волосы назад и с сомнением посмотрела на сахарницу. – Нет, не буду. Если вредно, то лучше потренирую силу воли. В горьком кофе есть своя прелесть. Катя, вы пьете сладкий?

– Да.

– Пожалуй, я вам немножко завидую. – Ольга холодно улыбнулась и перевела взгляд на Федора: – Какие планы на вечер, только не говори, что будешь работать.

– Тогда я лучше разумно промолчу. – Он тоже улыбнулся и добавил: – Мне нравится сегодняшний день, и я хотел бы его немного продлить.

Ольга подалась вперед, коснулась руки Федора и нараспев произнесла:

– Надеюсь, ты помнишь, что в жизни есть и другие удовольствия?

– Поверю тебе на слово, если ты говоришь, что они есть, так тому и быть.

Их взгляды встретились и слились, Мелихов смотрел спокойно и даже с оттенком легкой иронии, и Катя вновь почувствовала робкий укол ревности. Да, ревности. Должна ли она подбирать другое слово, станет ли от этого легче?.. Между близкими людьми случаются словесные игры, понятные только им, вот сейчас за столом происходила именно такая маленькая битва, и глупо было говорить себе: «Мне все равно».

«Я – журналист, я на работе, – напомнила себе Катя, улавливая холодок в животе. И тут же сдалась, проигрывая свой личный бой: – Когда же это случилось?.. Я не могу уже без него?..»

От окончательного и бесповоротного открытия перехватило дыхание, Катя, боясь поперхнуться, быстро поставила чашку на блюдец. Когда еще раз раздался мелодичный трель звонка, она не сразу поняла, что на пороге опять гости.

– Я открою, – произнесла Ольга, медленно поднялась и поплыла к двери. Дерзкое платье ничуть не прятало ее красивые ноги, туфли на высоком каблуке издали победные «тук-тук-тук...».

Увидев Андрея, Катя сразу почувствовала себя лучше, а когда он придвинул стул ближе, улыбнулась и сама предложила ему кофе.

– Спасибо. – Он благодарно посмотрел на нее. – Но я с утра только и делаю, что злоупотребляю американо. Что насчет обеда? Или уже перекусили?

– Я пока не хочу, спасибо, – ответила Катя.

– Я тоже воздержусь. – Федор подхватил опустевшие чашки и отнес их к мойке.

Сняв пиджак и повесив его на спинку стула, он засучил рукава рубашки и включил воду. Свет от окна окутал стройную фигуру, выделив спину и руки. Катя с трудом отвернулась и сразу встретила насмешливый взгляд Ольги. «Нравится? – будто спрашивала она. – А зря. Ты приехала и уедешь, а я буду рядом всегда».

– Катя, Федор говорил, что нужны фотографии. Я организую фотосессию в самое ближайшее время, – сказал Андрей. – У вас есть

какие-либо пожелания?

– Понадобятся две вертикальные фотографии и несколько горизонтальных, а все остальное на ваше усмотрение. Побольше загадочности, конечно, не помешает.

– Если потребуется, нагоним серого тумана, не сомневайтесь.

Катя пожалела, что она с Андреем не на «ты», сейчас бы еще большей легкости, способной растворить появившуюся скованность в словах и движениях. Она бы ушла, но подготовка к печати интервью не может длиться бесконечно, и чем раньше получится покинуть отель, тем лучше.

«Чем раньше, тем лучше», – мысленно повторила Катя, интуитивно обнаруживая путь к спасению.

– Кажется, я тоже проголодалась. Андрей, что ты там говорил про обед? Хочу огромную порцию салата с креветками и апельсиновый сок.

Не дожидаясь ответа, Ольга поднялась, взяла со стола свой мобильный телефон и тряхнула головой, отправляя каждый волосок на свое место.

– Пошли, но предупреждаю, я сегодня не настроен на креветок и тебе придется терпеть аромат можжевелевой утки.

Возвращаться к интервью было сложно, но Катя попыталась настроиться на волну профессионализма, и это почти получилось. Федор сел рядом на соседний стул, и теперь можно было впитывать его дыхание, угадывать ноты его парфюма, и... продолжать вспоминать слова Ольги. Катя чувствовала, как слабеют руки и путаются мысли, к сердцу волной то подкатывало отчаяние, то отступало. Пожалуй, спасал маленький красный огонек на корпусе диктофона, на нем получалось ненадолго сосредоточиться. Теперь Федор отвечал на вопросы коротко и серьезно, не торопился – нет, а будто хотел шагнуть на следующую страницу ее ежедневника, где был записан приблизительный план разговора.

– Можно я еще раз посмотрю на картину с девушкой? – неожиданно попросила Катя.

– Да, конечно.

Встав ровно на то же место, что и в прошлый раз, она подняла голову и теперь внимательно изучила и выражение лица, и одежду, и

фон. Это немного отвлекло и успокоило. Федор молча стоял рядом и не мешал углубляться в далекое прошлое.

«Есть только один способ вырваться на свободу и вернуться к прежней жизни. Я окунулась в интересный мир, я даже была главной героиней обмана, а теперь пора домой. Федор Дмитриевич, я стала забывать, для чего я вам нужна и какие усилия вам пришлось приложить, чтобы направить меня по нужной дороге... А забывать этого не нужно. Нельзя».

– Я должна уехать, постараюсь вернуться к вечеру. Спасибо за общение, мы значительно продвинулись, осталось совсем немного.

– Если хотите, я вас подвезу, – предложил Федор, делая шаг к Кате.

– Нет, спасибо, – она мотнула головой и быстро пошла к двери. Если бы она обернулась, то увидела бы, что на нее с сочувствием и пониманием смотрит русоволосая девушка с портрета. Ветер развеивает ее волосы, красный платок горит в руке.

Глава 17

«Давайте-ка выползайте из своего блиндажа!» Больше всего Глеба выводило из себя то, что он не мог пробраться на этаж коллекционера, и поселить там «жучки» тоже не получалось. Взгляд Кати вспыхивал, когда она видела Мелихова, лицо светлело, точно в душе загоралась маленькая лампочка, а хорошо это или плохо?..

Если бы не «Полтава», Глеб сделал бы ставку именно на Федора, не подводит же его интуиция – в воздухе витают маленькие розовенькие...

– Пороссячьи сердечки. – Он улыбался и следил, как Мелихов за ужином смотрит на Катю. Теперь каждое слово доносилось и до его ушей, подслушивающее устройство работало без перебоев. «Отлично, мои дорогие, я в спецназе!»

Сначала к Федору отправилась Катя, потом Ольга, а затем уж и Андрей... Что за собрание? Глеб нетерпеливо то поднимался, то спускался на лифте, пару раз зашел в ресторан и за барной стойкой выпил коньяк. «За ваше здоровье, чтоб вы там все переженились». Бездействие изрядно раздражало.

Ольга и Андрей вскоре отправились обедать, и у Глеба в животе заурчало при мысли о салате с телятиной и хорошей порции краба.

«Подежурю еще немного и наверстаю упущенное, не убежит от меня мясистый представитель ракообразных».

Когда Катя выпорхнула из лифта на первом этаже, Глеб безошибочно определил, что она спешит за «Полтавой». Это угадывалось в бледности лица, в сосредоточенном взгляде серых глаз, в отчаянии, сквозящем в каждом шаге и движении. И он устремился следом, чтобы убедиться в своих предположениях.

«Катя-Катерина, неужели отдаешь? Потянула бы резину, а то Мелихова еще не пробрало до костей... – Глеб хохотнул. – Правда, что ли, отдаешь? Эй, ты б подготовила меня заранее, а то теперь жаба душит! Крошка, не продешеви только, любовь – дело хорошее, но антиквариат на дороге не валяется!»

Когда Катя зашла в свой подъезд, Глеб издал многозначительное: «Ну-ну» – и прислонился спиной к березе.

– Я тебя на улице подожду, не торопись, пакуй корабль получше. Вообще я тебя полностью поддерживаю, ты совершенно права: продавать ценное имущество лучше до свадьбы.

* * *

Корабль по-прежнему стоял на столе, и Катя ненадолго замерла рядом с ним, прощаясь.

«Ты поплывешь к другим берегам, где тебя будут холить и лелеять, где ты забудешь, что такое пыль и одиночество. Правильное ли принял решение мой предок – Сергей Кузьмич, когда не разбил тебя? Думаю, правильное. Может, у Матвея Глинникова было плохое настроение, и именно поэтому он распорядился так, а не иначе... Не должен же ты нести ответственность за пессимистическое настроение мастера».

И все же хотелось увидеть росчерк пера Глинникова, узнать, как он строил фразы и кому просил отдать «Полтаву». Да и, наверное, правильно передать Мелихову макет вместе с распоряжением.

Катя весьма приблизительно знала, где и что хранилось у деда, после его смерти она не трогала бумаг и не изучала папки. Она боялась воспоминаний, да и все равно пока не готова была выбрасывать черновики, записки, копии... Все то многостраничное богатство, которое накопилось за долгие годы.

– Начну с сейфа.

Но сейф оказался практически пуст, и пришлось тащить табурет с кухни и заглядывать на верхние полки шкафа. Именно там, в дальнем левом углу, она нашла хрустящий пакет из вощенной бумаги, и в нем лежали старые письма бабушки, перетянутые обычной канцелярской резинкой, расслаивающейся от времени на тусклые ломкие нити, профсоюзный билет, сохранивший серый цвет корочки, пожелтевший

читательский билет и узкий мятый на углах конверт с распоряжением Матвея Глинникова.

«Прошу хранить макет корабля „Полтава“ на протяжении пятнадцати лет. Если за указанное время за ним не придет племянница княгини Марии Николаевны Чернышевой – Александра Образцова, то корабль безвозвратно переходит в личную собственность нотариуса Щербакова Сергея Кузьмича. Но, поборов в себе уважение к моему труду, он должен разбить данный макет и наконец поставить точку в этой истории.

Матвей Глинников

Дата.

Подпись».

Катя перечитала несколько раз. Выходит, корабль перешел в собственность семьи Щербаковых, и теперь его с чистой совестью можно продать. Однако Сергей Кузьмич все же должен был его уничтожить, и... не очень-то чистая совесть получается.

«Но это все же не завещание и не последняя воля умершего. – Катя зашла в свою комнату и достала из шкафа дорожную сумку. – Я решилась, и не нужно отступать и искать отговорки. Неизвестно, почему Глинников оставлял корабль племяннице княгини... Может, они поссорились, а потом помирились и про „Полтаву“ вообще забыли».

Она старалась не вспоминать об Ольге и своем открытии, личная жизнь Мелихова – его право и выбор.

К отелю Катя подходила быстрым уверенным шагом, душа предчувствовала скорое избавление, и нужно было только не сворачивать с намеченного пути. Подойдя к ресепшену, она написала Мелихову сообщение:

«Я вернулась. Поднимусь к вам?»

«Да».

– Будьте добры, проводите меня к Федору Дмитриевичу Мелихову, он меня ожидает.

– Пожалуйста, назовите свое имя.

– Екатерина Щербакова.

Девушка-администратор набрала номер Мелихова и, получив подтверждение, направилась вместе с Катей к лифту. Если у Андрея и Ольги был доступ на этаж, то у нее его не было.

Дверцы открылись, и сумка показалась до невозможности тяжелой.

– Спасибо, – сказала Катя сопровождающей девушке, вышла из лифта и протянула руку к звонку. Если Мелихов находился в кабинете, то он мог открывать дверь, не поднимаясь с кресла, в других же комнатах не было экрана с разрешающей кнопкой. «Встретит или нет?»

Дверь открылась, но за ней никого не было.

«Я журналист – это раз. Я собираюсь совершить торговую сделку – это два», – приободрила себя Катя.

Когда она зашла в кабинет, то сразу увидела на столе в металлическом ведерке бутылку шампанского и два высоких бокала рядом. Федор сменил рубашку на серую футболку, которая в сочетании с классическими брюками сделала образ весьма демократичным.

– Приятно, что вы вернулись, Катя. Как я уже говорил, мне хочется растянуть этот день, вы же составите мне компанию?

– Постараюсь. – Она осторожно поставила сумку на пол.

– Вы привезли еще вещи? Меня это может только порадовать, значит, вы собираетесь задержаться в отеле. Без вас здесь стало бы пусто.

– Это не вещи, – ответила она, с вызовом встретив взгляд Мелихова.

Федор вынул из ведра бутылку, одним движением стер белой тряпичной салфеткой капли воды со стекла и разлил шампанское по бокалам. Пузырьки взметнулись вверх, приглашая в мир головокружительной легкости и прохлады.

– За вас, Катя.

Она не стала перечить, кокетничать или смущаться. Да, пусть будет за нее. Взяв бокал, Катя сделала несколько глотков и улыбнулась, вспоминая давний разговор.

«— Бывали случаи, когда вы не получали желаемого?»

— Не получал сразу? Бывали. Но я всегда знал, что корабль удачи приплывет ко мне позже. Обязательно».

Корабль приплыл, его нужно только достать и предъявить миру. Сложное часто оказывается простым, особенно если пузырьки шампанского на стороне противника.

— Федор Дмитриевич, — начала Катя, и по лицу Мелихова скользнула тень удивления. Давно она не называла его по имени и отчеству, тысячу лет прошло с тех пор. — Наверное, я сейчас буду долго говорить, вы не перебивайте меня, пожалуйста. — Она коротко вздохнула, решаясь. — Каждый спектакль рано или поздно заканчивается, вы написали хороший сценарий, но и у него есть последняя строка: «Финал». Вы прислали мне приглашение на аукцион, где впервые встретились со мной. Наверное, вам нужно было понять, какой я человек. Но вовсе не для того, чтобы позже предложить работу над статьей и интервью. — Катя сделала еще один глоток шампанского и посмотрела на Мелихова. В его глазах уже вспыхивали огни, но выражение лица хранило маску спокойствия. — Вы хотели получить оригинал макета «Полтава», корабль был вашей целью. Я не знаю, как вы узнали о том, что он у меня, наверное, это и не важно... — Ее голос стал тише, но все же звучал ровно и твердо. — Я обязательно допишу статью, и она будет сильной и интересной, обещаю вам. И интервью тоже выйдет в срок.

— Катя, — произнес Федор, но она подняла руку, прося еще тишины.

— Вы собирались купить «Полтаву» за три миллиона... Я согласна. Считаю эту цену честной. Номер карты сообщу вам позже. — Вытащив из кармана юбки послание Глинникова, она протянула его Мелихову. — Вы можете убедиться, что у меня есть право распоряжаться судьбой корабля. Хотя, если учесть пожелание Матвея Глинникова, оно немного спорно.

Федор вынул из конверта листок, и его взгляд жадно побежал по строчкам:

«...корабль безвозвратно переходит в личную собственность нотариуса Щербакова Сергея Кузьмича... он должен разбить данный макет и наконец поставить точку в этой истории...»

– Это почерк мастера, – произнес Федор, опуская руку с конвертом и распоряжением. – У меня есть дневник его сестры – Веры Григорьевны. Когда я на него наткнулся случайно в поисках «Полтавы» и открыл, из него выпали черновики Матвея Глинникова и несколько деловых бумаг. Значит, корабль предназначался племяннице княгини, почему-то мне кажется, что девушка, изображенная на картине, которая вам так понравилась, и есть Александра Образцова... О ней есть упоминание в дневнике. Кругом тайны, – Федор усмехнулся и перевел взгляд на дорожную сумку.

– Третья пушка сверху по левому борту поднимает и опускает мачты корабля, – ответила Катя, разрешая тем самым достать «Полтаву».

Нет, она не ждала, что известный коллекционер Федор Дмитриевич Мелихов ахнет и кинется задавать ей вопросы или благодарить. Эта суетливая песня не имела с ним ничего общего. Но, наверное, увидеть радость в его карих глазах все же хотелось...

Но Мелихов не двинулся с места, положив бумаги на край стола, он подошел ближе и произнес ровно, будто читал книгу:

– Да, вы правы. Приглашение на аукцион – моя работа. Сожалею ли я о небольшом обмане? Нет. А дальше... Пожалуй, дальше игру можно назвать честной. Мы оба знали, у кого какие карты на руках, а уж в какой последовательности предъявлять их, каждый выбирал сам. И давайте я скажу совсем уж крамольную вещь: я получал удовольствие не только от своих слов и поступков, но и от ваших. Спасибо Матвею Глинникову, что из всех нотариусов того времени он выбрал именно вашего предка.

– Позаботьтесь о «Полтаве», она заслужила этого, – ответила Катя, и ни один мускул не дрогнул на ее лице.

Федор кивнул, подошел к сумке, осторожно поднял и положил ее на стол. Расстегнул молнию и достал корабль и подставку.

– Третья пушка? – уточнил он.

– Да, одно простое нажатие.

Корабль вскинул мачты и мгновенно притянул к себе не только внимание, но и свет. Картуш в обрамлении пальмовых ветвей, победное название корабля, лавровые венки, две одинаковые, симметричные фигуры Георгия Победоносца, двуглавый орел, держащий карты четырех морей, знамена, пушки, копья... Федор стоял неподвижно и впитывал все элементы декора «Полтавы», он не услышал, как Катя развернулась и тихо ушла.

Уже в лифте она торопливо написала сообщение Горину:

«Сергей Юрьевич, работа над статьей и интервью идет полным ходом. Материал собран. Я уеду на несколько дней к подруге за город, хочу сосредоточиться в тишине, чтобы результат превзошел все ожидания. Мобильная связь там плохая, так что не теряйте меня».

Поднявшись в номер, Катя переоделась, выбрав удобные джинсы и мягкую голубую рубашку в тонкую синюю полоску, хладнокровно собрала все вещи, два раза проверив, что ничего не забыто, и покинула отель. Поварская улица встретила ее знакомыми магазинами и остановками, шелестом зеленых листьев деревьев, стаканчиком пломбира, купленным в ларьке по пути, дорожкой, ведущей к подъезду.

Горину Катя немножко соврала, но это была вынужденная мера предосторожности. Сейчас ей нужно побыть одной, и не следует никому знать, до какой станции будет куплен билет на электричку. Бронницы. Она поедет в Бронницы. И проведет там прекрасную неделю с ноутбуком, ароматным чаем, вареньем, незамысловатой едой. И пусть мысли переплетаются выюнами, а сердце требует остановки и признания, там, вдалеке от города, природа и крыша родного дома укроют ее от любой боли и воспоминаний.

Катя собралась в дорогу, сложив в компактный чемодан на колесиках самое необходимое из одежды и еще чай, кофе, сахар, соль, гречку, овсянку. Ощущение, будто она отправляется в дальнейшее путешествие, вызвало улыбку. В магазине она купила песочное печенье, две шоколадки, хлеб, сырокопченую колбасу и банку

тушенки, чтоб как в детстве. Разве можно променять все это богатство на какой-нибудь чизкейк или многосложную пасту с креветками?

В Бронницах мобильная связь была не очень хорошей, иногда приходилось подниматься на горку, чтобы отправить сообщение или позвонить. Решая сразу поставить окончательную точку после истории с «Полтавой», Катя отправила номер своей банковской карты Мелихову из электрички. Он не ответил.

Газовый баллон давно был пуст, и Катя вытащила из сарая небольшую одноконфорочную плитку, чайник закипел, из носика повалил пар, и в очередной раз вспомнились слова бабушки: «А ты не раскисай, подумаешь, судьба выкинула фортель! Руки, ноги, голова есть? Вот и пользуйся».

Очень скоро участок и дом превратятся в сказку. «Я все для этого сделаю».

* * *

Давным-давно...

Матвей отошел от мольберта и недовольно сморщился. Не получалось. Не имея особого таланта к рисованию, он время от времени брался за кисти и краски. С каждым разом выходило все лучше и лучше, но до Карла Павловича Брюллова еще далеко. Матвей засмеялся над нелепым сравнением и вытер руки неровной полоской льняной ткани. А может, все дело в том, что ему сейчас мешают чувства? Обернувшись на полотно, сконцентрировав взгляд на нежном, трогательном лице Александры, он провел рукой по волосам, убирая их от лица, и направился в угол мастерской. Там лежал на боку почти готовый макет парусного линейного корабля четвертого ранга «Полтава».

– Осталось сделать пятьдесят четыре пушки...

Так случилось, что жизнь Матвея всегда была беспокойной, еще в детстве он мастерил из дерева различное оружие, повозки с лошадьми, шкатулки, настольные подставки для письменных приборов, игрушки, приходящие в движение от маленьких рычажков, и многое другое.

Родители высказывали недовольство и запрещали тратить на это время, считая увлечение сына совершенно ненужным и даже неловким баловством.

Окрепнув к семнадцати годам, Матвей и сам потерял интерес к безделушкам, но теперь его увлекали различные изобретения, благодаря которым мир не только становился лучше, но и комфортнее. Ему хотелось придумать что-то здесь и сейчас, и эта новинка должна была действовать и приносить пользу. Накопив к двадцати семи годам огромное количество чертежей и опытных моделей, он наконец почувствовал себя счастливым, обрел определенный душевный покой и начал вести две параллельные жизни: светскую, с театрами, приемами и балами, и личную – в мастерской.

Благодаря Матвею на почтах стали появляться движущиеся ленты, упрощающие труд работников, зажиточные торговцы теперь предпочитали «хитрые» замки, которые не так-то просто было открыть, чернильницы получили особое горлышко, спасающее от неосторожного проливания чернил... Иногда Матвею требовалось вдохновение, и его взгляд останавливался на красивой женщине. Романы были яркими, короткими, и, удивительно, вслед потом не летели переполненные обидой и слезами письма или ничего не значащие отчаянные угрозы. Никаких скандалов. Матвей ценил ум своих спутниц, а они уважали его таланты, требующие свободы.

Сестры Вера и Лиза любили старшего брата самозабвенно, неудивительно, он заменил им отца и мать и старался сделать все, чтобы они при любых обстоятельствах чувствовали его поддержку и не беспокоились по пустякам. Но у Веры уже давно имелось одно важное беспокойство, и время от времени она с горечью его озвучивала: «Моя личная жизнь не сложилась, наверное, я была слишком разборчива... Матвей, не повторяй мою ошибку, тебе уже тридцать пять лет.

Женись».

И вот в его жизнь совершенно неожиданно впорхнула юная сильная трогательная девушка – Александра Образцова. Что делать, если хочется ее рисовать?

Глава 18

Утро началось с большой кружки чая и маленькой стопки сахарного печенья. Устроившись на веранде, положив ноги на табурет, Катя смотрела на старую яблоню и вспоминала, где лежит толстая бабушкина тетрадь с рецептами различного варенья и заготовок на зиму.

«Да, буду собирать яблоки, черную смородину, вишню и варить варенья. И помидоры посажу, только нужно прочитать, как за ними ухаживать. – Вспомнив, в каком виде сейчас находится теплица, а доисторический целлофан давно продырявился и разлохматился, Катя отреставрировала планы: – Нет, помидоры не посажу. Пусть будут кабачки».

Она нарочно вела себя так, точно ничего не случилось, и гнала лишние мысли прочь. Это не трудно, если хорошенько заморозить сердце и не слушать, о чем оно просит... Самое трудное – это включить диктофон и начать слушать голос Федора. А включить придется, иначе не дописать статью и не подготовить интервью.

– Я смогу.

Мобильный телефон она специально убрала в шкаф, пусть разрядится и не издает ни одного звука. Но требовалась огромная сила воли, чтобы не встать, не достать его и не проверить звонки и сообщения. Всегда же можно найти повод. Например, три миллиона рублей от Федора... Перевел или еще нет? Должно же прийти смс-уведомление.

Диктофон она включила не сразу, сначала прибралась на кухне, достала ежедневник, блокнот, ноутбук, немного почитала первую попавшуюся книгу, а уж потом села за стол.

Зачем он прикоснулся к ней тогда, около картины?..

Это было вовсе необязательно.

«Мы оба знали, у кого какие карты на руках, а уж в какой последовательности предъявлять их, каждый выбирал сам. И давайте я скажу совсем уж крамольную вещь: я получал удовольствие не

только от своих слов и поступков, но и от ваших...»

Катя включила диктофон и закрыла глаза. Голос Федора, как она и ожидала, окружил ее со всех сторон, проник сквозь кожу, влетел с воздухом в легкие и завибрировал в груди. Не обращая внимания на подступающие слезы, она решительно открыла файл со статьей и продолжила писать.

Зачем Федор прикоснулся к ней тогда, около картины?..

Потому что корабль судьбы обязательно должен был к нему приплыть.

Сила воли подвела ближе к обеду, Катя достала мобильный телефон, поставила его на подзарядку и проверила вызовы и сообщения. От Федора – тишина. От Андрея два звонка и: *«Катя, ау, не могу вас найти. Как насчет завтрака, обеда или ужина? Честно говоря, соскучился, надеюсь, вы уехали ненадолго...»*

Вот теперь она заплакала, первые слезы соскользнули с подбородка и полетели вниз. Андрей, Андрей... Вдруг неожиданно захотелось прижаться к нему и услышать сто слов... нет, не сочувствия... какой-нибудь ерунды. Он умеет так разговаривать обо всем, что на душе становится хорошо, и любые минусы отступают и рассыпаются в пыль. И Андрею ничего от нее не нужно: ни корабля, ни картины, ни фарфоровой вазы, ни античной статуи затертых годов.

«Я уехала в гости к подруге, здесь связь плохая».

Но повезло – сообщение улетело сразу и под ним появилась надпись: «Доставлено».

«Я бы очень хотел вас увидеть, это возможно?»

Катя помедлила лишь пару секунд.

«Да».

«Отлично! Место и время?»

«Казанский вокзал, 16.00».

Она улыбнулась, представляя реакцию Андрея.

*«Ого! Как там с приличными кафешками?»
«Кофе и маффин непременно найдем».
«Я посмотрю, что там есть толкового и
напишу, где встречаемся. Будьте голодной!»
«Хорошо. Обязательно».*

Почти все сообщения Андрея содержали улыбки, и Катя подумала, как прекрасно, что на свете есть те, кто дарует настроение просто так. Не потому, что им хочется казаться лучше или в их головах бродят корыстные планы, а потому, что иначе они не умеют.

Катя быстро перечитала переписку и улыбнулась, наконец-то стало полегче. С первой встречи Андрей, так или иначе, поддерживал ее, и, конечно, Мелихов не посвящал его в свои планы относительно корабля. «Сегодня я буду пить кофе с ванильными маффинами и болтать о пустяках. Не правда ли, это здорово? Бабушка, вот видишь, я не раскисаю».

* * *

Давным-давно...

Два месяца не такой уж и большой срок, но боль умеет растягивать минуты в часы.

Соседи уже знали, что Александра Образцова «благополучно переехала к родной тете в Петербург» и теперь будет проживать с ней. Новость вызвала всплеск разговоров, и куда бы Павел ни приехал, а общаться и решать различные хозяйственные вопросы приходилось, с ним всюду стремились обсудить перемены в жизни «несчастной сироты, которой наконец-то повезло». Павел в ответ либо молчал, если позволяла ситуация, либо отвечал односложно, не давая возможности растягивать пытку.

Легче не становилось.

Быть может, время и лечило кого-то где-то, но только не его.

Ощущение, будто душу стянули толстым металлическим кольцом, не отступало и не давало возможности вдохнуть полной грудью. Павел брал на себя и физическую работу в имении, чтобы накалить мышцы докрасна и отвлечься хоть ненадолго.

– Не бережете вы себя, Павел Андреевич, – под руку бурчал Иван, и приходилось от него отмахиваться и отпралять куда подальше.

Павел многое бы отдал, чтобы увидеть Александру еще раз. И в голову закрадывались мысли поехать, издалека скользнуть взглядом по ее плечам и смешаться с толпой, не нарушив ее душевный покой. Но это не принесло бы даже секундного облегчения. Ее отдаленная улыбка, поворот головы, прядь на щеке – преумножили бы боль, лишний раз подчеркнули, что он потерял свое счастье. Но мысль, что он оказывается способен так сильно любить, иногда вызывала тепло в груди.

Больше месяца назад Павел вскочил на коня и стремительно направился к Геде. Пусть старая цыганка скажет хоть что-нибудь, даже если невозможно прочесть будущее по его ладони. Но с полпути он вернулся обратно. Геда уже все сказала: *«Не будет тебе покоя, не будет счастья, и умереть захочешь, так не умрешь...»* Что к этому добавить? Да и теперь невозможно трудно посмотреть ей в глаза. Она знала, еще тогда знала, кто он, что сделал и как это вернется к нему.

В конце апреля Павел несколько раз видел отчима Александры. Располневший, с красным обрюзгшим лицом, в забрызганных грязью брюках, Стрыгин шел чуть пошатываясь, хаотично размахивая руками, бормоча что-то под нос. Похоже, слухи подтверждались – Яков Петрович запил и, как рассказывали, его хозяйство все больше приходит в упадок.

Конец мая выдался очень жарким, и Павел велел снять со стен курятника глину с соломой, что вызвало у Ивана очередную песню жалобного протеста.

– А по осени опять обмазывать будем? – просто так для разговора спросил он, почесывая затылок.

Но Павел после этого вопроса остановился и замер. Да, потом опять наступят осень, зима, весна, лето... День за днем, круг за кругом. А он так и не увидит ее...

– Я уезжаю в Петербург, – произнес он и решительно направился к дому.

– Сейчас, что ли, Павел Андреевич? – Иван побежал следом, споткнулся и чуть не упал.

– Да.

Он понял, что уже просто не может находиться здесь. Один взгляд... Один взгляд на Александру – и все. И можно протянуть еще несколько месяцев, и пусть потом будет больше в сто раз, кто сможет измерить то чувство, которое стучит в его сердце каждую секунду и не отпускает.

Страшно.

Страшно ее увидеть с кем-то другим.

Время идет, и Александра могла выбрать того, кто согреет ее душу...

«Господи, дай мне шанс. Или пусти время
вспять, я поступлю иначе!»

Если не считать природных перемен, Петербург ничуть не изменился за два прошедших месяца. Но Павлу хотелось перемен, и он их искал, пересекая улицы, навещая приятелей и знакомых.

С потеплением начался сезон приемов, на подносе возле двери каждый день появлялась корреспонденция, большая часть которой начиналась с весомого слова: «Приглашение». Павел читал узорчатые карточки и традиционно отправлял их в камин. Это были не те вечера, на которых могла появиться княгиня Мария Николаевна Чернышева с племянницей.

Теперь встреча с Александрой стала наваждением, Павел иногда улыбался только от мысли, что увидит ее. Для счастья нужно очень много. И очень мало. Лишь вздох, поворот головы, взгляд, шуршание юбок...

Приглашение графа Петра Петровича Ушакова Павел положил перед собой на стол и долго на него смотрел. К Ушакову съезжались все сливки общества, причем к такому вечеру особенно тщательно готовились родители юных особ. Считалось хорошей приметой начать выводить в свет дочерей, именно начиная с дома Петра Петровича. Отец Павла дружил с Ушаковым, и на его торжествах приходилось бывать много раз.

«Две недели ждать, – подумал Павел, глядя на дату приглашения. – Теперь я знаю, что такое вечность. – Он усмехнулся и решил на это время вернуться в имение. – Там быстрее пройдут дни».

Ушаков устраивал приемы с размахом, и этот не был исключением. Лакеи в красных кафтанах встречали гостей уже на лестнице, деревья в крепких высоких белых ящиках, обтянутых бархатом, стояли чуть ли не в каждом углу, полы, натертые до блеска, сияли, музыканты слаженно выдавали то мазурку, то кадрили, то вальс, вдоль одной из стен тянулись колонны с греческими бюстами, широкие тканевые ленты украшали стулья и кресла.

Пообщавшись с Петром Петровичем, рассказав ему кратко о делах в имении, получив заслуженную похвалу, Павел отошел в сторону и взглядом пробежался по залу. Александры не было. И княгини тоже. Покинув зал для танцев, он выпил шампанское, съел пару устриц, поговорил о будущем урожае и продаже леса со старыми знакомыми и вернулся к окну, где лучше всего получалось наблюдать за приглашенными. Голубые, розовые, желтые, кремовые платья мелькали перед глазами, сливаясь в одно пятнистое облако, Павел чувствовал раздражение и нервно сжимал и разжимал пальцы.

«Господи, дай мне ее увидеть...»

Промелькнуло темно-лиловое платье, раздался звонкий смех, и толпа немного расступилась, пропуская новых гостей.

Княгиня Мария Николаевна Чернышева и ее племянница Александра Образцова.

Павел сделал шаг назад и сжал спинку свободного стула.

Она должна была измениться, и она изменилась. Появились четкие отточенные движения, уверенная речь, слова складывались в нужные предложения.

Если требовалось поправить непослушный локон, она не поправляла его – она ставила его на место.

Если нужно было смахнуть прилипшую к модному платью нитку, она не смахивала ее, а испепеляла взглядом.

Все породистое, что родилось вместе с ней и дремало продолжительное время, выплыло наружу, и теперь это нельзя было спрятать или заправить обратно, в старые протертые книзу юбки.

Она должна была измениться, и она изменилась. Но важнее всего – она стала собой.

Павел смотрел на Александру, как смотрят на картину, которая поглощает и окутывает. И он против здравого смысла теперь желал, чтобы она повернула голову и увидела его. Но только не презрение... Пусть на ее лице не отражается презрение.

Княгиня раскрыла веер и, обмахиваясь, направилась в круг разговаривающих дам. Дождавшись вальса, Павел прошел вдоль картин и греческих бюстов, вспомнил тот вечер, когда танец у Платоновых казался отличной забавой, и остановился напротив Александры.

– Вы позволите? – учтиво кивнув, спросил Павел. Он не сразу смог заглянуть ей в глаза.

* * *

Андрей выбрал уютное кафе неподалеку от вокзала. Здесь витали ароматы ванили, корицы и свежесдобы. Все кресла были круглыми, с низкими спинками и выгнутыми бархатными подлокотниками. Столики маленькие, больше трех тарелок и не поставишь, но для блюдец – в самый раз.

Меню не пестрило разнообразием, зато в подсвеченной витрине на тарелках и в корзинках лежали аппетитные пирожные и пухлые плюшки.

– Черносмородиновый чай, – сразу попросила Катя. – Я по нему очень соскучилась.

– Согласен, давайте чай, – поддержал Андрей. – А то что мы все кофе да кофе. На ресепшене сказали, что вы съехали, честно говоря, меня это сильно расстроило. Вы закончили интервью?

– Да, оставалось немного, я пересмотрела вопросы, и они оказались пустяковыми.

Аппетита у Кати не было, но она взяла пирожное «Картошка» и отломил небольшой кусочек чайной ложкой. Присутствие Андрея мысленно возвращало ее в отель, и не хотелось терять это ощущение.

– Катя, пожалуйста, не забывайте брать трубку, когда я звоню, а то получится как в «Аленьком цветочке»: Настенька уехала – и чудовище

заскучало и активно принялось умирать.

Катя автоматически подумала, что чудовищем в данном случае скорее является Федор, а не Андрей. Но только вряд ли он скучает...

– Я пока хочу пожить за городом, – ответила она. – А ваши звонки я не услышала случайно.

– Меня давно мучает один вопрос... – Андрей помолчал, на его глазах промелькнуло лукавство, а на губах заиграла улыбка. – Катя, когда мы с вами перейдем на «ты»?

– Наверное, сейчас, – ответно улыбнулась она.

Рука Андрея немного поднялась и опустилась, и Катя поняла, что он хотел накрыть ладонью ее руку, но в последний момент передумал и не стал этого делать.

– Отлично, можно считать, день не прожит зря. Давай скажу правду. Мне с тобой очень хорошо, и это хотелось бы сохранить надолго. И не важно, где ты живешь: в отеле, у себя в квартире или за сто километров от Москвы.

Кате сейчас нужны были эти слова, и она искренне ответила:

– Спасибо.

* * *

Давным-давно...

Саша и не знала, что жизнь может быть такой... доброй. Когда вокруг звучат лишь теплые, участливые слова, и даже строгость Марии Николаевны имеет тон постоянной заботы. Первое время и кашлянуть было нельзя, немедленно приглашался доктор.

Ее окружили учителями. Каждый день отличался от предыдущего и был удивительно интересен. Теперь спина всегда оставалась ровной, а подбородок смотрел чуть вверх – ровно настолько, чтобы из независимой особы не превратиться в заносчивую гордячку. Оказалось, даже нюансы имеют значение.

Мария Николаевна решила все вопросы со Стрыгиным и произнесла на эту тему только одну фразу: «Теперь ты свободна, этот человек больше не потревожит тебя». Новость растеребила душу, но

затем волнение улеглось и прошлое стало неспешно растворяться. Уходили в густую темноту недовольство отчима, окрики, гневные взгляды, редкие поездки к соседям, лес, ручей, поля... Но Саша часто доставала половину платка Геды и смотрела на бахрому рваного края. Невозможно стереть и забыть все, где-то останется часть тебя... Так же как и осталась в доме старой цыганки вторая половина этого платка.

Когда приезжал Матвей Григорьевич Глинников с сестрами, Саша испытывала необыкновенную радость. Лиза болтала без умолку, Вера Григорьевна ее часто одергивала, и в этом было столько настоящего семейного счастья, что дух захватывало.

Мария Николаевна много раз подчеркивала, что Матвей Григорьевич – достойнейший человек, и, бесспорно, это было именно так. Он рассказывал о своих задумках и планах, о далеких путешествиях к скалистым и песчаным берегам, о мирном племени «Гайи», в котором он провел почти два месяца после кораблекрушения, о живописи и о многом другом. Саша слушала и чувствовала на себе внимательный взгляд.

Два раза и они приезжали в гости к Глинниковым. Немного странно было оказаться в той комнате, где она проснулась после падения на рынке... Если бы тогда сказали, как изменится ее жизнь, Саша бы не поверила.

Она побывала в мастерской Матвея и после долго не могла справиться с удивлением: никогда ранее она не встречала столь талантливого человека и теперь наблюдала, как стремительно меняется ее отношение к нему. Уважение, почтение, восхищение... Матвей показал Саше почти завершенную работу – красивый корабль с высокими мачтами, плотными парусами, небольшими, старательно выполненными симметричными фигурками на бортах и корме. Хотелось протянуть руку, дотронуться до маленьких пушек, пересчитать их. Небольшой корабль, но величественный и горделивый.

– Не могу сказать, что я доволен этой работой, – сказал Матвей, проводя рукой по лакированному борту. – Можно было сделать четче, и оказалось, что в трех местах я нарушил пропорции. Это стало для меня неприятным открытием.

– Вы не правы, корабль прекрасен, – покачала головой Саша. – Он как настоящий, спустите его на воду, и он поплывет.

Мария Николаевна задалась целью вывести племянницу в свет до лета. Началась череда примерок, выбора тканей, лент, кружева. Постепенно стала понятна мода с ее тяжелым бархатом, насыщенными цветами, темной отделкой, обязательными шляпками и зонтиками. «Не ты должна нести платье, а платье тебя, – наставительным тоном говорила Мария Николаевна. – Возможно, тебе трудно поверить, но в молодости я была хороша. Если бы не смерть моего мужа и последующие болезни...» Саша сразу искренне бросалась утешать княгиню, и потом они долго сидели, разговаривали и пили чай с колотым сахаром.

К концу мая Саша почувствовала в себе перемены, в зеркале она теперь видела немного другую Александру Образцову – эту девушку никто бы никогда не посмел толкнуть в сторону леса и пустить следом гончих. Сколько же ненужных вещей хранила она в душе, сколько памятных болезней, сколько острых лезвий и сколько рваных ран. Плохое ушло, и до сознания стрелой долетела мысль, что все начинается сначала, вот сейчас, в этот миг. Она свободна и гораздо сильнее, чем раньше.

Но было то, что не уходило, не растворялось в яркой суеде дня, что каким-то странным, непонятным образом поселилось в Саше и требовало не только внимания, но и тишины.

Павел Андреевич Воронцов.

Она думала о нем. Несмело и с разными чувствами. Нет, он не исчезал, не оставлял ее, и все чаще и чаще приходили сны про яблоневый сад. Эти сны тревожили, будили, но всегда хотелось досмотреть их до конца. Вдруг, там, в темноте сада, на еле различимой дорожке, Павел поступит совсем не так... Вдруг он, терзаемый сожалением, остановится и не сделает тот недостойный шаг...

Каким бы счастьем стало его сожаление.

Каким счастьем.

На приеме Петра Петровича Ушакова у Саши чуть не закружилась голова – столько всего и сразу! Если Мария Николаевна вела достойный, но сдержанный образ жизни, то здесь царила бескрайняя роскошь.

Лиза заболела простудой, и семья Глинниковых не приехала на бал, Саша расстроилась из-за этого, ей не хватало непринужденного разговора и поддержки Веры Григорьевны и Матвея Григорьевича.

– Я не собираюсь тебе мешать отдыхать, – сдержанно улыбнувшись, сказала Мария Николаевна. – Тем более что мне необходимо поговорить с подругами. Но не танцуй без перерыва, во-первых, быстро устанут ноги, а во-вторых, сдержанность еще никому не повредила.

Саше очень хотелось танцевать, душа просила и кадрили, и мазурку. В ее жизни так мало было музыки, что острое желание получить ее в большом количестве, сразу за все прошедшие годы, мгновенно пробежалось приятными мурашками по спине. «Кошмар, – мысленно улынулась Саша, – хорошо, что о моих мурашках Марии Николаевне ничего не ведомо».

– Вы позволите? – раздался знакомый голос, и она подняла голову.

Если очень долго думать о прошлом, то оно может однажды распахнуть двери и прийти?

Перед Сашей стоял граф Павел Андреевич Воронцов, и первое, на чем остановился взгляд, – ямочка на его подбородке.

– Вы позволите? – повторил он.

Это был невыносимо сложный вопрос. От него онемели пальцы рук и ног. Надо поднять голову еще немного выше и заглянуть в серые глаза. Такие же они холодные, как в яблоневом саду, или ее мольбы о сожалении долетели до неба? Где то презрение, которое когда-то переполняло ее существо, где отчаяние и злость? На дорогах... По всей видимости, они остались на дорогах...

– Нет, – произнесла Саша, отвернулась и направилась к княгине.

За спиной раздался шепот юных особ, непонимающих, как можно отказать такому мужчине.

Но она могла. Пока еще могла.

* * *

«Катя-Катерина, ты что делаешь?.. Не-е-ет, нам такая сволочь в базарный день и за копейку не нужна. – Глеб сделал попытку осторожно приблизиться, но, как назло, освободилось сразу три

столика. Обзор для Кати и Андрея расширился, а значит, самое время отойти в сторону. – Ну и ладно, говори ей что хочешь. А я попью пиво и поберегу свои нежные уши».

Едко усмехнувшись, Глеб пересел в дальний угол кафешки, где его удачно закрыли собой три любителя булок и картошки.

Дождавшись, когда Катя и Андрей закончат пить кофе, он поднялся и последовал за ними. Суета и толкотня подземного перехода были как раз кстати, воспользовавшись моментом, Глеб с трудом протиснулся вперед, прижался к Кате боком и профессионально положил в ее сумочку пухлый конверт.

«Я, конечно, не журналист, но диктофон у меня тоже имеется».

Довольный собой, он развернулся и, насвистывая простенькую мелодию, направился в противоположную сторону. Зачем тащиться в Бронницы? Его ждет отель «Тасман» с роскошной ванной и неиссякаемым коньяком в баре.

Глава 19

Он не стал бы коллекционером, если бы за каждой интересующей его вещью полупрозрачным шлейфом не тянулась бы та или иная история. И чем интереснее и сложнее была охота, тем ярче горели глаза и нетерпеливее билось сердце.

За всю свою жизнь Матвей Глинников создал всего пять макетов кораблей, и «Полтава» была последней в списке. Федор отыскал «Неву», «Юнону», «Палладу», «Грейга», и они заняли достойное место в одной из его галерей. Но в дневнике сестры Глинникова рассказывалось и о «Полтаве». Матвей переживал, что ошибся в расчетах, и как-то за ужином поведал о минусах Вере Григорьевне. И больше нигде и никогда не попадалось упоминание об этом корабле.

Мастер, разочарованный в своей работе, вполне мог сжечь «Полтаву» или разобрать ее на части. Сколько талантливых художников рвали или закрашивали свои картины, не достигнув совершенства. Но все же это был не тот случай. Из дневника Веры Григорьевны следовало, что вскоре семья перебралась в Лондон, куда пригласили Матвея для участия в работе над электрическим двигателем, и перед отъездом он написал письмо нотариусу Щербакову Сергею Кузьмичу:

«Я уезжаю надолго, сохраните то, что я Вам доверил, и поступите правильно, когда придет время. Надеюсь, ошибки в пропорциях не сильно режут Вам глаз».

Но письмо не было отправлено, оно осталось лежать закладкой в дневнике. Вера Григорьевна сетовала, что совсем забыла про него.

Федор далеко не сразу понял связь: Матвей Глинников с долей иронии говорил о «Полтаве». Во всяком случае хотелось в это верить, кто знает, где он еще мог ошибиться в пропорциях... И начались параллельные поиски и корабля, и любой информации относительно нотариуса. Если «Полтава» была отдана на хранение Щербакову и после этого о ней никто ничего не слышал, то существовала хоть и

призрачная, но все же надежда, что она так и осталась в семье Сергея Кузьмича.

Тонкая родственная цепочка привела к журналистке Екатерине Щербаковой. Были еще ее родители в Санкт-Петербурге и троюродный дядя в Казани, но раз девушка ближе, то зачем далеко ходить – надо начать с нее. Не обязательно, что корабль стоит на прикроватной тумбочке Екатерины и, засыпая, она любит пушки и лавровыми венками, но такой корабль пропустить трудно, журналистка может знать, у кого из родственников он находится.

Если бы Катя оказалась другой, Федор, может, и задал бы вопрос прямо, но... Нет, вряд ли. В ответ всегда можно получить ложь, а он слишком долго мечтал о таинственном пятом корабле. И поэтому было важно увидеть реакцию Кати и понять: известно ей что-то или нет.

Когда она зашла в библиотеку и увидела копию, ее лицо сказало все, и дальше началась уже другая история...

Для любой игры нужно место, и отель «Тасман» распахнул свои двери.

Федор видел борьбу Кати и не хотел, чтобы она сдавалась быстро. Пусть находится рядом, совсем близко, пусть всегда будет возможность заглянуть в ее глаза, услышать голос и смех. Ему нравилось, когда она смеется.

Но с каждым днем чувства менялись, и вот уже не азарт играет главную роль. Катя проходит мимо или садится напротив, задает вопросы или молчит, включает диктофон или берет блокнот – невозможно приятно следить за каждым ее движением.

Катя.

Не так много возможностей коснуться ее.

Танец? Да, пусть будет танец.

Федор говорил себе, что это лишь часть спектакля, но он бы с удовольствием нажал кнопку «Повтор», если бы такая имелась на судьбе, и опять пригласил бы Катю на танец, положил ладонь на ее талию и почувствовал аромат ее кожи. «Ты даже и не догадываешься, как мне с тобой хорошо».

И можно говорить себе: «Я притягиваю ее, чтобы сделать слабой», но в глубине души все тайное давно стало явным.

Замечая интерес Андрея к Кате, Федор раздражался. Они завтракают, ужинают, смех звучит слишком громко, он задевает

нервы... Оказывается, иногда очень тяжело ждать. Но бой должен быть честным, и пусть победит сильнейший.

Каждый раз Федор ждал, когда Катя заговорит о «Полтаве», и казалось, вот сейчас, теперь, но она ускользала, точно шелк на ветру, и приходилось следовать за ней, выстраивая новые декорации спектакля.

Он не мог не коснуться ее возле картины, в тот момент, растворившись в новых впечатлениях, Катя наконец-то казалась беззащитной, с обнаженной душой. Так подходи и бери...

Увидев ее с дорожной сумкой, Федор понял все: вот и приплыл корабль к отелю, осталось только бросить якорь. Какие чувства обычно испытываешь в подобный момент? Памятные и победные. Они вспыхивают в груди, расталкивая ребра, и распространяются по телу с космической скоростью, вызывая на лице резко очерченную улыбку.

Федор испытал это, долгая дорога привела к цели, но... Не только ради обладания «Полтавой» он потратил столько лет поисков, его влекла загадка, о которой Катя не догадывалась. «Нева», «Юнона», «Паллада» и «Грейг» были не просто макетами кораблей – это были умело созданные шкатулки, способные хранить любые секреты. И заставить скрытый механизм сработать – вот это и было конечной целью и удовольствием.

Распоряжение Матвея Глинникова намекало на то, что «Полтава», в отличие от своих кораблей-предшественников, не окажется пустой. *«Но, поборов в себе уважение к моему труду, он должен разбить данный макет и наконец поставить точку в этой истории».*

Это поразило настолько, что Федор не услышал, как Катя вышла из кабинета.

* * *

Все по плану. Отнесла корабль, съехала, громко хлопнув дверью. Молодец! Пусть теперь Мелихов страдает, тоскует и обязательно гибнет. Получить корабль – это хорошо, но получить Катю намного лучше.

– Без гибели в нашем деле категорически нельзя. Эй, Небесная канцелярия, зачет мне, да? Я вообще считаю, что я здесь самый главный, ибо обеспечиваю продолжительность жизни на земле.

Глеб, широко улыбаясь, лежал в ванной и предчувствовал приближение окончания истории, остались мелочи, не требующие особого труда и времени. «Так что готовьте третью жертву, выполню план досрочно!»

Обмотав бедра белоснежным махровым полотенцем, оставляя на полу дорожку редких капель, Глеб вернулся в комнату и бухнулся на кровать. Хо-ро-шо. Но в голове жужжала, не отпуская, настойчивая мысль, и очень хотелось ее поймать.

«Что там с этим кораблем? Прочитать про него, что ли, для общего развития?»

Но Интернет молчал о «Полтаве», и пришлось переключиться на Матвея Глинникова. Информации не очень много, но все же она есть.

– О, да ты еще четыре корабля сделал...

«...макеты кораблей „Нева“, „Юнона“, „Паллада“ и „Грейг“ находятся в коллекции Ф. Д. Мелихова и выставлены в галерее, находящейся в Санкт-Петербурге. Уникальность работ Матвея Глинникова состоит в том, что каждый макет является шкатулкой со скрытыми механизмами – это сложные конструкции, придумать и изготовить которые было не так-то просто...»

Глеб потер небритую щеку, сдержался от крепкого высказывания и бегло дочитал статью до конца, вернувшись к этим строкам. Значит, «Полтава» тоже шкатулка? Пустая или нет? Что в ней?!

– Федор Дмитриевич, какого... – произнес Глеб и осекся. Уверенность, что Катя об этом ничего не знает, была железобетонной, а интуиция подсказывала, что лучше бы не игнорировать этот факт.

Пустая «Полтава» или в ней лежит нечто важное? И как это узнать?

Лежит или лежало?

Мелихов наверняка уже вскрыл макет и заглянул внутрь. Но легко ли его вскрыть, если...

– Внутри долбаные механизмы. – Глеб встал из-за стола, взял телевизионный пульт и тут же швырнул его обратно на кровать. Нет,

коллекционер никогда не станет ломать любимую игрушку. – Рентген он ему, что ли, сделает?

«Но как узнать... Как узнать?!»

Глеб знал только один способ решить этот вопрос, но, по слухам, он был очень болезненным и требовал слишком много особой силы. Так же как он мысленно проникал сквозь стены, как он при везении считывал прошлое с различных вещей, он мог проникнуть и через слои времени. Однако на них стояла болевая защита, чтобы неповадно было просто так шляться туда и сюда, и дураков рискнуть среди охотников было слишком мало. Но Глеб знал, что для выполнения некоторых заданий очень редко преодолевать барьер приходится. «Кости ломает, говорите... Сейчас попробуем».

Так как раньше столь сильно рисковать не приходилось, Глеб испытывал некоторую долю страха. Сделав для храбрости глоток виски, он стянул полотенце и быстро надел трусы.

– Ну, не могу же я без трусов по прошлому шляться. Не то воспитание, знаете ли.

«Лучше стоя, сидя или лежа? Совета не будет, нет? Почему-то я не удивлен... Ладно, безопасность прежде всего».

Устроившись на кровати, вытянув ноги, Глеб сложил руки на груди, но тут же опустил их на одеяло.

– Меньше всего сейчас хочется походить на покойника. – Усмехнувшись, он иронично добавил: – Боевая готовность номер один... – и закрыл глаза.

Сформулировав мысль, повторив ее несколько раз, Глеб окунулся в темноту и начал пробираться вперед, настраиваясь на желаемое. Сначала темнота хранила неподвижность и не отзывалась, затем расслоилась и поплыла вправо, ускоряя темп. Особая сила дернула тело и стала медленно по крупницам утекать, оставляя после себя нарастающее ощущение пустоты. Боясь потерять связь, Глеб напрягся, сжал мышцы и почувствовал первую, пока легкую сверлящую боль в позвонках. В голове пронесся гул, руки скрутило, и слои темноты сначала стали осыпаться, а затем притянули к себе и потащили вперед

в корявую ржавую воронку, шершавые стены которой сдирали кожу без сожаления или задержки. Ребра сдавило волной, и Глебу послышался хруст, инстинкт самосохранения сработал быстро, но битву времени выиграть невозможно, оно всегда оказывается сильнее.

Его мотало из стороны в сторону, на губах чувствовался привкус крови, проносились города и камни, многотонные волны обрушивались из ниоткуда и лишали возможности дышать, кости ломало – да, но они мгновенно исцелялись снова, давая возможность боли раздробить их опять...

Когда картинка остановилась, не было сил даже пошевелить губами, взгляд замер на приятной девушке в светлом платье и молодом мужчине с чуть рыжеватыми волосами. Его зеленые глаза излучали тепло, на правой щеке виднелась родинка. «Матвей Григорьевич...» – донесся голос девушки, и цвета стали ярче, а шум листвы четче.

Слушая разговор, Глеб не знал, что обратная дорога будет точно такой же не скучной.

* * *

Давным-давно...

– Матвей Григорьевич, не уезжайте.

– Меня ждет Лондон, и с этим ничего не поделаешь.

– Но вы вернетесь?

– Почему бы и нет? Но пока я не знаю когда. Призвание – штука сложная, и очень хочется послужить человечеству.

Он улыбнулся, и Саша ответила тем же. Ей нравилась ироничная доброта Матвея, она бы тоже хотела смотреть на многие моменты жизни вот так.

– Вы необыкновенный человек. Нет, нет, прошу вас, пожалуйста, не перебивайте. Вы даже не представляете, как я счастлива знакомством с вами, Лизой и Верой Григорьевной. Если бы не вы, моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе...

– Вот об этом как раз нам и нужно поговорить. – Матвей придвинул стул ближе, сел удобнее и заглянул Саше в глаза. – Вы мне

дороги, Александра, очень дороги. И зная, в какой ситуации вы были однажды, я хочу перед отъездом сделать все, чтобы тяжелых моментов в вашей судьбе было как можно меньше. Иногда приходят болезни, случаются утраты и разорения, сегодня мы богаты, а завтра бедны, и наоборот. Чтобы я сейчас ни предложил, это будет слишком мало в сравнении с тем, что может вам дать Мария Николаевна. Но я все же оставляю подарок и буду молиться, чтобы он никогда вам не пригодился. Потому что, если он вам понадобится, это будет означать, что в вашей жизни случились серьезные потери и трагедии. – Матвей достал из кармана небольшую треугольную шкатулку, раскрыл ее, и луч солнечного света наполнил искрами-брызгами все грани необыкновенно красивого и далеко не маленького бриллианта.

– Что это? – Неизбалованная драгоценностями Саша не могла оценить сияющий камень, но она понимала, как дорого он стоит.

– «Бук-Тунг» – ограненный алмаз индийского происхождения. Помните, вам в мастерской понравилась модель корабля?

– Да, вы ее уже доделали?

– Все пятьдесят четыре пушки на месте. Но я не рассказал вам, что «Полтава» не просто корабль, это шкатулка с небольшим секретом. Не так-то просто ее открыть. «Бук-Тунг» ляжет на дно корабля, а корабль отправится к моему хорошему другу и доверенному лицу – Щербакову Сергею Кузьмичу. Он много лет ведет мои дела, и я полностью доверяю ему и его семье. Я оставляю распоряжение. Если в течение пятнадцати лет вам понадобятся средства, вы всегда сможете прийти в нотариальную контору Щербакова и получить «Полтаву» вместе с «Бук-Тунгом».

– Матвей Григорьевич, – Саша замотала головой, – я не могу принять от вас такого подарка. Это невозможно...

– Я знал, что услышу эти слова. – Он улыбнулся и посмотрел на бриллиант. – Именно поэтому и предлагаю такой вариант. Если камень вам не понадобится, то и не надо, он перейдет к семье Щербаковых, мне есть за что их благодарить. А если деньги потребуются, то окажите мне честь, дайте возможность быть тем человеком, который пусть и через расстояние протянет вам руку помощи. Александра, это всего лишь бриллиант, не более того. – На губах Матвея заиграла усмешка. – А теперь не перечьте мне, не разрушайте сказку,

придуманную двумя весенними вечерами. Я должен вам рассказать, как открывается корабль, а вам придется хорошенько это запомнить.

Готовы?

Улыбнувшись искренне и тепло, Саша кивнула. Что она могла сделать? Только еще раз поблагодарить Господа за людей, встретившихся на ее пути.

Позже, направляясь к нотариусу Сергею Кузьмичу, Матвей ощущал вполне объяснимую радость. Теперь он уезжает с легким сердцем, маленькая птичка Александра Образцова не останется безоружной перед ударами судьбы. Их дороги разошлись, что ж, так бывает, и хорошо, что вспыхнувшая вначале симпатия неспешно переросла в заботливое братское чувство.

«Надо не забыть сказать Щербакову, что третья пушка опускает мачты, так гораздо удобнее хранить корабль».

* * *

Федор оттягивал этот момент сколько мог, получая удовольствие от томительного ожидания.

«Нева» открывалась нажатием на первую пушку – простой механизм.

«Юнона» – нажатием на каждую вторую.

«Паллада» – на каждую третью. Закономерность была найдена.

«Грейг» – на каждую четвертую.

А значит, «Полтава» отдаст свои тайны при нажатии на каждую пятую.

Федор быстро прошелся по нужным пушкам, но шкатулка не издала долгожданного внутреннего звука, корабль молчал, не желая признавать поражение.

– Каждая пятая... – тихо произнес Федор. – А всего пятьдесят четыре... Не хватает еще одной для красивого счета.

Мысли метнулись в разные стороны, нетерпение мешало сосредоточиться, но потом взгляд остановился на третьей пушке, опускающей и поднимающей мачты.

«Вот оно!» – пронеслось в голове Федора, и он протянул руку. Одно осторожное движение – и в глубине раздался еле уловимый щелчок. Дыхание перехватило, и на лбу выступили маленькие капельки пота. Теперь следовало обследовать «Полтаву» и понять, в каком месте выдвигается ящик и что именно является ящиком. Все корабли были разные, и тайное место не повторялось.

После долгого и кропотливого изучения Федор методом проб и ошибок пришел к разгадке. Аккуратная лесенка, ведущая вниз, теперь вынималась, после этого получилось вынуть и грот-мачту вместе с прямоугольной частью палубы. А дальше – просто. Нужно лишь просунуть несколько пальцев в образовавшуюся пустоту и взять то, что таилось на дне «Полтавы» долгие годы, – небольшую треугольную коробочку, обернутую пожелтевшей бумагой.

Глава 20

Ольга приехала раньше, традиционно села за столик Андрея и все же заказала текилу, хотя уже давно зачислила ее в разряд надоевшего алкоголя. Может быть, пить одной и не слишком красиво, но ее это точно не волнует. Где Федор откопал эту сероглазую журналистку... И зачем ему вообще понадобились статья и интервью? Прекрасно же жил без этого раньше.

Рядом с Федором появлялись женщины, но как приятно было осознавать, что это ненадолго. На месяц или два. Как получилось и с ней. Да, было несколько затяжных романов, но они уж точно держались не на сердечных чувствах. Они были целиком и полностью пропитаны удобством. Шанс вернуть Федора еще есть... Другие женщины приходят и уходят, а она, Ольга Копылова, не только остается, но и еще занимается финансовыми делами его компаний. Ну и кто получается нужнее?

Она помнила ночи, проведенные с ним в широкой кровати, красивые слова и подарки... И она не желала этого забывать. Пусть Федор поворачивается спиной к кому угодно, но только не к ней.

Появление Екатерины Щербаковой стало обжигающей неожиданностью. Тогда, на ужине, журналистка сидела спокойно и даже не старалась привлечь к себе внимание. А Федор все время направлял и направлял на нее взгляд, и в его глазах было то, чего не замечалось ранее. Нет, он не раздевал мысленно Катю, он явно прижимал ее к себе, пытаясь согреть. А это две большие разницы.

Андрей и раньше помогал Ольге, не бесплатно, конечно. Любые услуги стоят хороших денег. Но надо ли жадничать, когда на кону личное счастье? А у Андрея большие проблемы с азартными играми и карточными долгами, куда ему деваться?

– Чего ты пришла так рано?

– Не сидится в кабинете, – процедила Ольга. – Где журналистка?

– За городом, статью пишет.

– Когда вернется?

– А я откуда знаю. – Андрей открыл меню, лениво пробежался взглядом по строчкам, знакомым до каждого слова, и спросил: – Долго ты собираешься бегать по потолку? Она всего лишь журналистка.

– Почему ты не знаешь, когда она вернется? Я тебе за что заплатила? – Ольга подалась вперед и произнесла тише и резче: – За то, чтобы она любила тебя, а не его. Забыл?

– Это дело времени.

– Ты слишком в себе уверен.

– А ты слишком драматизируешь. Если бы Федор хотел, он бы проводил с ней утро, день и вечер.

– Они и так вместе чуть ли не целыми днями.

– Я о другом. Есть работа, куда от нее деться, а есть развлечения. Поездки в рестораны, например. А Федор дальше вон того стола ее никуда не водил. Допускаю, Катя ему нравится, но не настолько...

– Давай ты просто запудришь ей мозги, и все. Уложишь в постель, в конце концов. – Ольга молниеносно выпила уже третью текилу. – А об остальном буду думать я. Интуиция меня не подводит. Федор стал другим, понимаешь?

– Каким? – Андрей приподнял брови и вопросительно посмотрел на Ольгу.

– Свободным от всего и счастливым, – ответила она.

– А если это связано с приобретением еще одной статуэтки или картины?

– Ты не понимаешь, нет больше статуэток и картин. Есть она. Только она. Я это чувствую.

* * *

Давным-давно...

«Александра, если бы у меня была хоть какая-нибудь возможность поговорить с Вами, я не стал бы отправлять этого письма. Я совершил низость, глядя Вам в глаза, и ровно так же должен молить о прощении. Все остальное – трусость.

Я не стану придумывать оправдания, их нет и быть не может. Все, что я мог сделать тогда, это отправиться за Вами следом, надеясь помочь в

тяжелую минуту. Но, увы, о Ваших трудностях, случившихся благодаря моему недостойному поведению, я узнал слишком поздно. Я не успел.

Вы прибыли в Петербург, и я рад, что теперь Ваша жизнь наполнена покоем и радостью. Простите, что потревожил Вашу душу на балу у Петра Петровича Ушакова, но желание подойти к Вам и объясниться было непреодолимым. Я уехал сразу же после Вашего отказа, чтобы не причинять лишней боли.

Я прошу лишь об одном, дайте возможность сказать Вам то, что должно, и я уеду... Либо с Вашим прощеньем, либо без него...

Когда я отправился на Ваши поиски, я встретил старую цыганку, и она не смогла предсказать мою судьбу, сказав, что у меня лишь половина руки... Александра, теперь я знаю, где вторая половина, я не заслужил того счастья, когда линии судьбы сливаются и становятся одной целой.

К письму я прилагаю платок Геды, быть может, Вы помните эту цыганку, и Вам будет приятно получить от нее весточку.

Я буду надеяться на Вашу доброту и ждать ответа...»

Ниже чуть дрогнувшей строкой значился петербургский адрес графа Павла Андреевича Воронцова и его размашистая подпись.

Половина красного платка выскользнула из рук и упала на пол, плечи задрожали, и из глаз полились слезы.

После бала у Ушаковых Саша не находила себе места, она придумывала себе дела, но все валилось из рук. Там, в роскошном зале, она увидела того, кто уже давно поселился в ее сердце и не отпускал, кто не имел права приближаться, но тем не менее сделал это.

Сказав: «Нет», – Саша поспешила к княгине и уже не отходила от нее до конца вечера ни на шаг. Но Павел исчез, и даже начинало казаться, что его и не было. Почудилось, вот и все.

Однако через два дня утром пришло письмо, открывать которое было страшно. И, наверное, если бы не слова Геды, сказанные на прощанье, Саша бы еще долго не смогла развернуть плотный лист бумаги.

«И помни, на людей нельзя смотреть как на медный поднос: тот блестит, а этот нет... Ты тряпку-то возьми и отмой, отмой землю и ржавчину соскобли, не жалея ноготки. Правда никогда сверху не лежит и даром не достается».

Он сожалел.

Он не считал себя правым.

Он молил о прощении и мечтал ее увидеть.

Саша не могла остановить слезы, слишком долго она гнала от себя мысли о Павле, слишком долго твердила, что думать о нем нельзя.

Геда все знала, еще тогда...

Наконец успокоившись, быстро подняв с пола половину платка, Саша подошла к трюмо, открыла резную шкатулку, поблескивающую лаком, и достала вторую половину. Минуту она медлила, принимая решение, а затем положила обе половинки рядом и медленно, точно каждый миллиметр давался с трудом, ровно соединила их по бахrome разрыва.

– У меня тоже половина руки, – прошептала она. – У меня тоже.

Прощение имеет вкус ароматных яблок. А яблоневый сад – это то место, где можно быть очень счастливым.

Саша взяла чистый лист бумаги, перо и быстро написала:

«Я буду Вас ждать сегодня в три на Сенном рынке возле ларьков с выпечкой».

* * *

Телефон Кати не отвечал, она покинула отель вместе с вещами, оставив ключ на ресепшене.

– Где ты?

«Где ты?!»

Федор не мог не думать о том, что будет после того, как «Полтава» окажется в его руках. Катя напишет статью, подготовит интервью, и их дороги разойдутся в разные стороны навсегда... Нет, он бы не смог ее отпустить.

Но корабль вмешивался в их отношения, он плыл по водной глади, разделяя ее на правую и левую стороны.

Телефон Кати не отвечал.

Не отвечал...

Да, она покинула отель вместе с вещами...

«Я обидел ее. – Федор зашел в лифт и нажал кнопку первого этажа. – Я не дал ей понять, что она для меня значит. И я позволил ей уйти...»

Линейный корабль четвертого ранга «Полтава» теперь займет свое место рядом с другими кораблями Матвея Глинникова. Тайна разгадана, можно перевернуть еще одну страницу, рассказывающую об одном из экспонатов коллекции.

«Боль знает тот день и час, когда ей нужно выйти из тени», – горько усмехнулся Федор и направился к своему столику.

– Двойной эспresso, – сказал он, когда подошел официант.

Набрав номер Кати еще раз – недоступна, он позвонил Горину. «Она уехала за город к подруге, будет усиленно работать над статьей, не хочет отвлекаться...»

Но ждать нельзя, потом будет поздно. Федор выпрямился и почувствовал, как боль взметнулась вверх и зашагала по ребрам, небрежно задевая их. Она наполнила тело мукой, устремилась в голову и настойчиво зашептала: «Вряд ли вы еще увидите... Она будет жить без тебя... счастливо и беспечно...»

Кофе показался безвкусным и холодным, хотя этого не могло быть.

«Катя, где вы? Мне нужно поговорить с вами».

Федор отправил сообщение и заказал еще эспresso. Ему действительно требовалось поговорить с Катей по очень многим

вопросам. И он терпел, не переводил деньги, надеясь, что она объявится и спросит о них. «Лучше наличными», – усмехнулся он с грустью и набрал номер Андрея.

– Ты не знаешь, где Катя? Она мне очень нужна. Мобильник то молчит, то недоступен... Жаль. Если узнаешь, набери меня сразу.

Потерев лоб, он вспомнил, как Катя неторопливо ходила по его залам и комнатам, как задавала вопросы и улыбалась, как раскрыла книгу в библиотеке и довольно быстро поставила ее на место, что она прочитала тогда?

«Я найду тебя...»

* * *

Глеб и не надеялся, что после такого путешествия сможет подняться с кровати и сделать хотя бы один шаг. «Больше никогда, – стучала в висках непрерывно повторяющаяся мысль. – Больше никогда».

Шатаясь, борясь с острым приступом тошноты, он дошел до ванной, схватился за живот и рухнул на колени рядом с унитазом.

– Здравствуй, белый друг, нам нужно серьезно поговорить.

Резь в желудке усилилась, и коньяк попросился наружу.

Умывшись, изучив приличные синяки под глазами, Глеб в который раз пообещал себе раз и навсегда забыть про полеты в прошлое. Особой силы не осталось, лимит исчерпан, и теперь до определенного времени никакого волшебства не будет. Придется долго ждать, когда накопится.

Сделав попытку одеться, Глеб потерял равновесие и рухнул на кровать.

– Ну и плевать, – буркнул он, подтягивая под голову подушку. Сон пришел практически сразу, отключил воспаленный мозг, расслабил тело и дал возможность вернуться к нормальному состоянию. Восстановление было таким же быстрым, как и падение в прошлое, Глеб проснулся, открыл глаза и не ощутил в руках и ногах боли.

– Надо же, да я прям супергерой, – сказал он, протягивая руку к джинсам. «Но не просите и не уговаривайте, больше таким идиотом не

буду».

Теперь, когда физическое состояние пришло в норму, можно подумать и об увиденном. Оказывается, Матвей Глинников позаботился о близкой ему девушке, и в «Полтаве» скорее всего и сейчас лежит бриллиант «Бук-Тунг».

– Федор Дмитриевич, как там у вас совестью? Не беспокоит?

Глеб подумал о Кате, застегнул только три нижние пуговицы рубашки и так, с разгильдяйским настроением и полуоткрытой грудью, вышел из номера и направился на первый этаж в ресторан. После пережитого точно нужно хорошенько подкрепиться, и сейчас белковая пища в неограниченном количестве не помешает.

«Как ты там, Катя? Если обнаружила мой подарок, то, думаю, плохо. Ничего, держись, организую я тебе счастье».

«Жучки» работали исправно, и на вокзале Глеб положил в сумочку Кате диктофон с записью одного из разговоров Ольги и Андрея. Тогда они пошли обедать и обсудили все, что им было нужно. «Теперь ты узнаешь, почему помощник Мелихова так хорошо и заботливо к тебе относится. Грубая правда, ничего не поделаешь, крошка».

Увидев Мелихова, Глеб сел ближе к окну в кресло и попросил сделать ему яичницу из семи яиц и навалить на нее побольше жареного бекона.

Федор нервничал, часто брался за телефон, а Глеб неторопливо ел и довольно улыбался.

«Томительно приятно наблюдать за муками простых смертных. Ну что, канцелярия, пора закругляться? Сейчас у меня такое чувство, что я прям вершитель судеб. Боюсь лопнуть от важности».

Нарочно медленно, со значением вынув из подставки бумажную салфетку, Глеб попросил у официанта ручку и написал: *«Катя. Бронницы. Дачный поселок „Песочные горки“, забор зеленый, рядом колонка».*

«Благословляю, – выдохнул Глеб. – Живите долго и счастливо, ну и дальше по списку».

Расплатившись, он направился к двери. Остановился около менеджера и протянул ему салфетку:

– Будьте любезны, передайте Федору Дмитриевичу Мелихову, он как раз пьет кофе за своим любимым столиком. А у меня что-то голова кружится, бекона, наверное, переел.

Менеджер недоверчиво посмотрел в спину удаляющегося Глеба, чуть помедлил и направился в угол зала к владельцу отеля.

* * *

Федор смотрел на салфетку и слушал нестройные объяснения менеджера. Невозможно понять, что за человек передал ему это послание, об этом и потом подумать можно... Катя. Если верить салфетке, то она уехала в Бронницы. Горин тоже говорил, что она за городом...

Быстро поднявшись, Федор устремился наверх за ключами от машины. Сейчас он даже с удовольствием сядет за руль и рванет вперед, все лучше, чем раздражительное бездействие. И даже если Кати там не окажется – ничего, он будет хотя бы знать об этом.

Садясь в машину, Федор поймал себя на том, что мысленно обращается к ней уже ласково: «Катюшка ты моя», и эти слова звучали одновременно непривычно и правильно. На полпути он начал улыбаться, вдруг поверив, что Катя именно в Бронницах. Корабли, шкатулки, картины, монеты, мечи, вазы – это, наверное, навсегда останется у него за спиной, что поделать, он коллекционер, но перед ним – лицом к лицу – всегда должна быть она... Катя. И очень важно и нужно найти сейчас те самые слова, которые и ее заставят улыбнуться.

* * *

Статья дописана, интервью в самом разгаре. Погрузившись в работу, Катя не замечала, как быстро летит время. Чувства, сжимавшие

душу, стали немного другими, теперь они не мешали, а помогали в работе.

«...я совершенно не против жениться и обзавестись детьми. А если вы решитесь спросить, почему же я до сих пор не женат, то ответ банален и прост. Не встретил ту, которая сделала бы меня лучше. Быть может, это звучит эгоистично, но я считаю, что настоящее чувство делает человека лучше. Хотя бы на пару дней...»

Она перебирала ответы Федора на ее вопросы и мысленно разговаривала с ним. Интересно, она смогла бы сделать его лучше? Хотя бы на пару дней?

Сварив овсяную кашу на воде, она долго сидела на веранде и перебирала воспоминания. Встреча с Андреем немного успокоила ее, но дружеские чувства не могут заменить... любовь? Испугавшись этого слова, Катя поднялась и вернулась в кухню. Может, затеять уборку? Пора уже начинать новую жизнь этого дома. Или сначала составить план, что и как здесь нужно исправить?

Катя заглянула в комнату и вынула из сумки телефон. На этот раз были и сообщения, и не отвеченные звонки. От Федора.

«Катя, где вы? Мне нужно поговорить с вами».

«Может, проблема с переводом денег», – не желая сбиваться с рабочего настроения, подумала она и убрала телефон обратно в сумку. Рука коснулась пухлого конверта. Что это?

В конверте лежал диктофон, и это вызвало любопытство и удивление. Вернувшись в кухню, задаваясь вопросом, как он мог к ней попасть, Катя приготовила чай и лишь затем села на диван и нажала кнопку. Она не ожидала услышать разговор Ольги и Андрея, слова вырвались, закружили над столом и полетели обратно, больно жая. Не в силах слушать дальше, Катя выключила диктофон, встала и выбросила его в мусорное ведро. Руки задрожали, и пришлось обнять себя за плечи, чтобы хоть немного прийти в себя. Нет, она не хотела бы

знать, кто и за сколько готов ее продать, но иногда полезно познакомиться с правдой.

«Андрей, это всего лишь деньги... Они не сделают тебя счастливым».

Переодевшись в старенькую футболку и джинсы, собрав часть волос на затылке, Катя сгребла на участке мусор в кучу и сложила его в металлическую бочку. Вернувшись в дом, она еще несколько раз перечитала сообщение Федора и поняла, что не может не ответить.

«Добрый день. Я работаю за городом, позвоню немного позже». Это же легкий и непринужденный ответ, он никогда не расскажет о том, как тяжело находиться столь далеко от отеля «Тасман» и Федора Дмитриевича Мелихова.

Но связь опять барахлила, взяв телефон, Катя тяжело вздохнула, открыла дверь и направилась к яблоне.

– Катя!

Обернувшись, она увидела Федора и замерла. Он не мог знать, где ее искать...

– А я как раз отвечала на ваше сообщение.

– И что отвечали?

– Я обещала позвонить немного позже.

– Мне подождать?

– Не надо.

Катя улыбнулась, и Федор закрыл за собой калитку и уверенным шагом пошел по дорожке.

Очень хотелось сделать шаг навстречу, но нахлынувшие чувства остановили. Как же она соскучилась и по этому спокойному выражению лица, и по открытому лбу, и по внимательному взгляду карих глаз...

Что ж, мобильник в ближайшее время не понадобится, и Катя убрала его в задний карман джинсов.

– Далеко же вы уехали от меня, – тихо сказал Федор, когда между ними практически не осталось расстояния. – Это ваш дом?

– Да, я собираюсь привести в порядок участок, давно об этом мечтала. – Катя поняла, что ее голос дрогнул, но исправить это уже было нельзя. – А о чем вы хотели со мной поговорить?

– Наверное, о главном. Ничего не могу с собой поделаться, несколько дней назад вы сделали меня лучше. И это лучшее теперь не дает мне спокойно жить. – Федор протянул руку, коснулся плеча Кати, ее шеи, щеки. Из наспех сделанной прически выпала прядь, и ветер тихонько приподнял ее и опустил. – Не могу без тебя, – устало сказал Федор, осторожно убирая прядь за ухо. – Не могу. Пусто и плохо без тебя.

– А окимоно? Не пробовали с ними разговаривать?

– Пробовал, не помогает. И с вазами тоже пробовал, и тоже мимо.

Катя улыбнулась еще раз и наклонила голову, так, чтобы щека оказалась в его ладони.

– Я тут тоже немного разговаривала с теплицей и яблоней. И тоже мимо.

Федор притянул Катю к себе, его руки скользнули на талию, поднялись выше и опустились. Ему нравилось ловить в ее глазах радость, угадывать в них те чувства, в которых он так нуждался. Она доверчиво смотрела на него, проводя пальцем по пуговицам его рубашки. Губы то сжимались, то разжимались, и уже не было сил терпеть, но Матвей Глинников просил закончить историю, и Федор привез в Бронницы то, что должно было поставить последнюю точку.

Александра Образцова так и не пришла за бриллиантом, а она наверняка знала, что хранится на дне корабля. Драгоценный камень не должен был пропасть в таком случае, он должен был достаться Щербакову Сергею Кузьмичу.

*«Но, поборов в себе уважение к моему труду,
он должен разбить данный макет...»*

А значит, он теперь принадлежит Кате. Федор сунул руку в карман пиджака и улыбнулся, он искал корабль, и он его нашел, он мечтал разгадать тайну шкатулки, и он ее разгадал, но бриллиант перейдет к тому, кому он был предназначен. Матвей Глинников оставил на этот счет четкое распоряжение.

– Я должен отдать то, что принадлежит тебе. – Федор вынул из кармана завернутую в пожелтевшую бумагу коробочку и положил ее на стол.

– А можно я потом посмотрю? – спросила Катя, не желая выбираться из объятий.

– Конечно, можно. Это совершенно неспешное дело, вполне подождет тебя еще пару сотен лет.

Наклонив голову, Федор поцеловал Катю один раз, второй, третий... Она обвила его шею руками и сильнее прижалась, не желая расставаться ни на минуту.

– Катюшка ты моя, – прошептал он.

* * *

Глеб развалился на стойке ресепшена и подпер щеку кулаком, глядя на блондинку. «Теперь, когда моя волшебная сила на нуле, я уже не могу быть плохим, может, прогуляемся сегодня вечером туда, где потемнее...» – мысленно протянул он.

– Вы что-то хотели? – спросила девушка, подходя ближе.

Но в этот момент в груди у Глеба появилась особая легкость, сообщающая о том, что задание выполнено и на некоторое время он снова свободен. Выпрямившись, он посмотрел на потолок и улыбнулся.

– Не может быть... Ладно уж, давайте следующую, пока у меня хорошее настроение.

Эпилог

Давным-давно...

Павел не мог стоять на месте, но он боялся сделать лишний шаг, чтобы не пропустить Александру. Баранки висели гроздьями, хлеба и булки возвышались на лотках, однако Павел занял место около новых, недавно построенных ларьков, целью которых было облагородить внешний вид Сенного рынка. Минуты шли одна за другой, в голове вспыхивали фразы, но Павел не обращал на них внимания. Самое главное – это сказать: «Прости. Тысячу раз прости!» Если бы она только знала, как он уже наказан...

Получив ответное письмо, Павел прочитал его и умылся холодной водой. Он тер лицо, пока кожа не защипала, и голова не начала хорошо соображать. Верил ли он, что Александра Образцова ответит? Нет, только лишь надеялся. И та надежда не была сильной, она оказалась болезненно отчаянной, сжигающей изнутри.

Одна из торговок взялась громко нахваливать свои пирожки, залаяла и пробежала мимо лохматая дворняга, вторая торговка крикнула: «Баранки! Баранки!», и Павел обернулся на ее голос. Но вместо лотков он увидел ту, которую ждал. Александра подходила неторопливо, делая небольшие шаги. Остановилась. И все же подошла ближе. Ветер опять подхватил ее прядь, взметнул ее вверх и осторожно, будто понимая, что позволил себе лишнее, опустил на щеку.

– Добрый день, – сказал Павел и, заглянув в зеленые глаза, чувствуя, как холодеют руки и отчаянно бьется сердце, искренне добавил: – Александра, я прошу прощение за то зло, что причинил вам.

– Я очень хочу ванильных баранок, – ответила она, улыбнулась и подняла руку ладонью вверх, давая возможность исправить ошибку.

Ни у кого не должна быть лишь половина руки.

Примечания

1

Об этом можно прочитать в романе Ю.Климовой «В ее сердце акварель».

Table of Contents

[Юлия Владимировна Климова Ветер подскажет имя](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

